

ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

Том 6 № 2
Volume 6 2020

16+

Сайт журнала:
rrsociology.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.

включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017

Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 6, №2. 2020

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-9338

Volume 6, № 2. 2020

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *Шаповалова И. С.*, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: *Лебедев С. Д.*, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: *Кисиленко А. В.*, старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: *Ляшенко И. В.*, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдираймова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Блазович М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Василенько Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское сотрудничество», Россия.

Вишневский Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мартинюк В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

Михалик Я., заведующий кафедрой политических наук, декан факультета социальных наук Университета святых Кирилла и Мефодия, Словения.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мчедлова Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мчедлова М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Российской академии наук, Россия.

Островская Е. А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, Россия.

Сасунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Стоянов Ю., доктор социологических наук, профессор, Болгария.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухман Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якоба, Германия.

Цейткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Черныш Н. Ф., доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Чупров В. И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шмарин Ю. В., доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского, Россия.

EDITOR-IN-CHIEF: *Inna Shapovalova*, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: *Sergey Lebedev*, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

EXECUTIVE SECRETARY: *Anastasey Kisilenko*, Senior lecturer, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

ENGLISH TEXT EDITOR: *Igor V. Lyashenko*, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdairaymova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolatin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Chernysh M.F. Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director for the Coordination of Scientific and Educational Work of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Chuprov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Ivan Czitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Dragoljub Djordjevic, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Jakob Fruhmenn, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University. Jacobs, Germany.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Jaroslav Mihálik, Head of the department of Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius, Slovakia.

Michaela Moravcikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Svetlana Ryazanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Elena Rutkiewicz, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Yury Stoyanov, Doctor of Sociology, Professor, Bulgaria.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Alexander Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

Yuri Shmarin, Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semenova-Tian-Shansky, Russia

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»

Publisher: Belgorod State National Research University

Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

Publication frequency: 4/year

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ
И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИSOCIOLOGY OF CULTURE
AND SPIRITUAL LIFE

Лебедев С. Д., Шаповалова И. С., Рощупкина Н. А., Шкапенко А. А. Социальная травма и ценности поколений: Великая Отечественная война в исторической памяти студенческой молодежи	3	Sergey D. Lebedev, Inna S. Shapovalova, Nataliy A. Roshchupkina, Alena A. Shkapenko Social trauma and values of generations: The Great Patriotic War in the historical memory of students	3
Пакшина И. А. Исследование городской идентичности в интернет-сообществах (по результатам качественного анализа)	19	Iraida A. Pakshina Research of the urban identity in online communities (based on the results of a qualitative analysis)	19
Сапон И. В., Леденев Д. Е. Виртуальная личность: сетевой эффект самораскрытия	36	Irina V. Sapon, Dmitry E. Ledenev Virtual Identity: The Network Effect of Self-Disclosure	36
Яницкий О. Н. Великая Отечественная война 1941-45 гг. глазами подростка	51	Oleg N. Yanitsky The Great Patriotic War of the 1941-1945 through the Eyes of a Teenager	51

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ,
СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫSOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES
AND PROCESSES

Гаджимурадова Г. И., Рабат Л. Положение сирийских беженцев и внутренне перемещенных лиц на фоне пандемии и террористической угрозы	62	Gyulnara I. Gadzhimuradova, Lujain Rabat The situation with Syrian refugees and internally displaced persons amid the Covid-19 pandemic and terrorist threat	62
Духанина Л. Н., Каменева Т. Н., Максименко А. А., Попова Г. В. Отношение молодых женщин российской провинции к институту семьи и брака	74	Lubov N. Dukhanina, Tatyana N. Kameneva, Alexandr A. Maximenko, Galina V. Popova Attitude of young Russian provincial women to the institution of family and marriage	74
Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Отношение к ценности жизни как фактор восприятия населением террористической угрозы	101	Alla V. Mozgovaya, Elena V. Shlykova Attitude to the value of life as a factor in the perception of a terrorist threat by the population	101
Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Поколенческие и межстрановые различия воспитательных стратегий семьи (по данным социологического исследования)	117	Tamara K. Rostovskaya, Oksana V. Kuchmaeva Generational and cross-country differences in family educational strategies (based on a sociological study)	117
Рыбакова М. В., Паламарчук А. В. Евразийская интеграция: контент-анализ электронных ресурсов	132	Marina V. Rybakova, Anna V. Palamarchuk Eurasian integration: content analysis of web-resources	132

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИSOCIOLOGY OF MANAGEMENT
AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Зерчанинова Т. Е., Тарбеева И. С. Роль научного руководителя в научно-образовательной деятельности аспиранта	145	Tatiana E. Zerchaninova, Irina S. Tarbeeva The role of an academic advisor in the scientific and educational activities of a postgraduate student	145
Зимова Н. С., Фомин Е. В., Смагина А. А. Социальные сети как новый канал взаимодействия общества и власти	159	Natalya S. Zimova, Yegor V. Fomin, Alexandra A. Smagina Social networks as a new channel of interaction between government and society	159

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1

Лебедев С. Д.¹
Шаповалова И. С.²
Рошупкина Н. А.³
Шкапенко А. А.⁴

**Социальная травма и ценности поколений:
Великая Отечественная война в исторической памяти
студенческой молодежи**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Международный Центр социологических исследований
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия

¹serg_ka2001-dar@mail.ru

ORCID iD: 0000-0002-2545-4055

²shapovalova@bsu.edu.ru

ORCID iD: 0000-0002-2855-8968

³roshchupkina@bsu.edu.ru

⁴1200799@bsu.edu.ru

*Статья поступила 30 апреля 2020 г.; принята 5 мая 2020 г.;
опубликована 30 июня 2020 г.*

Аннотация. Статья посвящена анализу избранных результатов исследования студенческой молодежи в рамках четвертого этапа межрегионального мониторинга Российского Общества Социологов «Что мы знаем о Великой Отечественной войне» (2005–2020 гг.). Историческая память о Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. выступает одним из важнейших оснований общенациональной российской идентичности, приобщение к которой является необходимой компонентой культурной и гражданской социализации молодых поколений. На основе положений социологических теорий коллективных идентичностей, культурной травмы и социальных настроений интерпретируются данные опроса 2020 студентов, представляющих все структурные подразделения университета с выборкой по полу и возрасту (март 2020 г.). Исследование выявило, что историческая память о Великой Отечественной войне сохраняет актуальный характер на уровне подавляющего большинства (80%); для большей части студентов (55% опрошенных) эта память носит ценностно-позитивный характер, связанный с идеалом подвига старших поколений и с социальным образцом их самоотверженности и любви к Родине. Эмоционально-ценностную основу памяти составляет глубокий комплекс переживаний утраты родных и близких из предшествующих поколений семьи (семейно-историческая составляющая) в сочетании с позитивным идеалом их подвига, самоотверженности и патриотизма (национальная составляющая). Нарративный уровень памяти представлен в целом преобладающими преемственными патриотическими оценками / интерпретациями ключевых событий Великой Отечественной войны, с относительно небольшим «удельным весом» альтернативных

представлений, при общем равнодушном фоне отношения к этим вопросам. Вместе с тем обращает на себя внимание значительное количество колеблющихся, тех, кто не в состоянии определиться с позицией по ним. Заметная, хотя и меньшая, часть опрошенного контингента сохраняет сакральное отношение к событиям и героям Великой Отечественной войны, что проявляется в оценках её противоречивого отображения в современном кинематографе и актов вандализма в отношении памятников и захоронений советских солдат – освободителей в ряде стран Европы. **Ключевые слова:** историческая память; социальная травма; ценности; российский патриотизм; Великая Отечественная война; студенты; Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Благодарность. Российский фонд фундаментальных исследований, проект № 18-411-310009 «Оценка социализационных траекторий молодежи региона России в рискологической парадигме».

Информация для цитирования: Лебедев С. Д., Шаповалова И. С., Рошупкина Н. А., Шкапенко А. А. Социальная травма и ценности поколений: Великая Отечественная война в исторической памяти студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 3-18. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1

Sergey D. Lebedev¹
Inna S. Shapovalova²
Natalya A. Roshchupkina³
Alena A. Shkapenko⁴

**Social trauma and values of generations:
The Great Patriotic War in the historical memory
of students**

Belgorod State National Research University
International Center for Sociological Research
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

¹serg_ka2001-dar@mail.ru

ORCID iD: 0000-0002-2545-4055

²shapovalova@bsu.edu.ru

ORCID iD: 0000-0002-2855-8968

³roshchupkina@bsu.edu.ru

⁴1200799@bsu.edu.ru

*Received on April 30, 2020; accepted on May 5, 2020
published on June 30, 2020*

Abstract. The article is devoted to the analysis of selected research results of BelSU students within the fourth stage of the interregional monitoring of the Russian Society of Sociologists “What we know about the Great Patriotic War” (2005-2020). The historical memory of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1945 is one of the most important foundations of a nationwide Russian identity, familiarization with which is a necessary component of the cultural and civic socialization of young generations. Based on the provisions of sociological theories of collective identities, cultural trauma and social sentiment, the data of a survey of 2020 students representing all structural units of the university with a sample by gender and age were interpreted (March 2020). The study revealed that the historical memory of the Great Patriotic War remains relevant at the level of the vast majority (80%); for the majority of students (55% of respondents), this

memory is of a value-positive nature, associated with the ideal of the deed of the older generations and with the social model of their selflessness and love for the motherland. The emotional-value basis of memory is a deep complex of experiences of the loss of relatives and close ones from previous generations of the family (the family-historical component) in combination with the positive ideal of their heroism, dedication and patriotism (national component). The narrative level of memory is represented as a whole by the prevailing successive patriotic assessments / interpretations of key events of the Great Patriotic War, with a relatively small “specific gravity” of alternative representations, with a general not indifferent background of attitude to these issues. At the same time, a significant number of those who are hesitant are attracting attention, those who are not able to determine their position on them. A noticeable, albeit smaller, part of the contingent surveyed retains a sacred attitude to the events and heroes of the Great Patriotic War, which is manifested in assessments of its contradictory depiction in modern cinema and acts of vandalism regarding the monuments and graves of Soviet soldiers-liberators in several European countries.

Keywords: historical memory, social trauma, values, Russian patriotism, World War II, students, Belgorod State National Research University

Acknowledgments: The research was carried out with the support of the RFBR grant, project № 18-411-310009 “Evaluation of socializing trajectories of youth in the Russian region in the risky paradigm”.

Information for citation: Lebedev, S. D., Shapovalova, I. S., Roshchupkina, N. A. and Shkapenko, A. A. (2020), “Social trauma and values of generations: The Great Patriotic War in the historical memory of students”, *Research Result. Sociology and management*, 6 (2), 3-18, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1

Введение (Introduction). «Память о Великой Отечественной войне, – отмечают ведущие российские социологи, – в настоящее время одно из немногих, объединяющих россиян исторических событий, поддерживающих дух нашего народа, его веру в свои силы» (Саралиева, Широкалова, Куконков, 2015: 9). По существу, на протяжении жизни уже четвертого поколения события и герои тех лет, ставшие общенациональными символами, образуют российский аналог гражданской религии – «земного» сакрального комплекса, устойчиво значимого в масштабах общества и поддерживаемого как официально, так и неофициально, на уровне повседневности большинства (Зыгмонт, 2016). Ценности и представления, составляющие «военный» пласт социально-исторической памяти, являют собой наиболее мощный и значимый культурный и духовный «проводник», обеспечивающий преемственность российских эпох и поколений середины XX – первой четверти

XXI столетий при множественных, всеобъемлющих и во многом катастрофических изменениях, пришедших на это время. Поэтому комплексное и систематическое изучение его состояния и динамики, роли и значимости, факторов его устойчивости и эволюции в сознании и повседневной жизни людей – прежде всего, социально активных и обладающих повышенным культурным капиталом – имеет исключительно важное значение, как диагностика одной из значимых систем жизнеобеспечения национального социально-культурного организма.

Особенную актуальность и злободневность этой теме сообщает современная глобальная практика «информационных войн», направленная на ослабление и разрушение субъектности национальных и других коллективных единств. Как отмечают исследователи, «морально-политическое единство советского народа», сложившееся во время войны и особенно хорошо заметное вдали от столиц, оказалось вовсе

не выдумкой» (Игнатъев, 2020: 282). Память о Великой Отечественной войне, сложившаяся в СССР в послевоенные десятилетия, подверглась особенно массированным и изощренным атакам, которые возобновляются в последние годы. Атакуя образ Великой Отечественной войны, «бьют по связям, соединяющим людей уважением к этому символу. Но одновременно – и по нынешнему государству, которое медленно выходит из болезни 90-х годов» (Карамурза, 2007). Главным «полем сражений» здесь выступает сознание молодого поколения, в особенности образованной и активной молодежи, основную массу которой представляет студенчество. Диагностика его отношения к этой войне выявляет важнейший показатель состояния её нравственного сознания и в целом – вектор ценностной эволюции российской нации.

Наконец, следует подчеркнуть, что в этой связи особую актуальность имеет и региональный аспект ситуации. И. А. Халий, специально исследовавшая данный вопрос, отмечает, что «особым фактором морально-психологического климата в приграничных регионах выступает патриотизм в его различных интерпретациях» (Халий, 2014: 31). Белгородская область выступает классическим приграничным (фронтирным) российским регионом, исторически сформировавшимся именно в этом качестве; в последние же годы, как подчёркивает Э. К. Бийжанова, «в связи с изменением политической ситуации актуальность установки на открытость границ ... понижается, а барьерная функция возрастает» (Бийжанова, 2014: 13). Не менее важным обстоятельством является богатая военная история региона и его административного центра – г. Белгорода, заслуженно носящего звание «Города воинской славы», которая традиционно является здесь одним из «краеугольных камней» патриотического воспитания и формирования региональной идентичности. Всё это делает белгородскую молодежь и, в частности, её студенческую часть, в известном смысле контроль-

ной группой, состояние и динамика исторической памяти которой о Великой Отечественной войне особенно показательны на фоне молодежи большинства других российских регионов.

Методология исследования (Methodology and methods). В качестве теоретико-методологической «рамки» интерпретации полученных количественных данных в статье применены:

1) Положения социально-психологической теории коллективных идентичностей (social identity), восходящей к Э. Дюркгейму (Tajfel, Turner, 1986); коллективная идентичность рассматривается как «психосоциальный комплекс человека, задающий эмоционально важное для него самоотнесение к какой-либо группе / общности», включая национальное сообщество (Крупкин, 2010: 122). В структуре психосоциального комплекса коллективной идентичности необходимо присутствуют «священные» (сакральные) переживания, в число которых обязательно входят: «1) негодование от профанации считаемого святым / священным; 2) чувство благодати / благодати вследствие удачно совершённого сакрального ритуала; 3) аффекты от того, что обозначается словами «осквернение» / «скверна», переживание которых приводит к «очищению» (Крупкин, Лебедев, 2013: 45).

2) Положения культурсоциологической теории «культурной травмы» Дж. Александера, согласно которым травматические для общества события прошлого являются значимым моментом формирования его коллективной идентичности. Культурные травмы «позволяют членам более широких групп общественности разделить боль других, что расширяет область социального понимания и сочувствия, открывает возможности для новых форм социальной инклюзии» (Александр, 2012: 34). Последнее предполагает «пытливое повторное воспоминание коллективного прошлого, ведь память не только социальна и обладает текучестью, она еще и глубинно связана с ощущением «Я» в настоящем» (Александр, 2012: 32). Превращение воспоминаний

о травматических событиях в обыденность имеет «глубочайшие нормативные последствия для хода социальной жизни»: перестроенная на их основе коллективная идентичность даже в рутинизированной форме «остается основополагающим ресурсом для решения будущих социальных проблем и нарушений в коллективном сознании» (Александр, 2012: 34).

3) Положения социологической концепции социальных настроений Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко, в соответствии с которыми социальное (умо) настроение есть «целостная форма жизнеощущения, доминантная форма реально функционирующего общественного сознания и поведения, отражающая уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивидом, социальной группой и населением, различными организациями и институтами социальных установок, социальных целей и интересов» (Тощенко, Харченко, 1996: 21). Исходный уровень социального настроения – социальное самочувствие – предполагает «влияние исторической памяти, что, как показывает реальная жизнь, в современных условиях приобретает решающий характер для определения соответствующего поведения людей» (Тощенко, Харченко, 1996: 28).

В соответствии с указанными теоретическими моментами, историческая память о Великой Отечественной войне рассматривается как одно из важнейших оснований общенациональной российской идентичности, приобщение к которой является необходимой компонентой культурной и гражданской социализации молодых поколений. Культурно-символическим «механизмом» становления идентичности в этом её плане выступает вошедшее в традицию нескольких поколений переживание общенациональной (и общечеловеческой) травмы, связанной с огромными жертвами, понесёнными советским – российским национальным сообществом в этой войне ради Победы. Результатом и манифестацией этого коллективного переживания, подлежащей эмпирическому изучению,

становятся соответствующие социальные настроения, делающие «военную» историческую память актуальным ценностно-нормативным основанием социальной жизни. В самом обобщённом виде их можно расположить на шкале между двумя полюсами социальных умонастроений: патриотизма и «непатриотизма», который, по преобладающему мнению, молодёжи региона, есть «в первую очередь отсутствие национального самосознания и проявление презрения к собственной нации (35,1%); во-вторых – потребительское отношение к Родине (34,3%); и в-третьих – нежелание брать ответственность за будущее своей страны (29,5%)» (Шаповалова 2016: 52). Соответственно, настроение патриотизма характеризуется противоположными (контрадикторными) установками. Ценностное отношение к Великой Отечественной войне концентрирует в себе все эти смысловые измерения, выступая своего рода эталоном советского / российского патриотизма.

Мы сосредоточимся на ряде вопросов, изученных в начале текущего года в ходе четвёртого этапа межрегионального мониторинга «Что мы знаем о Великой Отечественной войне» Российского общества социологов (РОС) (Война была позавчера 2015) на региональной подвыборке студенческой молодёжи, представленной студентами НИУ «БелГУ». В феврале 2020 г. по опроснику РОС Международным Центром социологических исследований НИУ «БелГУ» был проведён мониторинг в масштабах университета, являющегося ведущим высшим учебным заведением Белгородской области. Количество опрошенных составило 2020 человек, представляющих все структурные подразделения (институты и факультеты) университета. Выборка включила 75,3% девушек и 24,7% молодых людей. Распределение по возрасту показало 27,8% 18-летних опрошенных; 24,1% 19-летних; 15,7% 20-летних и 10,3% 21-летних; те, кто не достиг 18 лет, составили 11,1%; старше 21 года – 6,6%; ещё 4,5% не указали свой возраст.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Из всего, довольно обширного, списка вопросов анкеты мы остановимся на тех, которые характеризуют переживание и рефлексии студенческой молодёжью исторической памяти, связанной с событиями Великой Отечественной войны. Методологически это соответствует базовому уровню соответ-

ствующего социального настроения – социальному самочувствию, куда входят: актуальное знание, эмоции, чувства, историческая память и общественное мнение (Тощенко, Харченко 1996: 32). Внутри него можно выделить подуровни: а) общего фона эмоционально-ценностного отношения и б) нарратива – то есть оценок / интерпретаций конкретных социально-исторических фактов. Представим их ниже.

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос: «Приближается 75-летие Победы. Какие мысли и чувства вызывает у вас эта дата?»

Table 1

Answers to the question: “The 75th anniversary of the Victory is approaching. What thoughts and feelings does this date evoke for you?”

Ответы	%
Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений	55,2
Память о минувшей войне сохраняется в сознании моих сверстников	25,1
С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее за- слоняют иные события и проблемы	13,5
Героизм и самопожертвования во время Великой Отечественной войны стано- вятся чуждыми значительной части молодежи	6,2
Всего	100,0

Эмоционально-ценностное отношение студентов к Победе в Великой Отечественной войне как историческому событию характеризуют ответы на вопрос об их мыслях и чувствах в связи с наступающим 75-летним юбилеем этого события. Предполагаемые ответы сформулированы так, что отображают не столько непосредственную саморефлексию респондента, сколько его личное опытное мнение о преобладающих тематических умонастроениях в среде сверстников. В вопросе и ответах заложены две смысловые интенции: объективная – факт сохранения или размывания исторической памяти о той войне, и субъективная – факт её «отнесения к ценности», связи с социальным идеалом или, напротив, ценностного отчуждения (см. Таблицу 1).

Здесь обращает на себя внимание последовательная регрессия распределения ответов, когда количество выбравших их от версии к версии снижается вдвое. Показательно, что более половины опрошенных

разделяют ставшую традиционной идеологему подвига старших поколений, ставшего непреходящим примером для их потомков, вобравшую в себя фундаментальные ценности Родины, нации и живой связи времён. Победа в Великой Отечественной войне остаётся для них наиболее близким и ярким символом самоотверженности и любви к Родине, характеризовавших многие поколения предков в героической и трагической российской истории. Эти человеческие качества, без которых не было бы Победы, во многом сохраняют в их глазах характер высокого идеала и социального образца. Ещё четверть респондентов отмечает, хотя и безоценочно, факт сохранения памяти о минувшей войне в сознании их поколения. Только около 14% отмечают, что эта память деактуализируется, уходит на задний план в связи с новыми, более современными событиями и проблемами, и всего 6% полагают, что героизм и самопожертвование недавних предков стали чужды молодёжи в её

значительной части. Общее соотношение оценок показывает картину 80%/20%: именно, с подавляющим перевесом доминирует мнение о сохранении молодёжью памяти о Великой Отечественной войне, с существенным преобладанием позитивно-ценностно «заряженных» её оценок, связанных с идеалом подвига старших поколений, которые в своей самоотверженности и

любви к Родине видятся большинством в качестве социального образца для молодых поколений. Напротив, мнение о ценностном отчуждении существенной части молодёжи от этой памяти представлено довольно незначительным меньшинством (6,2% опрошенных).

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос: «Согласны ли вы с мнением «Великая Отечественная война была давно, мне это не интересно?»»

Table 2

Answers to the question: “Do you agree with the opinion “The Great Patriotic War was a long time ago, I’m not interested in this?”

Ответы	%
Не согласен	72,2
Не очень согласен	22,9
Согласен	4,9
Всего	100,0

Данный вопрос проверяется и уточняется другим, уже персонально направленным, вопросом, предполагающим самооценку личного интереса респондента к теме Великой Отечественной войны (см. Таблицу 2).

Ответы выявляют почти $\frac{3}{4}$ опрошенных, для которых память о Великой Отечественной войне остаётся лично актуальной, и всего около 5% тех, для кого она не интересна за давностью лет. Ещё порядка 25% занимают промежуточную позицию: не соглашаясь с тем, что Великая Отечественная война им неинтересна, они, тем не менее, предпочли вариант «не очень согласен». Из этого следует, что больший или меньший интерес к событиям тех лет присутствует у

подавляющего большинства (95%) респондентов, что говорит в целом о субъективной серьёзности и искренности ответов на предыдущий вопрос. Война 1941-1945 гг. продолжает жить в сознании и памяти студентов университета, как социально и персонально значимый исторический факт.

Конкретное смысловое наполнение этого исторического факта тесно связано с контекстами родовой, семейной истории, семейной памяти. Великая Отечественная для сегодняшнего студента НИУ «БелГУ» – не абстрактное историческое или идеологическое понятие, она чаще всего наполнена глубоко личным смыслом. Характер этого смысла отчасти проясняют ответы на следующий вопрос (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Ответы респондентов на вопрос: «Чем для вашей семьи является «День Победы?»»

Table 3

Answers to the question: “What is Victory Day for your family?”

Ответы	%
«Праздник со слезами на глазах»	44,1
День памяти о родных, прошедших войну	42,7
День гордости за СССР	8,0
Просто выходной	3,9
Всего	100,0

«Праздник со слезами на глазах» – словесная формула преодоленной великой беды и великой жертвы, на языке современной культурсоциологии – «травмы», пережитой всем социетальным сообществом и практически каждой семьей в стране в военное время. 44% опрошенных выбрали именно этот ответ. Для почти такого же количества опрошенных это, прежде всего, день памяти о родных людях, вернувшихся и не вернувшихся с этой войны. Только лишь 8%, осмысливая сущность этого праздника, сделали акцент на моменте гордости за СССР, вынесшем на себе основную тяжесть войны и Победы. И всего около 4% – что сопоставимо со статистической погрешностью – тех опрошенных, кто относится к 9 Мая просто как к выходному дню, субъективно полностью дистанцируясь от всенародной исторической памяти.

Как можно видеть из этих данных, смыслы праздника Победы, прежде всего, глубоко укоренены в повседневности респондентов, в их, прежде всего, семейной истории и памяти. Государственно-идеологический момент здесь отступает на задний план, уступая семейно-личностному. И на этом уровне он связан, прежде всего, с чувствами памяти о конкретных близких людях, прошедших ту войну, и скорби по ним. Момент гордости за страну, победившую нацизм, здесь тоже присутствует, но как «верхушка айсберга», скрытая часть которого – интимно-семейная, личностная, печальная – превосходит её на порядок¹. В этой связи утверждения некоторых исследователей о том, что «Этот день не стал и днем поминовения, печальной памяти о погибших, человеческих страданиях и материальных разрушениях», якобы теряющихся в тени ура-патриотического празднования военной победы, представляются как минимум спорными (Гудков, 1997: 13).

Исходя из сказанного, можно предварительно констатировать, что наиболее

глубокий смыслообразующий пласт традиционной для нашего общества исторической памяти о Великой Отечественной войне, связанный с чувствами, эмоциями и базовыми ценностными ориентациями, у студентов ведущего белгородского вуза в целом сохраняется. Однако это не означает, что проблема размытия и трансформации этой памяти снята: она, с большой вероятностью, проявляется на более поверхностном и рефлектируемом уровне их сознания, связанном с оценками и интерпретациями конкретных исторических событий. Именно эти последние, охранявшиеся прежде на уровне государственной идеологии, подверглись в последние 30 с лишним лет интенсивной проблематизации и размытию в медиасреде и, как следствие, в российском массовом сознании. Как отмечает О. Ю. Малинова, здесь «сложной проблемой оказывается сопряжение символа Великой Победы с нарративом о советском прошлом: если относительно значимости первого существует более или менее устойчивый консенсус, то по поводу содержания второго имеет место борьба диаметрально противоположных позиций» (Малинова, 2015: 24).

Общим, «генеральным» вопросом, характеризующим такой нарратив, представляется оценка вклада различных стран антигитлеровской коалиции в победу над фашизмом (см. Таблицу 4).

Как можно видеть, патриотический консенсус, в данном вопросе вполне совпадающий с реальным историческим фактом, сохраняется и здесь: свыше 90% опрошенных оценивают вклад Советского Союза в Победу как «Значительный» (максимальный показатель по шкале). Соответствующая оценка аналогичного вклада других стран-союзников – США, Англии и Франции – уступает в 4.5–6 раз. Последний оценивается респондентами преимущественно как «Не очень значительный» (порядка 45%

¹ Отчасти такой характер доминирующего умонастроения опрошенного контингента связан с преобладанием в его составе респондентов женского пола (3/1). Однако значительная часть респондентов мужского пола разделяет соответствующие оценки.

опрошенных в каждом случае). Обращает на себя внимание большое количество затруднившихся ответить – от 21 до 24 % в случае западных стран и всего 6,3% – при-

менительно к СССР. Решающий вклад Советского Союза в Победу отрицается только 1,5% опрошенных, а вызывает какие-либо сомнения в целом у 7,8% респондентов.

Таблица 4

Ответы респондентов на вопрос: «Как вы оцениваете вклад в победу над фашизмом?»

Table 4

Answers to the question: “How do you assess the contribution to the victory over fascism?”

Страна	Оценка вклада в победу			
	значительный	не очень значительный	незначительный	затрудняюсь ответить
СССР	92,2	1,4	0,1	6,3
США	21,3	44,9	12,8	21,0
Англии	21,0	46,8	4,7	22,6
Франции	15,9	43,9	15,0	24,1

Исходя из этого, мы можем констатировать: а) сохранение в сознании студентов университета преобладающей роли нашей страны в победе над фашистской Германией и её союзниками, и б) сохранение консенсуса с официальной государственной позицией в данном ключевом вопросе на уровне подавляющего большинства опрошенных студентов университета.

Далее респондентам предлагалась серия однотипных вопросов из пяти позиций, значимых для отечественного нарратива Великой Отечественной войны и подвергаемых в последние годы наиболее активному «пересмотру» в ходе «трансформации режимов памяти в Европе» (Малинова, 2015: 18). Вопросы ставились в форме шкалы согласия / несогласия с узловыми концептуальными тезисами, сформулированными в «пересмотренном», отрицающем положения советско-российского нарратива, ключе. И здесь выявились уже не столь интегрированные тенденции оценок / интерпретаций (см. табл. 5).

Тезис «В войне виновны и Германия, и СССР» набрал больше всего голосов категорически несогласных с ним: вариант «Отвергаю» выбрали 34,1% респондентов. Отметим, что это – максимальное число опрошенных, решительно отвергающих «новый взгляд» на военную историю, по

всем пяти вопросам серии. Сопоставимое количество – 29,7% выбрали вариант «Спорно, но обсуждаемо». 10,6% ответили, что с этим «Можно согласиться». Вариант «Мне всё равно» отметили 2,1%. И почти четверть – 23,5% – затруднились с ответом.

На втором месте по числу категорически несогласных – тезис «Осквернение могил и снесение памятников советским воинам и полководцам в ряде стран – это декommунизация (борьба с наследием СССР)»; его решительно отвергают 31,8%. Считают, что это «Спорно, но обсуждаемо» 17,1%, и практически столько же (16,9%) склонны с этой трактовкой согласиться. Вариант «Мне всё равно» отметили 2,5%; затруднились ответить почти треть – 31,7% опрошенных.

Третье место по количеству категорически не согласных занял тезис «Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 года НЕ было неожиданным». Решительно отвергают это утверждение 27,7% опрошенных, но практически столько же – 27,0% – считают его «спорным, но обсуждаемым», и почти столько же (23,5%) склонны с ним согласиться. Вариант «Мне всё равно» отметили 1,7%; затруднились с ответом на данный вопрос 1/5 – ровно 20,0% от всех опрошенных.

Таблица 5

Ответы респондентов на вопрос: «Сегодня есть много мнений о событиях, связанных со Второй Мировой войной. Какие вы разделяете?»

Table 5

Answers to the question: "Today, there are many opinions about events related to the Second World War. Which ones do you share?"

	Отвер- гаю, %	Спорно, но обсужда- емо, %	Можно со- гласиться, %	Мне все равно, %	Затрудня- юсь отве- тить, %
В войне виновны и Герма- ния, и СССР	34,1	29,7	10,6	2,1	23,5
Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 года НЕ было неожиданным	27,7	27,0	23,5	1,7	20,0
Помощь фашистам («Лес- ные братья», «Банде- ровцы» и т.д.) можно оправдать борьбой против советского строя, стали- низма, за независимость Украины, стран Прибал- тики и др.	27,3	22,7	7,9	2,9	39,1
Освобождение Прибал- тики, Восточной Европы в 1944-1945 году было окку- пацией	23,8	21,0	6,7	3,1	45,4
Осквернение могил и сне- сение памятников совет- ским воинам и полковод- цам в ряде стран – это де- коммунизация (борьба с наследием СССР)	31,8	17,1	16,9	2,5	31,7
<i>Медиана</i>	28,9	23,5	13,1	2,26	28,3

На четвертом месте по числу катего-
рически не согласных – тезис «Помощь фа-
шистам («Лесные братья», «Бандеровцы» и
т.д.) можно оправдать борьбой против со-
ветского строя, сталинизма, за независи-
мость Украины, стран Прибалтики и др.». Решительно отвергают подобные заявления 27,3% опрошенных. Считают это положение «спорным, но обсуждаемым» 22,7%; склонны с ним согласиться всего 7,9%. Ва-
риант «Мне всё равно» отметили 2,9%; за-
труднились с ответом на данный вопрос по-
чти 40% (39,1%) от числа респондентов.

Наконец, меньше всего категорически
несогласных с ним выявил тезис «Освобо-
ждение Прибалтики, Восточной Европы в
1944-1945 году было оккупацией». Тем не
менее, решительно его отвергают почти
четверть – 23,8% опрошенных. Почти
столько же – 21,0% – склонны считать, что
это высказывание «Спорно, но обсужда-
емо». Однако при этом согласиться с дан-
ной позицией сочли возможным только
6,7% респондентов. Максимальные значе-
ния по всем пяти обсуждаемым тезисам
здесь набрали позиции «Мне всё равно»
(3,1%) и «Затрудняюсь ответить» (45,4%).

В целом, ответы респондентов на все вопросы данного ряда характеризуют очень низкие показатели равнодушия к ним (от 1,7% до 3,1% – что находится в пределах статистической погрешности). Вместе с тем все они выявили значительную долю затруднившихся ответить – от 1/5 (20%) до почти половины выборки (45,4%). Первое говорит о высокой актуальности затронутых проблем для контингента опрошенных; второе – о высокой степени неопределённости, колебаниях значительной части опрошенного контингента в оценках / интерпретациях ключевых моментов исторической памяти о Великой Отечественной войне.

В том, что касается содержания соответствующих оценок / интерпретаций, обращает на себя внимание то, что наиболее «жёсткие» антипатриотические тезисы – об оправданности помощи нацистам борьбой за независимость, об оккупационном характере освобождения Прибалтики и в целом Восточной Европы Красной Армией, о виновности в развязывании войны как Германии, так и СССР – набрали минимальное количество склонных с ними согласиться (от 6,7% до 10,6%). Чаше респонденты склонны соглашаться с относительно «мягкими» версиями пересмотра истории: «неожиданностью» нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года и «декоммунизационным» характером сноса памятников и осквернения могил советским воинам-освободителям в ряде стран Европы (23,5% и 16,9%, соответственно). Относительную «мягкость», не позволяющую однозначно толковать соответствующие утверждения как антисоветские и антироссийские, сообщает им сложность семантических контекстов формулировок: затруднительность прямых и однозначных «черно-белых» выводов в первом случае и смысловая многомерность понятия «декоммунизации» во втором¹. Тем не менее, число согласных пе-

ресмотреть историю Великой Отечественной войны и в этих вопросах составило меньшинство опрошенных. От 1/4 до 1/3 части отстаивают положения традиционной отечественной версии военной истории и категорически не согласны с попытками их пересмотра; от 1/6 до почти 1/3 – готовы спорить и обсуждать.

Здесь, в свою очередь, можно строить различные гипотезы по поводу того, к какой версии оценки / интерпретации указанных событий склонятся те, кто выбрал ответ «Спорно, но обсуждаемо». С нашей точки зрения, полагать, что эта позиция ближе к принимающей «пересмотр истории», чем к отрицающей его, нет никаких оснований. Сама по себе готовность обсуждать спорные тезисы говорит, скорее, о предрасположенности к дискуссии, диалогу, предполагающему аргументированное отстаивание своей точки зрения, нежели чем о тенденции согласиться с ревизией традиционной концепции. Поэтому сам по себе высокий «удельный вес» выбравших указанный ответ ещё не свидетельствует о размывании исторической памяти опрошенных в части Великой Отечественной войны; объективно он только констатирует проявление ими реакции «иммунитета» на вызов «альтернативной истории». Большей тревоги в этой связи, на наш взгляд, заслуживает значительное количество затруднившихся определить свою позицию, в особенности же ответить на два наиболее острых вопроса: об оправданности помощи нацистам борьбой за независимость (39,1%) и об оккупационном характере освобождения Красной Армией в 1944-45 гг. Прибалтики и в целом Восточной Европы (45,4%). Именно затруднившиеся – колеблющиеся в выборе точки зрения – представляют нам наиболее уязвимой частью студенческой (и любой другой) аудитории в отношении предпринима-

¹ Из «ожиданности» нападения Германии на СССР, на наш взгляд, не вытекает никаких выводов, ставящих под сомнение подвиг советского народа и Красной Армии, не говоря уже о самой победе в Великой Отечественной и Второй Мировой войнах. Что касается «декоммунизации», то организованный вандализм не столько обеляется такого рода аргументами, сколько, напротив, сам дискредитирует любые идеологемы, с ним связанные.

емых со стороны атак на национальную историческую память о Великой Отечественной войне.

Вопросом для проверки и уточнения отношения респондентов к пересмотру военной истории может служить специальный вопрос на отношение респондентов к антикультурной практике сноса памятников советским воинам-освободителям, получившей распространение в ряде европейских стран в последнее десятилетие. Мнения опрошенных распределились следующим образом (см. Таблицу 6).

Здесь показателна слабо выраженная тенденция к тому, чтобы возлагать за эти события ответственность на свою страну – СССР, как в военное время (9,0%), так и тем более в послевоенное (всего 2,9%). Такая

ответственность почти $\frac{3}{4}$ опрошенных «по умолчанию» делегируется тем странам (государствам и общественности), в которых происходит снос памятников советским воинам. Мнения разделились преимущественно по вопросу о праве их поступать подобным образом. Относительное большинство – 41,2% считают, что право поступать так на своей территории у этих стран есть, а у России, следовательно, недостаточно оснований вмешиваться в их внутренние дела. Но сопоставимое количество – 31,4% полагают правомерным активное давление в форме сокращения сотрудничества с такими странами. Равнодушна к вопросу оказалась примерно 1/10 часть, и 5,9% респондентов дали свои варианты ответов.

Таблица 6

Ответы респондентов на вопрос: «В настоящее время в странах Запада сносят памятники Советским воинам. Как должна, по вашему мнению, реагировать на это Россия?»

Table 6

Answers to the question: “At present, monuments to Soviet soldiers are being demolished in Western countries. How should, in your opinion, Russia respond to this?”

Мнение	%
Эти страны суверенны и вольны поступать так, как считают правильным. Россия не должна вмешиваться	41,2
Нужно сокращать сотрудничество с этими странами	31,4
Мне лично все равно	9,6
За последние годы открыты архивы, стали известны многие факты, которые заставили пересмотреть роль СССР во Второй мировой войне и послевоенное время	9,0
Это расплата за ошибки СССР в послевоенное время	2,9
Другое	5,9
Всего	100,0

Как следствие, исходя из контекста вопроса и заданных вариантов ответов, позиция, которую можно отнести к «антипатриотической» (принятие пересмотра роли СССР в войне и в послевоенное время), характеризует лишь относительно небольшое количество опрошенных студентов (порядка 10%), и примерно столько же высказали своё равнодушие к проблеме происходящего за рубежом осквернения святынь. Напротив, порядка 1/3 ради их защиты готовы поддержать сокращение сотрудничества с теми странами, в которых

оно допущено, и можно с довольно большой вероятностью предположить, что ещё порядка 40% удерживает от этого только уважение к государственному суверенитету в международном праве.

Ещё одним весьма важным и показательным моментом, характеризующим социальные настроения студентов в части исторической памяти о Великой Отечественной войне, выступает их отношение к отображению её событий в массовой культуре – прежде всего, в современной кино- и телепродукции на военную тему. Здесь нужно

отметить, что в массе своей опрошенные компетентны судить о последней в сравнении с советской «военной» кинематографией: поставленные в советское время

фильмы и сериалы об этой войне смотрели 74,5%, а современные – 69,3% респондентов. Ответы на соответствующий вопрос приведены в Таблице 7.

Таблица 7

Ответы респондентов на вопрос: «С каким суждением о современных фильмах и сериалах вы, скорее всего, согласитесь?»

Table 7

Answers to the question: “What judgment about modern films and TV shows will you most likely agree with?”

Мнение	%
Очевидно, была и такая война, и новые поколения должны знать всю правду.	60,7
Наконец-то перестали приукрашивать события, участников Великой Отечественной войны.	16,5
Война и ее участники изображаются скорее негативно, что, по-моему, подрывает уважение к людям, прошедшим войну.	13,0
Другое	9,8
Всего	100,0

Такое соотношение ответов даёт абсолютное большинство – почти 61% респондентов, согласных или готовых согласиться с той новой картинкой Великой Отечественной войны, которая рисуется современными «военными» фильмами и телесериалами, и которая довольно сильно отличается от художественной рефлексии войны в советском кинематографе. Здесь необходимо отметить, что идейный спектр современной кино- и телепродукции о Великой Отечественной широк: от «Штрафбата» и «Сволочей» до «Мы из будущего» и «28 панфиловцев», в силу чего сводить её коммуникативные интенции к негативно-критическим представляется неправомерным. Более корректной будет характеристика месседжа современных «военных» произведений российского кинематографа как плюралистического, показывающего события того времени с разных ценностно-идеологических точек зрения.

В этой связи мнение большинства опрошенных представляется правильным трактовать не как согласие с негативно-критической частью спектра «военного кино», что было бы справедливой оценкой 15-20 лет назад, но скорее, как признание права разных людей на разные оценки и интерпретации военных событий, на «свою

правду о войне», и права новых поколений знать все версии. Собственно, критико-негативное мнение отображает второй вариант, согласно которому события и участников Великой Отечественной войны «наконец-то перестали приукрашивать». Его сторонников оказалось всего 16,5%. И сопоставимое количество, хотя несколько меньшее – 13% – тяготеет к другому идейному полюсу, не приемля чрезмерного, с их точки зрения, плюрализма в таком вопросе. С этой позиции, само наличие противоположного полюса в современном «военном» кинематографе равнозначно тому, что «Война и ее участники изображаются скорее негативно, что подрывает уважение к людям, прошедшим войну» – такая оценка является типичной реакцией на осквернение, профанизацию сакрального. Тем не менее, характерно, что культурная профанизация (в форме искусства кино и ТВ) вызывает у опрошенных меньший протест, чем антикультурная, выраженная в актах открытого вандализма.

Заключение и выводы (Conclusions). Для понимания значения исторического события, каким была Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945 гг., эвристичен современный научный дискурс, описывающий характер

памяти о нем как культурную травму. Согласно культурсоциологической теоретической концепции Дж. Александера, травматические переживания, направляемые в соответствующее ценностное и идейное русло, обладают силой, преобразующей деструктивный эффект свершившихся однажды трагических событий в нравственно высокие состояния и ориентиры. Они расширяют человеческие горизонты сочувствия, сопереживания и взаимопонимания, порождая и утверждая неутилитарные основания социальной идентификации и солидарности. Закреплённая в «почве» рутин повседневности посредством символов и ритуалов коммеморации, позволяющих сопереживать и разделять боль переживших травму людей, историческая память обретает свойства важнейшего духовного ресурса, дающего возможности решать актуальные проблемы и исправлять нарушения коллективного сознания в длительной социальной перспективе.

В этой связи Вторая Мировая и в её рамках – Великая Отечественная война, бывшая исключительно травматичным во всех отношениях событием для народов бывшего СССР и в особенности России, преломленная через призму советской – российской традиции исторической памяти, рассматривается как основание современной российской национальной идентичности, реально солидаризирующее российское общество в XXI столетии. Эта память содержательно наполняет ценности российского патриотизма, формируя через институты социализации устойчивые социальные настроения нравственной и гражданской направленности. Закономерно в этой связи, что именно она стала первостепенным объектом информационных войн, направленных против России в геополитической «игре» новейшего исторического периода.

Как следствие, особую практическую и научную актуальность обретают состояние и динамика умонастроений российского патриотизма и в его контексте – исторической памяти о Великой Отечественной

войне у новых поколений граждан России. Их социальным и культурным авангардом является российское студенчество, а наиболее показательными составляющими представляются молодёжь и студенты приграничных (фронтирных) российских регионов – таких, как Белгородская область с центром, представленным Городом Воинской Славы Белгородом. Предпринятый выше анализ и интерпретация социальных настроений студентов НИУ «БелГУ» в части их исторической памяти, связанной с Великой Отечественной войной, даёт основания для следующих предварительных выводов.

В целом война 1941-1945 гг. продолжает жить в сознании и памяти студентов университета, как социально и персонально значимый исторический факт. 80% опрошенных подтвердили, что память о ней значима для них и их сверстников, для 95% эта память так или иначе интересна; 55% считают, что подвиг в этой войне старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений. Эта память окрашена для них, прежде всего, в семейно-личностные тона воспоминаний и скорби о близких, прошедших эту войну (87% опрошенных). Можно говорить о том, что наиболее глубокий смыслообразующий пласт традиционной для нашего общества исторической памяти о Великой Отечественной войне, связанный с чувствами, эмоциями и базовыми ценностными ориентациями, у студентов ведущего белгородского вуза в целом сохраняется.

Историческая память значительного большинства студентов университета проявляет преемственность в понимании ими ведущей роли нашей страны в Победе над фашистской Германией и её союзниками. В данном ключевом вопросе они не расходятся с официальной российской государственной позицией. Вклад СССР в победу над фашизмом оценивают, как значительный 92% опрошенных; для сравнения, вклад других стран антигитлеровской коалиции оценивается как значительный 21%

(Великобритания и США) и 16% (Франция). Вместе с тем на уровне «нарратива» в представлениях опрошенных выявились расхождения оценок / интерпретаций ряда ключевых для российского самосознания моментов исторической памяти о Великой Отечественной войне, которые сегодня подвергаются активному пересмотру в рамках политики памяти во многих западных странах. Студенты, жестко отстаивающие традиционно патриотические версии, готовые обсуждать альтернативные версии как спорные, и те, кто не определился с позицией, представлены сопоставимыми подгруппами (медианы от 23,5% до 29%). Готовых согласиться с антипатриотическими альтернативными трактовками истории выявилось, по разным вопросам, от 7 до 24%.

Значимым индикатором для оценки социальных настроений в части российского патриотизма представляется также реакция на современные институциональные практики, тесно завязанные на «политику памяти». Среди таких практик могут быть выделены культурные (отображение событий Великой Отечественной войны в кинематографе) и антикультурные (организованный снос памятников и осквернение могил советских воинов-освободителей в ряде зарубежных стран). В отношении актов вандализма решительно-непримиримо настроены порядка 1/3 опрошенных. Плюралистическое, допускающее негативно-критический показ событий, кинематографическое осмысление войны вызывает аналогичное отношение у 13% респондентов. Можно предположить, что в этих вопросах влияние установки «гражданской религии» российского патриотизма в сознании большинства опрошенных встречают субъективное ограничение в виде признания суверенных прав других государств и прав новых поколений на то, чтобы «знать всю правду» о войне.

Список литературы

Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5-40.

Бийжанова Э. К. Приграничье как объект исследования // Вестник Института социологии РАН. 2014. № 11. С. 11-22.

Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015.

Гудков Л. Д. Победа в войне: к социологии одного национального символа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1997. № 5. С. 12-19.

Зыгмонт А. И. Новая Россия на алтаре Победы // Независимая газета 18 мая 2016 г. URL: <http://rrsociology.ru/journal/annotation/669/>.

Игнатьев А. А. Синдром вертепа: кризис как перформативный контекст. М.: «Век XX и мир», 2020.

Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. М.: Алгоритм, 2007.

Крупкин П. Л. Россия и современность: проблемы совмещения: Опыт рационального осмысления. М.: Флинта, 2010.

Крупкин П. Л., Лебедев С. Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в современной России: опыт структурного анализа // Социологический журнал. 2013. № 4. С. 35-48.

Малинова О. Ю. Великая Отечественная война как символический ресурс: эволюция отображения в официальной риторике 2000-2010 гг. // Россия и современный мир. 2015. № 2 (87). С. 6-29.

Саралиева З. Х., Широкалова Г. С., Кузнецов П. И. Учащиеся о Великой Отечественной войне. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2015.

Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. Социальное настроение. М.: Academia, 1996.

Халий И. А. Современное российское приграничье: общие характеристики // Вестник Института социологии РАН. 2014. № 11. С. 24-33. URL: <http://rrsociology.ru/journal/annotation/669/>.

Шаповалова И. С. Патриотические установки региональной молодежи // Вестник педагогических инноваций. 2016. № 4 (44). С. 47-54.

Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago: Chicago University Press, 1986. P. 7-24.

References

Alexander, J. (2012), "Cultural Trauma and Collective Identity", *Sociological Journal*, (3), 5-40. (In Russian).

Biizhanova, E. K. (2014), "Borderland as an object of research", *Bulletin of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*, (11), 11-22. (In Russian).

"The war was the day before yesterday ... Russian students about the Great Patriotic War", (2015), in Vishnevsky, Yu. R. (ed.) *Monitoring materials "Modern Russian students about the Great Patriotic War"*, Publishing House Ural University, Yekaterinburg, Russia. (In Russian).

Gudkov, L. D. (1997), "Victory in the war: towards the sociology of one national symbol", *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, (5), 12-19. (In Russian).

Zygmunt, A. I. (2016), "New Russia on the Altar of Victory", *Nezavisimaya Gazeta*, May 18th, available at: <http://rrsociology.ru/journal/annotation/669/>. (In Russian).

Ignatiev, A. A. (2020), *Den's Syndrome: Crisis as a Performative Context*, Century XX and the world, Moscow, Russia. (In Russian).

Kara-Murza, S. G. (2007), *Dismantling of the people*, Algorithm, Moscow, Russia. (In Russian).

Krupkin, P. L. (2010), *Russia and the present: problems of combination: The experience of rational comprehension*, Flint, Moscow, Russia. (In Russian).

Krupkin, P. L. and Lebedev, S. D. (2013), "On the sacred foundations of local identities in today's Russia: the experience of structural analysis", *Sociological Journal*, (4), 35-48. (In Russian).

Malinova, O. Yu. (2015), "The Great Patriotic War as a symbolic resource: the evolution of display in the official rhetoric of 2000-2010", *Russia and the modern world*, (2), P. 6-29.

Salalieva, Z. Kh., Shirokalova, G. S. and Kukonkov, P. I. (2015), *Students about the Great Patriotic War*, Publishing House NISOTS, N. Novgorod, Russia. (In Russian).

Toshchenko, Zh. T. and Kharchenko, S.V. (1996), *Social mood*, Academia, Moscow, Russia. (In Russian).

Khali, I. A. (2014), "Contemporary Russian borderland: general characteristics", *Bulletin of the*

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (110), 24-33, available at: <http://rrsociology.ru/journal/annotation/669/>. (In Russian).

Shapovalova, I. S. (2016), "Patriotic attitudes of regional youth", *Bulletin of pedagogical innovations*, (4), 47-54. (In Russian).

Tajfel, H. and Turner, J. C. (1986), "The social identity theory of intergroup behavior", *Psychology of intergroup relations*, Chicago University Press, Chicago, USA, 7-24.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Лебедев Сергей Дмитриевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Рошупкина Наталья Андреевна, магистрант кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Шкапенко Алена Андреевна, студент кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Sergey D. Lebedev, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University.

Inna S. Shapovalova, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University.

Natalya A. Roshchupkina, Graduate Student, Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University.

Alena A. Shkapenko, Student, Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University.

УДК 316.75

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-2

Пакшина И. А.

**Исследование городской идентичности в интернет-сообществах
(по результатам качественного анализа)**

Научный центр социально-экономического мониторинга
ул. Б. Хмельницкого, 39а, г. Саранск, Республика Мордовия, 430005, Россия
iraida-69@mail.ru
ORCID iD: 0000-0003-3050-2127

*Статья поступила 12 мая 2020 г.; принята 23 мая 2020 г.;
опубликована 30 июня 2020 г.*

Аннотация. Настоящее время характеризуется появлением в социальных сетях большого числа городских интернет-сообществ. Они стали не только источником информации о событиях, происходящих в городе, но и площадкой для непосредственного общения, обмена мнениями. В процессе полемики в них происходит непроизвольная репрезентация города и городского пространства. В статье представлены результаты контент-анализа 21 локального интернет-сообщества социальной сети «ВКонтакте» 7 городов Республики Мордовия. Исследование проводилось с 1 января по 30 июня 2019 г. В генеральную совокупность попало 43 279 комментариев к постам, выборочную совокупность составили 1 017 сообщения. Результаты исследования показали, что в городских интернет-сообществах проявляются основные элементы локальной идентичности. Зафиксирован высокий уровень репрезентации идентичности в экономически развитых городах. В социальных сетях происходит репрезентация основных составляющих городской идентичности – осмысление уникальности города, демонстрируется принадлежность и отношение к городу, выражается эмоциональная связь с ним, формируется образ города, происходит публичное самораскрытие горожан. Локальные сетевые сообщества становятся значимым средством коммуникации для горожан. В процессе коммуникации формируется самосознание горожанина. Делается вывод о том, что локальные сетевые сообщества могут выступать в качестве медиаресурса, способного конструировать городскую идентичность.

Ключевые слова: город; горожане; локальные городские интернет-сообщества; городская идентичность; репрезентация.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Мордовия в рамках научного проекта № 18-411-130015 р_а «Идентичность городов Республики Мордовия и их социальная репрезентация».

Информация для цитирования: Пакшина И. А. Исследование городской идентичности в интернет-сообществах (по результатам качественного анализа) // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 19-35. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-2

Iraida A. Pakshina

**Research of the urban identity in online communities
(based on the results of a qualitative analysis)**

Scientific Center for Social and Economic Monitoring,
39a B. Khmel'nitsky St., Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russia
iraida-69@mail.ru
ORCID iD: 0000-0003-3050-2127

*Received on May 12, 2020; accepted on May 23, 2020;
published on June 30, 2020*

Annotation. The present time is characterized by the appearance of a large number of urban Internet communities in social networks. They have become not only a source of information about events taking place in the city, but also a platform for direct communication and exchange of views. In the process of polemics, an involuntary representation of the city and urban space occurs in them. The article presents the results of content analysis of 21 local Internet communities of the social network “VKontakte” in 7 cities in the Republic of Mordovia. The study was conducted from January 1 to June 30, 2019. The total summation included 43,279 comments on posts, while the sample totaled 1,017 messages. The results of the study showed that the main elements of local identity are manifested in urban Internet communities. There is a high level of representation of identity in economically developed cities. In social networks, the main components of urban identity are represented – understanding the uniqueness of the city, demonstrating belonging and attitude to the city, expressing an emotional connection with it, forming the image of the city, and public self-disclosure of citizens. Local network communities are becoming a significant means of communication for citizens. In the process of communication, the citizen's self-consciousness is formed. It is concluded that local network communities can act as a media resource capable of reconstructing urban identity.

Keywords: city; urban residents; local online social network; urban identity; representation

Information for citation: Pakshina, I. A. (2020), “Research of the urban identity in online communities (based on the results of qualitative analysis)”, *Research Result. Sociology and management*, 6 (2), 19-35, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-2

Введение (Introduction). Современный город характеризуется все более активной информатизацией социальной среды, его неотъемлемой частью становятся городские локальные интернет-сообщества. М. Кастельс подчеркивал возрастающее значение локальных сообществ в условиях информационного общества, когда «идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов. Люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются» (Кастельс, 2000: 27).

Принято считать, что идентичность выступает в качестве ресурса, консолидирующего местное сообщество, и рассматривается как один из факторов укрепления локальных сообществ. В то же время городская идентичность неотделима от индивидуального, субъективного взгляда горожанина. В условиях информационного общества выражение собственного мнения все чаще происходит в интернет-сообществах.

В настоящее время локальные городские интернет-форумы, наряду с традиционными СМИ, являются одним из основ-

ных источников информационного обеспечения граждан, максимально широко оповещая население об актуальных новостях мирового и местного сообщества, о мнениях и мероприятиях властей, их действиях по разрешению назревших проблем. Кроме того, они заменяют живое общение между горожанами, превратившись в площадку для обмена мнениями, товарами и услугами. А. В. Павлов рассматривает локальные сетевые сообщества «не просто как сообщества городских жителей в интернете, но и как низовые гражданские медиа», а интернет-площадки, по его мнению, становятся средством «гражданской журналистики» (Павлов, 2016: 47). Фокус внимания в социальных медиа сосредоточен на городском пространстве и репрезентации опыта проживания в нем – основных составляющих городской идентичности. В результате спонтанной коммуникации в городских локальных интернет-сообществах происходит трансляция проявлений городской идентичности.

Целью статьи является исследование социальной репрезентации городов Мордовии в локальных городских интернет-сообществах. В связи с этим раскрываются следующие задачи: изучение отношения к городскому пространству в локальных интернет-сообществах и выявление специфики восприятия городов.

Методология и методы (Methodology and methods). Теоретико-методологическую базу исследования составляет конструктивистский подход (Бергер, Лукман, 1995), подчеркивающий конструируемый характер любой идентичности, ее подвижность и изменчивость в процессе взаимодействия человека с социальным окружением. В рамках данного направления выделяется дискурсивный подход, согласно которому в основе идентичности лежит коммуникативный опыт, формируемый в дискурсе социальных практик. Е. Головнева утверждает, что «формы сознания, транслированные в языке, образуют дискурсы городской идентичности» (Головнева, 2014:

57). Исследователь выделяет мифологический, религиозный, художественный, политический и философский дискурсы репрезентации городской идентичности, сосуществующие на разных уровнях. «На уровне массового сознания они рождаются стихийно, на концептуальном уровне сознательно конструируются и систематизируются усилиями политической и культурной элиты» (Головнева, 2014: 56).

Дискурсивность возникает в результате накопления опыта проживания в городе, осмысления городского пространства, его эмоциональной оценки и проявляется «в вовлеченности горожан в городскую коммуникацию, позволяющую интерпретировать городские тексты» (Кузнецова, Петрулевич, 2017: 71). В рамках данного подхода идентичность, подчеркивает Е. П. Чернобровкина, «проявляется и формируется в интеракции, поскольку идентичность вовлечена в широкий культурный контекст и воспроизводится на базе существующих социальных практик» (Чернобровкина, 2018: 17).

Согласно Г. В. Горновой, только в результате возникновения отношений, при которых человек соответствует городу и город человеку, формируется городская идентичность – «устойчивое представление человека о себе как жителе определённого города, непосредственное переживание своей связи с городом, чувство сопричастности городу и его жителям, приобщённость к городскому бытию» (Горнова, 2018: 47). При таком подходе основной акцент переносится на личность, на индивидуальную репрезентацию городского контекста.

Идентичность складывается на основе субъективного опыта взаимодействия личности с городской средой, из совокупности представлений о месте своего проживания и сформировавшихся эмоциональных связях с ним. Определяющее значение отводится не только активному взаимодействию индивида с социальной реальностью и ее осмыслению, но и наличию ярко выраженной эмоциональной связи. О. С. Чер-

нявская подчеркивает, что городская идентичность «характеризуется сильной эмоциональной привязанностью к своему городу и высокой позитивизацией», а в основе ее формирования лежит чувство приобщенности (Чернявская, 2011: 75).

М. П. Крылов связывает эти чувства с понятиями местного патриотизма, пространственной самоидентификации и укорененности. Пространственная самоидентификация сопряжена с топонимикой, местный патриотизм «предполагает стремление индивидов остаться (не переезжать в другое место) для активной деятельности, однако сохраняется и в другом месте», укорененность – это «стремление остаться вообще», указывает на вписанность в местный контекст (Крылов, 2010: 69-70).

Таким образом, формирование образа города происходит в повседневной жизни горожан, которая «дает объективную картину соответствия города сформированной метафоре, истинную информацию для пополнения целостного образа объекта» (Бесчасная, 2015: 47-48). В связи с этим актуальным становится изучение городской повседневности и повседневных городских практик, что позволяет выявить репрезентацию воспроизводимой социальной реальности и описать образ города, сложившийся в сознании людей.

К вопросу развития провинциальных городов российские ученые обратились относительно недавно, несмотря на то, что их роль в экономической, культурной и духовной модернизации России крайне значима. Исследования, посвященные построению территориальной идентичности, проводятся в Белгороде (Истомин, Лебедев, 2015), Великом Новгороде (Федотова, 2016), Иванове (Докучаев, 2015), Перми (Назукина, 2018), Томске (Литвина, Муравьева, 2018), Оренбурге (Орлова, 2018), Омске (Горнова, 2018) и др.

В региональном контексте дискурса идентичности в Республике Мордовия предстает как концепт современной культуры (Воронина, 2019); изучается сквозь

призму соотношения общегосударственного и регионального в структуре идентичности (Ширманов, 2016), общероссийской и региональной национально-гражданской идентичности (Долгаева, 2018). Ряд исследований, проведенных в республике, соотносясь с этнической спецификой региона, акцентируют связь этнической, религиозной и гражданской идентичностей населения (Богатова, 2009), этнической и гражданской идентичностей (Миничкина, Руськина, 2019). Остается неизученной сфера, затрагивающая механизм выявления репрезентации образа города жителями, отсутствуют исследования способов выражения городской идентичности, учитывающие специфику финно-угорского региона.

Эмпирическую базу анализа составляет массив данных исследования «Идентичность городов Республики Мордовия и их социальная репрезентация», проведенном при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Мордовия. В качестве инструмента сбора первичной социологической информации был использован метод анализа документов. В качестве документа выступали комментарии пользователей к постам администраторов наиболее популярных городских интернет-сообществ социальной сети «ВКонтакте». На основе собранного эмпирического материала был проведен интерпретативный контент-анализ. Базовым подходом к кодированию информации стал латентный репрезентационный, предполагающий фиксацию скрытых, неявно выраженных, смыслов, которые подразумевались создателем текста. Объектом публикации являлся город в контексте личностного восприятия. В данной статье приводятся результаты качественного анализа характеристик, носящих в себе денотативную или коннотативную нагрузку. В качестве лингвистических единиц анализа из всех упоминаний о городах Республики Мордовия фиксировались только те выражения, которые связаны с социальным значением слова, а не с грамматическими правилами его употребления.

Объектами наблюдения выступили 21 локальное городское интернет-сообщество социальной сети «ВКонтакте» (по 3 сообщества в 7 городах Мордовии), выбранных по критериям: релевантность названия, уровень коммуникационной активности и численность участников группы.

Исследование проводилось с 1 января по 30 июня 2019 г. В генеральную совокупность попало 43 279 комментариев к постам, выборочную совокупность – 1 017. Лингвистические единицы анализа представляют собой спонтанные мнения пользователей, отражающие их собственное мироощущение и миропонимание. Несмотря на некоторую корявость и эмоциональную несдержанность, эти высказывания не подвергались внешнему влиянию.

Т. В. Шумилина, исследуя возможность применения качественных методов к анализу материалов, размещенных в СМИ, подчеркивает, что «качественный социологический анализ – изучение во множестве свойств и сторон единичных социальных ситуаций, явлений, отраженных в текстах, описанных с помощью социологического инструментария, позволяющего выявить их социологические смыслы и создать социологический портрет изучаемого объекта, – вполне применим к текстам СМИ» (Шумилина, 2017). Тексты, размещаемые в социальных сетях и комментарии пользователей к ним, можно отнести к первичной информации, так как они в данный момент естественно функционируют в обществе, изначально не были предназначены для аналитической социологической обработки и созданы не по инициативе исследователей.

Основу классификации категорий исследования составил универсальный набор элементов для описания городской локальной идентичности, разработанный исследовательской группой ЦИРКОН под руководством П. Л. Крупкина (Евстифеев, Задорин,

Крупкин, Лебедев, 2015: 370.). На наш взгляд, данная модель коллективной идентичности позволяет дать структурированное описание коллективных идентичностей и единообразно их репрезентировать вне зависимости от типов территорий (Крупкин, Лебедев, 2013: 44). Однако проведенное пилотажное исследование показало необходимость дополнительного введения таких элементов, как «Историко-культурный контекст в городском пространстве» и «Другое». Включение первого компонента обусловлено регулярной публикацией в городских интернет-форумах материалов и фотографий, посвященных не только истории городов Мордовии, но и особенностям провинциальной культуры прошлого. Так как исследование построено на учете субъективных мнений, настроений горожан в кодировочную таблицу была включена позиция «Другое», в которой отражены не классифицируемые случаи. На наш взгляд, совокупность представленных характеристик в описании обыденных событий позволила извлечь социологическую информацию из текстов, созданных для массового потребления, понять и интерпретировать ее.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Исследование проведено в 7 городах Республики Мордовия, разделенных в зависимости от численности населения на следующие группы¹: 1 крупный – Саранск – столица Республики Мордовия (348 358 чел.); 6 малых – Рузаевка (45 248 чел.), Ковылкино (19 488 чел.), Краснослободск (9 397 чел.), Ардатов (8 584 чел.), Инсар (8 010 чел.), Темников (6 179 чел.)². Все малые города выполняют роль административных центров сельских поселений. По уровню экономического развития и развитию транспортного сообщения их можно охарактеризовать как:

¹ Согласно своду правил СП 42.13330.2011 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция. СНиП 2.07.01-89. (утв. приказом Министерства регионального развития РФ от 28 декабря 2010 г. № 820).

² Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года. URL: www.gks.ru/free_doc/doc_2018/bul_dr/mun_obr2018.rar. (дата обращения: 26.01.2020).

– города с развитой промышленностью, через которые проходит железная дорога (Саранск, Рузаевка, Ковылкино);

– города, ориентированные на переработку сельскохозяйственной продукции, удаленные от железной дороги (Инсар, Ардатов);

– рекреационные центры, имеющие привлекательный природный ландшафт и сохранившие уникальное историко-культурное наследие, удаленные от железной дороги (Краснослободск, Темников).

В выборочной совокупности города Мордовии представлены непропорционально: наиболее описаны Саранск (42,7% от общего числа зафиксированных характеристик), Рузаевка (25,4%) и Ковылкино (15,9%); наименее – Темников (6,5%), Краснослободск (5,0%), Ардатов (2,6%) и Инсар (1,9%). Неравномерная представленность городов объясняется особенностями коммуникативных практик подписчиков локальных сетевых сообществ. Для первых трех городов характерна высокая степень

вовлеченности в коммуникативное взаимодействие и стремление к получению определенного результата. Горожане проявляют активность и независимость взглядов, обсуждают частные городские проблемы, связанных с каждодневными событиями и заботами. В сообществах наименее представленных городов чаще всего публикуются значимые в бытовом плане сообщения: рекламные и частные объявления (купля, продажа, потери, находки и др.). Значительно реже в них происходит обсуждение городских проблем.

Наиболее активно используемыми категориями исследования, выделенных в соответствии с классификацией П. Л. Крупкина и др., оказались «Представления горожан о городе» (к этой категории было отнесено 37,5% выделенных лингвистических единиц анализа), «Представления горожан о себе» (14,0%), «Ритуалы воспроизводства идентичности (праздники, значимые мероприятия, ЧМ-2018)» (8,3%), «Значимые места, включая символический центр)» (7,3%) и «Другое» (15,7%) (табл. 1).

Таблица 1

Представленность городов Мордовии в выборочной совокупности по категориям исследования, %

Table 1

Representation of cities in Mordovia in the sample by research category

Категория исследования	Ардатов	Инсар	Ковылкино	Краснослободск	Рузаевка	Саранск	Темников	Среднее значение
Значимые места (включая символический центр)	15,4	5,3	3,8	2,0	10,9	7,2	3,1	7,3
Представления о географии (локальной, средне- и крупномасштабной)	3,8	0,0	3,8	2,0	5,9	8,1	1,5	5,9
Историко-культурный контекст в городском пространстве	0,0	0,0	1,9	8,0	6,6	4,9	9,2	5,1
Пантеон героев (реальных и мифических)	0,0	0,0	5,6	0,0	0,0	5,1	4,6	3,4

Категория исследования	Ардатов	Инсар	Ковылкино	Краснослободск	Рузаевка	Саранск	Темников	Среднее значение
Представления горожан о городе	26,9	42,1	36,9	32,0	43,8	34,0	44,6	37,5
Представления горожан о себе	15,4	10,5	25,6	10,0	12,5	11,4	12,3	14,0
Представления о структуре сообщества (ядро, границы, составляющие)	7,7	5,3	0,6	4,0	2,0	2,8	3,1	2,5
Ритуалы воспроизводства идентичности (праздники, значимые мероприятия, ЧМ 2018)	3,8	0,0	3,8	30,0	1,2	13,0	4,6	8,3
Этнографические особенности жителей города	0,0	0,0	0,0	0,0	0,4	0,2	3,1	0,4
Другое	26,9	36,8	18,1	12,0	16,8	13,3	13,8	15,7

Наименее представленной оказалась категория «Этнографические особенности жителей города» – 0,4%. Несмотря на то что Мордовия является многонациональной республикой, национальный колорит не вызывает интереса у интернет-пользователей. Для посетителей городских интернет-сообществ свойственны концентрация внимания на городе и его проблемах, наблюдение и критическое осмысление городского пространства, а также осмысление себя в нем. Указанная тенденция сохраняется в каждом городе Мордовии. Рассмотрим специфику репрезентации городов Мордовии в городских интернет-сообществах по каждой категории исследования.

Значимые места (включая символический центр). Символический капитал городов Мордовии, как и других провинциальных городов, сосредоточен вокруг ярко выраженного ядра – исторического центра (Саранск, Рузаевка) или площади, вокруг которой располагаются административные здания (Инсар, Ковылкино, Краснослободск, Темников).

Саранск является столицей и поэтому для его исторического центра характерна

максимальная концентрация культурного, экономического, социального капитала региона: значимые административные и общественные организации, крупные торговые центры, театры и музеи, научные организации, наиболее престижные учебные заведения и др. В Саранске исторический центр совпадает с деловым центром. Однако для города наметилась тенденция смещения символического центра в сторону крупного торгового центра и нового жилого района, построенного к проведению серии матчей Чемпионата мира по футболу в 2018 г. Стадион «Мордовия Арена» переформатировал под себя городское пространство, повлиял на имидж города, его благоустройство.

Символический капитал малых городов республики наряду с административным центром образуют ведущие и градообразующие промышленные предприятия. Для Инсара – это сыроваренный завод «Сармич» («сырная столица республики»). Для ардатовцев значимым стал Ардатовский Светотехнический завод. В Ковылкино – Ковылкинский электромеханиче-

ский завод, кроме этого интернет-пользователи выделили другие значимые места – центральная площадь, молодежный сквер, арт-объект «Мартовский кот», а также развлекательные заведения «Лукоморье», «Провокация». Центральным местом Рузаевки является железнодорожный вокзал, вокруг которого сосредоточена и организована экономическая и социальная жизнь города. В число значимых мест для горожан вошли железнодорожный клуб, аллея славы, фонарный спуск, парк культуры и отдыха, а также некоторые здания и сооружения. Символический капитал Темникова концентрируется вокруг Санаксарского монастыря.

Таким образом, символический капитал городов Мордовии сосредоточен не только вокруг ярко выраженного ядра – исторического центра. Для жителей столичного города наметилась тенденция смещения центра притяжения горожан к торговым центрам, новому жилому микрорайону и стадиону «Мордовия Арена». В малых городах пользователи локальных сетевых сообществ в качестве значимых выделяют центры приложения труда и места проведения досуга.

Категория исследования «*Представления о географии (локальной, средне- и крупномасштабной)*» является наименее представленной. Только для городов с наиболее активными посетителями интернет-форумов – Саранск (8,1%) и Рузаевка (5,9%) – были выделены уникальные названия-маркеры районов, которые признаются и транслируются горожанами. Эмпирический материал по другим городам не позволяет сделать соответствующие выводы.

Собранные данные о повседневных практиках горожан позволили выделить названия районов, которые устоялись в сознании жителей. В Рузаевке – это Ленино, Старый базар, Старый водоем, Гора, Гнилой угол, Чернобыль, Химмаш. Локальная география Саранска определяется через выделение зон ментального влияния составляющих его микрорайонов и идентификационных черт, указанных жителями: центр –

«весь центр прогулочный и есть что посмотреть»; свет – «самый криминальный», «хмурый район»; юг – «прошлый век, ...приезжаешь туда и будто попал в эпоху СССР»; химмаш – «там всё наоборот».

Для Саранска характерно стремление выделиться из числа других, обозначить себя в качестве значимого на территории страны. Уникальность города создается из противопоставления с ближайшими городами (Пенза, Самара, Нижний Новгород), выигрывая за счет своей чистоты, ухоженности и доброжелательности жителей. Крупные города (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань) осознаются пользователями локальных интернет-сообществ как «другие» – эти города живут лучше потому, что вокруг них сконцентрированы финансовые потоки. Российские города в представлении горожан разделены на те, в которых *«основное количество средств оседают (их показывают по телевизору)»* и остальные – в них *«показывать нечего»*. Однако по отношению к центральным городам не зафиксировано злости, зависти и агрессии, они воспринимаются как места, где можно заработать и самореализоваться.

Представление жителей о локальной географии репрезентируется с помощью идентификации горожанина как неотъемлемой части сообщества через выделение зон ментального влияния; на общероссийском уровне – из дихотомии «собственный город – крупный город».

Введение категории «*Историко-культурный контекст в городском пространстве*» полностью себя оправдало: соответствующие оценочные характеристики были зафиксированы в большинстве исследуемых городах, причем для Краснослободска (8,0%), Рузаевки (6,6%), Темникова (9,2%) доля лингвистических единиц, подпадающих под эту категорию, в общем объеме оценочных характеристик города, оказалась выше среднего значения (5,1%) и показателя столицы региона (4,9%).

Все города Мордовии имеют богатую историю и почти равные исходные данные

для формирования идентичности. Горожане бережно относятся к своей истории и достаточно высоко оценивают. В интернет-сообществах Саранска пользователи рассказывают легенды о городе. Жители помнят то время, когда на улицах *«в городе было 2 телеги, полтора молоковоза и волга председателя парткома»*, отмечая, что *«лет 10 назад правда нечего было показать»*. В социальных сетях рузаевцы вспоминали о том времени, когда город был крупной узловой станцией, считают именно советское прошлое лучшим периодом его истории. Жители Ковылкина, Краснослободска, Темникова ценят не только историю, но и рекреационный потенциал окрестностей родного города.

Исторический и социокультурный контекст в сознании людей, проживающих в городе, сохраняются и передаются через представления, апеллирующих к прошлому города: как крупной узловой железнодорожной станции (Рузаевка), город-завод, город-труженик (Саранск, Рузаевка, Ковылкино), купеческий город (Краснослободск, Темников). Репрезентация данного аспекта в социальных сетях возникает на основе раскрытия и актуализации событий, связанных с прошлым, а также мифологизации истории своего города.

В категорию исследования *«Пантеон героев (реальных и мифических)»* были отнесены сообщения пользователей интернет-форумов Ковылкино (5,6%), Саранска (5,1%) и Темникова (4,6%).

В число героев Ковылкино попали основатель города – генерал Арапов, знаменитый художник Ф. В. Сычков, скульптор Степан Эрзя (хотя он и не жил в городе), а также менее известные, но внесшие свой вклад в развитие города – директор Ковылкинского электромеханического завода В. Д. Евтеев и тренер Ковылкинской ДЮСШ, бесплатно обучающий боксу детей из неблагополучных и малоимущих семей, Иван Кошелев. Темниковцы позиционируют свой город как один из старейших в республике, они гордятся тем, что адмирал Ф. Ф.

Ушаков проживал в городе. Кроме того, горожане помнят о личностях, внесших вклад в его развитие (например, многие пользователи сохранили и высказывали теплые воспоминания о тренере спортивной школы А. К. Дудорове). В Саранске, в отличие от других городов Мордовии, в данную категорию была отнесена не историческая личность, а его формальный лидер – мэр города, который выступает в роли силы, «наводящей порядок». Этому способствовали грамотная PR-кампания и «не кабинетный» стиль работы; многим пользователям импонируют такие его качества, как требовательность, открытость, доступность.

В категорию исследования «Пантеон героев» вошли не только знаменитые уроженцы, но и личности, проживающие в городе, чьи поступки нашли отклик у интернет-пользователей.

Представления горожан о городе. Данная категория исследования является одной из самых представленных в собранном массиве данных. Доля единиц анализа, отнесенных к данной категории, колеблется от 26,9% в Ардатове до 44,6% в Темникове. В виртуальных интернет-форумах при обсуждении проблем родного города ежедневно продуцируется большой объем информации. В процессе активного высказывания собственного независимого мнения происходит произвольная репрезентация города и городского пространства.

Результаты проведенного качественного исследования показали, что представления горожан о городе создаются с помощью выражения эмоциональных оценок. Следует отметить, что в интернет-сообществах пользователи преимущественно ориентированы на освещение негативных сторон жизни города, описания экономических и жилищно-коммунальных проблем, и миграционных установок. Однако прослеживается следующая тенденция: с увеличением количества участников локальных городских сообществ увеличивается доля положительных и нейтральных характери-

стик; спектр оценок становится более разнообразным, т.е. пользователи становятся

объективнее в своих оценках и высказываниях (табл. 2).

Таблица 2

Распределение интернет-сообществ в зависимости от количества подписчиков и характера оценки города

Table 2

Distribution of online communities depending on the numbers of subscribers and the nature of the city's assessment

Интернет-сообщество*	Количество подписчиков**	Характер оценки, %		
		положительная	нейтральная	отрицательная
Подслушано Ардатов Мордовия	4 026	0,0	0,0	100,0
Привет, говорит Ардатов! (Мордовия)	8 566	0,0	16,7	83,3
Подслушано Инсар	2 305	18,2	0,0	81,8
Подслушано в Ковылкино	16 349	39,5	9,9	50,6
Ковылкино Хайп	7 301	27,3	11,4	61,4
Доска Позора Ковылкино	3 258	17,6	11,8	70,6
Подслушано Краснослободск. Мордовия	4 744	20,0	10,0	70,0
Краснослободск, Мордовия	1 177	0,0	0,0	100,0
Краснослободск РМ (КС city)	816	100,0	0,0	0,0
Подслушано Рузаевка (САРАНСК)	20 751	25,4	16,7	57,9
Моя Рузаевка	4 275	14,6	7,3	78,0
Доска позора г. Рузаевка	2 695	0,0	0,0	100,0
Привет, сейчас, Саранск	159 745	42,3	11,3	46,5
Саранск Доска Позора	63 306	12,7	14,3	73,0
Подслушано САРАНСК	54 100	36,8	16,8	46,5
Подслушано Темников	13 982	28,8	16,9	54,2
В среднем		30,0	13,1	56,9

* В список не включены интернет-сообщества, в которых не было зафиксировано лингвистических единиц анализа.

** Данные приводятся по состоянию на 1 января 2019 г.

Негативная оценка города, в котором живут пользователи социальных сетей, связана с общей неблагоустроенностью, запущенностью, грязью на улицах и отсутствием достойно оплачиваемой работы: «ни работы, ни сходить нормально отдохнуть» (Ардатов); «тут жизнь на выживание» (Инсар); «город маленький, з/п мизерная, большая часть жителей города вообще пенсионеры» (Краснослободск); «город, в котором все и так рушится, народ живет на грани выживания, безработица» (Ковылкино); «отсутствие высокооплачиваемых вакантных мест. Декламированный уровень жизни не соответствует действительности. Крах и грязь улиц города. Да и в целом менталитет населения оставляет желать лучшего. Нет развития» (Рузаевка); «в городе, которого нет, не ходят автобусы, не чистят дороги и не кладут асфальт» (Темников). Очень часто город описывается как территория, в которой не созданы необходимые условия для полноценной жизни и воспитания детей. Трудовая мобильность рассматривается горожанами как вынужденная мера, вызванная отсутствием рабочих мест и невозможностью личностной самореализации: «Давно уехала и возвращение туда – тема ночных кошмаров. Когда бываю у родителей – каждый раз ужасаюсь. Но на самом деле, этому есть объяснение – почти все, кто находится в активном трудовом возрасте – уехали!»; «Тех, кого знаю хороших специалистов, они все уехали в мск работать (((».

Превалирование эмоциональный оценок свидетельствует о том, что жителям город не безразличен, они очень переживают за его судьбу, идеализируют прошлое, надеются, что город справится с существующими социально-экономическими проблемами: «есть проблемы с дорогами, с ЖКХ, с медициной, да и много с чем, как, впрочем, и в других провинциальных городках, но я люблю Ковылкино, потому что это моя Родина!». Нередко указывается, что именно горожане должны принять на себя ответственность за поддержание чистоты в месте проживания, так как усилия

администрации по благоустройству города без поддержки со стороны ее жителей малоэффективны: «раз любите так давайте сделаем чище и красивее город, по зернышку, по зернышку и будет чисто. ...И да, я не менее вашего люблю город, потому и хочу что-то изменить в нем, а не просто говорить об этом».

Репрезентация столичного города в социальных сетях принципиально другая. Саранск в высказываниях интернет-пользователей предстает красивым, уютным, достаточно хорошо организованным. В процессе коммуникации в виртуальном пространстве неоднократно подчеркивалось стремление горожан к чистоте как внешнего, так и внутреннего пространства повседневности. В отличие от других городов Мордовии, комплекс социально-экономических проблем в Саранске воспринимается горожанами не так остро: «Ну, город вам понравится, город красивый, чистый. Люди здесь добрые, общительные. Насчет работы! Средняя зарплата 20 000 руб. Если уж повезет или есть знакомые, ну можно устроиться на более высокую зарплату. Цены у нас такие же как в Москве, на некоторые товары даже выше! Город у нас спокойный в отличие от Москвы, в Москве суетливые все бегут куда-то, у нас нет, у нас все спокойно вразвалочку))) У нас в основном из Мордовии все бегут из-за маленьких зарплат! Кто на север, кто в Москву, кто в Питер! Ну и переезжают из других городов к нам тоже много. Так что приезжайте, если не понравится всегда можно уехать)))». При всех достоинствах города, горожане склонны активно комментировать частные проблемы, связанные с городским пространством, или доводить информацию о локальных проблемах до более широкой аудитории.

Преобладание в собранном массиве данных лингвистических единиц анализа, посвященных осмыслению жителями городского пространства, подтверждает утверждение о том, что определяющей составляющей городской идентичности явля-

ется представление о городе. В виртуальном пространстве происходит осмысление уникальности города, демонстрируется принадлежность и отношение к городу, выражается эмоциональная связь с ним, формируется образ города.

Категория исследования «Представления горожан о себе» стала второй по популярности среди интернет-пользователей: доля единиц анализа варьируется от 10,5% в Инсаре до 25,6% в Ковылкино.

Каждый город Мордовии является типичным провинциальным городом. Его жителям свойственна прозрачность и ограниченность публичного пространства: «все уже давно друг друга знают», «копни чуть глубже и уже родня». Горожане настроены на демонстрацию внешнего проявления благополучной жизни, достигаемого за счет кредитования: «у нас 2/3 города в норке ходит))), «у всех цепи золотые, руки в золоте, машины дорожние. ... Теперь все соплюшки с дорогими айфонами ходят», «полгорода, будучи в огромных долгах, передвигаются на дорогих машинках», «берут кредиты, а потом ноют, что денег нет, вот современный менталитет». Досуг горожан в зависимости от возраста и материальных возможностей сосредоточен вокруг садово-огородных работ, отдыха на природе и посещения развлекательных заведений. Вышедшие на пенсию горожане считают своим долгом помогать детям и внукам. Социально-экономические проблемы накладывают отпечаток на поведение горожан – они становятся мобильными, а трудовая миграция становится способом решения экономических проблем: «благодаря Москве безработицы в районе нет. Все ездят в Москву на стройки и охранниками работать»; «люди, умеющие работать, уезжают в другие города». С высокой долей иронии и самокритики пользователями интернет-сообществ подчеркивались качества, свойственные провинциалам: пассивность, лень, клишированность взглядов, ориентация на традиции. В целом жители городов Мордовии – очень добрые и открытые люди, готовые прийти на помощь.

Таким образом, в локальных городских интернет-сообществах в социальных сетях происходит публичное самораскрытие горожан, а комментарии пользователей социальных сетей позволяют нарисовать облик типичного горожанина, описать стиль жизни в городе и повседневные практики. В интернет-форумах происходит репрезентация личности в медиа пространстве, осознание себя как горожанина, как члена городского сообщества.

Представления о структуре сообщества (ядро, границы, составляющие). В виртуальном пространстве локальных городских сообществ данная категория незначительно представлена – среднее значение показателя составляет 2,5%. Наиболее выражено в Ардатове (7,7%), наименее – в Ковылкине (0,6%).

Представление о составляющих городского сообщества складывается из оппозиции «коренной горожанин – приезжий из деревни». Отношение к тому, что «колхозники в город перебрались» имеет ярко выраженную негативную или даже презрительную оценку. Причина обособления состоит в том, переехав в город, сельские жители не меняют свои привычки и манеры. По мнению интернет-пользователей, в городах практически невозможно найти коренных горожан, так как: «наш город в основном сформировался в 70-х из незатейливых деревенских жителей, сейчас в нем живут в основном они, их дети и внуки, еще силен деревенский незатейливый характер!».

Результаты исследования интернет-сообществ показали, что вертикаль «власть – горожане» ослаблена. Для большинства пользователей характерна нейтральная коннотация лексем «житель», «простой человек», «люди» и отрицательная «депутат», «наши князьки», «местная власть», «начальство», «чиновники», «администрация». Население, оценивая деятельность руководства, подчеркивает сложившуюся круговую поруку: «У нас еще ни одного начальника не посадили и не выгнали с позором, а, наоборот, на другое тепленькое место пристраивают».

Стратификация городского сообщества на основе ценностно-поведенческих характеристик в виртуальном пространстве строится на основе дихотомии «свой – чужой». К чужим относятся жители, прибывшие из сел, не сумевшие преодолеть социокультурную границу; в общественном сознании горожан зафиксировано отчуждение от власти.

Категория исследования «Ритуалы воспроизводства идентичности (праздники, значимые мероприятия, ЧМ 2018)» была выявлена не во всех интернет-форумах. Наибольшее количество высказываний было сделано жителями Краснослободска (30,0%) и Саранска (13,0%), в остальных городах ее доля крайне низка.

Тема, всколыхнувшая социальные сети Краснослободска, – проведение 14 апреля 2019 г. в городе референдума по вопросу самообложения граждан. В бюллетене для голосования был поставлен вопрос о добровольном самообложении граждан в сумме 200 руб. с каждого совершеннолетнего жителя для решения вопросов местного значения. Очень активно обсуждались результаты проведенного референдума. Все комментарии пользователей имели преимущественно негативный характер. Общий посыл – горожане не верят, что собранные деньги пойдут на благоустройство родного города: *«честно говоря зарплаты и так небольшие так еще и всякую подачку подавать», «теперь еще и по 200 р будем дружно скидываться нашей бедной администрации, которой не на что чинить дороги и строить детские площадки, а народу есть на что, а мы можем себе это позволить... адекватность происходящего спорна и требует проверки».*

Серия матчей Чемпионата мира по футболу 2018 года, прошедшие в Саранске, стали ярким событием в жизни города. Даже спустя год в социальных сетях постоянно возникают обсуждения позитивных и негативных последствий его проведения. Подтверждением это является то, что доля сообщений в категории исследования «Ритуалы воспроизводства идентичности»

(13,0%) превышает долю, отнесенных в категорию «Представления горожан о себе» (11,4%). С позиции презентации уникальности города мега-проект – проведение матчей Чемпионата мира по футболу 2018 в Саранске – стал успешным. Город заявил о себе, продемонстрировал свои достоинства и получил высокую оценку среди российских и иностранных туристов. Позитивные отклики интернет-пользователей связаны с осознанием сопричастности и признанием соответствия спортивной, туристской и транспортной инфраструктуры мировому уровню; отрицательные – огромный долг федеральному бюджету, некупаемость стадиона «Мордовия Арена», сезонность созданных рабочих мест.

К значимым для горожан праздникам относятся общероссийские праздники (Новый год, Рождество, Пасха и др.), а также локальные (День города, День Железнодорожников и др.). К мероприятиям, способствующим воспроизводству идентичности, отнесены не менее важные с точки зрения горожан мероприятия – озеленение и уборка улиц, облагораживание домов и дворов, уборка пляжа.

Таким образом, мероприятия по формированию и преобразованию городской среды, проводимые органами власти и общественными организациями, являются важной составляющей конструирования городской идентичности. В качестве таких мероприятий не обязательно выступают события мирового уровня, мероприятия локального значения не менее значимы для горожан.

Следует констатировать, что «Этнографические особенности жителей» городов Мордовии акцентируются интернет-пользователями в интересующем нас контексте очень редко, доля лингвистических единиц крайне мала. На исследуемый период не пришлось каких-либо значимых мероприятий (типа съездов мордовского народа, фестивалей культур финно-угорских народов и т. п.), когда национальные

черты городов и горожан Мордовии – одного из финно-угорских регионов – выступают на первый план и становятся объектом оценки обывателей.

В категорию «Другое» были отнесены сообщения о возникающих в повседневной онлайн-коммуникации городских проблемах, требующих незамедлительного решения, жалобы на работу администрации города, коммунальных и дорожных служб и др.

Заключение (Conclusions). Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что в интернет-форумах проявляются элементы городской идентичности. Можно утверждать, что городская идентичность осознается и репрезентируется в локальных городских интернет-сообществах Саранска, Рузаевки, Ковылкина – в городах с развитой промышленностью. Идентичность Ардатова, Инсара, Краснослободска и Темникова в социальных сетях размыта, вследствие низкой активности горожан в исследуемых интернет-сообществах.

Наибольшее количество комментариев пользователей были отнесены к категориям исследования «Представления горожан о городе» (среднее значение – 37,5%) и «Представления горожан о себе» (14,0%); наименьшее – «Этнографические особенности жителей города» (0,4%). В социальных сетях происходит репрезентация основных составляющих городской идентичности. Горожанам свойственны концентрация внимания на городе и его проблемах, наблюдение и критическое осмысление городского пространства, а также осмысление себя в нем.

Символический капитал городов Мордовии сосредоточен не только вокруг ярко выраженного ядра – исторического центра. Для жителей столичного города Саранска наметилась тенденция смещения центра притяжения горожан к крупным торговым центрам, новому жилому микрорайону. В малых городах пользователи локальных сетевых сообществ в качестве значимых выделяют также центры приложения труда и места проведения досуга.

Представление жителей о локальной географии репрезентируется с помощью идентификации горожанина как неотъемлемой части сообщества через выделение зон ментального влияния; на общероссийском уровне – из дихотомии «собственный город – крупный город». Горожане бережно относятся к собственному историческому наследию, в повседневной коммуникации они вспоминают не только знаменитых уроженцев, но и современников, чьи поступки получили поддержку и одобрение земляков.

Полемика и активное обсуждение пользователей городских сообществ в социальных сетях строится вокруг обсуждения города и его проблем. Пользователи делают преимущественно критические высказывания о жизни города, они склонны скорее видеть и активно обсуждать негативные стороны, чем позитивные. В процессе активного высказывания собственного независимого мнения происходит непроизвольная репрезентация города и городского пространства: осмысливается уникальность города, выражается эмоциональная связь с ним, формируется образ города. В интернет-форумах с помощью эмоционально-образных оценок и описания повседневных практик происходит репрезентация личности в медиапространстве, осознание себя горожанином, членом городского сообщества. Для жителей Мордовии свойственен местный патриотизм, сочетаемый с пространственной мобильностью.

Контент-анализ популярных групп «ВКонтакте» выявил характерную для малых городов республики проблему – взаимоотношение руководителей города и горожан. Анализ показал, что для интернет-пользователей свойственны неприязнь и непонимание действий администрации. Это свидетельствует об ослаблении вертикали, связывающей руководство города и горожан. Для того чтобы ее укрепить, необходимы поиск новых форм взаимодействия с населением, выход в медиапространство, популяризация предпринимаемых действий в локальных городских интернет-сообществах в социальных сетях (а не только

на официальном сайте администрации города), активное участие в полемике, возникающей в интернет-пространстве.

Результаты исследования показали, что мероприятия локального значения (референдумы, общегородские субботники, озеленение и уборка улиц, облагораживание домов и дворов и др.) значимы для горожан. Наряду с общероссийскими и городскими праздниками они способствуют воспроизводству идентичности.

Городские интернет-форумы, ориентированные на освещение местных новостей, становятся коммуникативной площадкой, объединяющей жителей. Онлайн-общение дополняет, а не заменяют «живое» общение. Коммуникация в виртуальных сообществах затрагивает все сферы социальной активности.

Таким образом, городские локальные интернет-сообщества можно отнести к «виртуальным» сообществам, в которых происходит репрезентация города, осознание общей субъектности. В дискурсе внутригрупповой коммуникации формируется самосознание горожанина, возникает ощущение принадлежности к городскому сообществу, гордость за место проживания, предпринимаются попытки к изменению городской реальности. В таких сообществах происходит процесс неформальной консолидации местного сообщества, в них зарегистрированы не только фактически проживающие, но и все, кто интересуется проблемами города и не хочет терять духовную связь с ним. Локальные сетевые сообщества могут выступать в качестве медиаресурса, в котором происходит не только репрезентация, но и конструирование городской идентичности. Для дальнейшего развития этого направления необходимы исследования по поиску общих ценностей, смыслов, разделяемых городским сообществом как в реальном, так и виртуальном мире.

Список литературы

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по

социологии знания / пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.

Бесчасная А. А. Анализ смыслообразования урбанистической метафоры // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15, № 4. С. 47-50. DOI: 10.14529/hum150408.

Богатова О. А. Этническая, религиозная и гражданская идентичность в регионе // Регионология. 2009. № 3 (68). С. 249-260.

Воронина Н. И. Бытие идентичности: метафизический эксперимент // Концептосфера современной культуры: кол. моногр.; Отв. ред. Н. И. Воронина. Саранск: Изд-во Мордовского государственного университета, 2019. С. 31-39.

Головнева Е. Формы дискурсивной репрезентации городской идентичности // Социология власти. 2014. № 2. С. 56-64.

Горнова Г. В. Соразмерность города и человека: проблемы формирования городской идентичности // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of V

ы Докучаев Д. С. Региональная идентичность в Ивановской области и политика конструирования образа территории: фактор Юризма // Современные проблемы сервиса и Юризма. 2015. № 3. С. 76-82.

Долгаева Е. И. Факторы общероссийской национально-гражданской идентичности в интерпретации жителей полиэтнического региона // Регионология. 2018. Т. 26, № 1 (102). С. 123-140.

Городские локальные идентичности: проблемы дифференциации и факторы консолидации местных сообществ / Р. В. Евстифеев, И. И. Задорин, П. Л. Крупкин, С. Д. Лебедев // Региональная дифференциация и консолидация социального пространства России: V Сухаревские чтения. Саранск, 2015. С. 368-373.

Истомин А. Г., Лебедев С. И. Локальная идентичность жителей города Белгорода: по материалам качественного исследования // Научный результат. Сер. Социология и управление. 2015. Т. 1, № 2 (4). С. 13-21.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. Под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Крупкин П. Л., Лебедев С. Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в

сегодняшней России: опыт структурного анализа // Социологический журнал. 2013. № 4. С. 35-48.

Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010.

Кузнецова А. В., Петрулевич И. А. Дискурсивность городской культуры в координатах идентичности и оценочности // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2017. № 6. С. 68-72.

Литвина С. А., Муравьева О. И. Опросник идентичности с городом: разработка, валидизация, проверка надежности // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8, № 1. С.

Д Миницкина В. П., Руськина Е. С. Эпос как фактор формирования этнической идентичности личности (на примере Республики Мордовия) // Финно-угорский мир. 2019. № 1. С. 93-106. DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.01.093-106.

Назукина М. В. Между Уралом и Поволжьем: поиски пермской идентичности. Пермь: «Печатный салон «Гармония», 2018.

Орлова Е. В. Социокультурные основания городской идентичности (на примере города Оренбурга) // Манускрипт. 2018. № 11(97). Ч. 2. С. 276-279.

Павлов А. В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «соседской» и «гражданской» коммуникацией // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 5. С. 46-57.

Федотова Н. Г. Городская идентичность как конкурентное преимущество территории // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 5. С. 372-377.

Чернобровкина Е. П. Дискурс и идентичность // Вестник Бурятского государственного университета 2018. Т. 2, № 2. С. 14-18. DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-2-14-18.

Чернявская О. С. Осмысление понятия территориальной идентичности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 4. С. 70-76.

Ширманов Е. В. Общероссийская и региональная идентичности в современной России: политический анализ (на примере Республики Мордовия): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2016.

Шумилина Т. В. Исследование текстов СМИ с применением качественного анализа //

Медиаскоп. 2017. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2362> (дата обращения: 26.01.2020).

References

Berger, P. and Luckmann, T. (1995), *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*, Translated by Rutkevich, E., Medium, Moscow, Russia. (In Russian).

Beschasnaya, A. A. (2015), "Analysis of meaning the urbanistic metaphor", *Vestnik YuUrGU. Seriya 'Socialno-gumanitarnye nauki'*, 15 (4), 47-50. DOI: 10.14529/hum150408. (In Russian).

Bogatova, O. A. (2009), "Ethnic, Religious and Civic Identity in the Region", *Regionologiya*, (3), 249-260. (In Russian).

Voronina, N. I. (2019), "Genesis of Identity: a metaphysical experiment", in Voronina, N. I. (ed.) *Konceptosfera sovremennoy kultury*, Izd-vo Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta, Saransk, Russia, 31-39. (In Russian).

Golovneva, E. (2014), "Forms of discursive representation of urban identity", *Sociologiya vlasti*, (2), 56-64. (In Russian).

Gornova, G. V. (2018), "The Proportionality of the City and Man: the problems of the formation of urban identity", *ПРАΞΗΜΑ. Problemy vizualnoy semiotiki*, 3 (17), 43-56. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-43-56. (In Russian).

Dokuchaev, D. S. (2015), "Regional Identity in the Ivanovo Region and the Policy of Constructing the Image of the Territory: a tourism factor", *Sovremennye problemy servisa i turizma*, (3), 76-82. (In Russian).

Dolgaeva, E. I. (2018), "Factors of All-Russian National-Civil Identity in the Interpretation of Residents of a Multi-Ethnic Region", *Regionologiya*, 26 (1), 123-140. (In Russian).

Evstifeev, R. V., Zadorin, I. I., Krupkin, P. L. and Lebedev, S. D. (2015), "Urban Local Identities: problems of differentiation and factors of consolidation of local communities", *Regionalnaya differenciatsiya i konsolidatsiya socialnogo prostranstva Rossii: V Sukharevskie chteniya*, Saransk, Russia, 368-373. (In Russian).

Istomin, A. G. and Lebedev, S. I. (2015), "Local Identity of Inhabitants of the City of Belgorod: based on qualitative research", *Nauchnyy rezultat. Ser. Sociologiya i upravlenie*, 1 (2), 13-21. (In Russian).

Castells, M. (2000), *The Information Age: Economy, Society and Culture*, in Shkaratan, O. I. (ed.), GU VShE, Moscow, Russia. (In Russian).

Krupkin, P. L. and Lebedev, S. D. (2013), "Towards the sacred foundations of identities in today's Russia: the experience of structural analysis", *Sociologicheskij jurnal*, (4), 35-48. (In Russian).

Krylov, M. P. (2010), *Regional identity of the European Russia population*, Novy Khronograf Publ., Moscow, Russia. (In Russian).

Kuznecova, A. V. and Petrulevich, I. A. (2017), "Discursivity of urban culture in the coordinates of identity and volubility", *Vestnik URGU (NPI)*, (6), 68-72. (In Russian).

Litvina, S. A. and Muraveva, O. I. (2018), "City Identity Questionnaire: development, validation, reliability verification", *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 8 (1), 73-91. DOI 10.15293/2226-3365.1801.05. (In Russian).

Minichkina, V. P. and Ruskina, E. S. (2019), "Epos as a Factor in the Formation of Ethnic Identity of an Individual (on the example of the Republic of Mordovia)", *Finno-ugorskiy mir*, (1), 93-106. DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.01.093-106. (In Russian).

Nazukina, M. V. (2018), *Between the Urals and the Volga Region: searches for Perm identity*, Pechatny salon «Garmoniya», Perm, Russia. (In Russian).

Orlova, E. V. (2018), "Sociocultural Foundations of Urban Identity (on the example of the city of Orenburg)", *Manuskript*, (11), 2, 276-279. DOI: <https://doi.org/10.30853/manuskript.2018-11-2.21>. (In Russian).

Pavlov, A. V. (2016), "Local urban communities in social networks: between 'neighborhood' and 'civic' communication", *Labirint. Jurnal socialno-gumanitarnyh issledovaniy*, (5), 46-57. (In Russian).

Fedotova, N. G. (2016), "Urban Identity as a Competitive Advantage of a Territory", *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik*, (5), 372-377. (In Russian).

Chernobrovkina, E. P. (2018), "Discourse and identity", *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (2), 14-18. DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-2-14-18. (In Russian).

Chernyavskaya, O. S. (2011), "Understanding the concept of territorial identity", *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*, (4), 70-76. (In Russian).

Shirmanov, E. V. (2016), "All-Russian and Regional Identities in Modern Russia: political analysis (on the example of the Republic of Mordovia)", Abstract of Ph.D. dissertation, Saratov, Russia. (In Russian).

Shumilina, T. V. (2017), "The study of media texts with the use of qualitative analysis", *Mediaskop*, 3, available at: <http://www.media-scope.ru/2362> (Accessed 26 January 2020). (In Russian).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Пакшина Ираида Адольфовна, кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник редакционно-издательского отдела, Научный центр социально-экономического мониторинга, SPIN-код: 1766-6217.

Iraida A. Pakshina, PhD in Cultural Studies, Leading Researcher of the Editorial and Publishing Department, Scientific Center for Social and Economic Monitoring, SPIN-code: 1766-6217.

УДК 316.472.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-3

Сапон И. В.¹
Леденев Д. Е.²

Виртуальная личность: сетевой эффект самораскрытия

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
ул. Кирова, 86, Новосибирск, 630102, Россия

¹irina.sapon@bk.ru

²dled04@yandex.ru

*Статья поступила 18 января 2020 г.; принята 2 мая 2020 г.;
опубликована 30 июня 2020 г.*

Аннотация. В цифровой век изменились процессы, связанные с человеческим общением и приватностью. Дружба в социальной сети не требует больших эмоциональных и временных затрат, а онлайн-демонстрация себя и чрезмерное раскрытие личных данных стали трендом современности. В статье рассматривается вопрос о том, как возросшее количество социальных контактов связано с самораскрытием в профиле социальной сети. Был проведён контент-анализ личных страниц 1707 пользователей «ВКонтакте», который показал, что число друзей оказывает определенное влияние на тип и объём публикуемой информации. Так, пользователи с большим количеством сетевых друзей в целом чаще раскрывают личную информацию в профиле. Данный вывод согласуется с результатами зарубежных исследований, что позволяет предположить, что обнаруженный механизм является универсальным, так как встречается в различных культурных контекстах. Также в нашей работе было показано, что количество «друзей» положительно связано с раскрытием таких типов информации, как: «Деятельность», «Интересы», «Статус», «Номер телефона», «Ссылки на аккаунты в других социальных сетях». Авторы приходят к выводу, что данная связь может обуславливаться рекламными мотивами. В частности, раскрытие контактной информации создаёт возможность быстрой связи с клиентами, а заполнение полей «Деятельность» и «Статус» помогает в презентации услуг. Данная работа вносит вклад в понимание факторов самораскрытия в профиле и предлагает один из вариантов объяснения «парадокса приватности».

Ключевые слова: самораскрытие; социальные сети; профиль; личная информация; приватность; сетевые друзья; «ВКонтакте»

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках научного проекта № 19-411-543002 «Исследование самораскрытия в профиле на примере социальной сети «ВКонтакте».

Информация для цитирования: Сапон И. В., Леденев Д. Е. Виртуальная личность: сетевой эффект самораскрытия // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 36-50. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-3

Irina V. Sapon¹
Dmitry E. Ledenev²

Virtual Identity: The Network Effect of Self-Disclosure

Siberian State University of Telecommunications and Informatics
86 Kirov St., Novosibirsk, 630102, Russia

¹irina.sapon@bk.ru

²dled04@yandex.ru

*Received on January 18, 2020; accepted on May 02, 2020;
published on June 30, 2020*

Abstract. In the digital age, communication and privacy processes have changed. Friendship maintenance in SNS does not require a lot of emotional and time expenses, while self-presentation and self-disclosure have become a modern trend. The article discusses the relationship between the number of network friends and self-disclosure in the social network site (SNS) profile. The content analysis of 1707 VKontakte user's personal pages was conducted, which showed that the number of friends affects the type and amount of published information. For example, users with a large number of online friends are generally more likely to disclose personal data in their profile. This is especially true for the profile fields such as: «Activities», «Interests», «Status», «Phone Number», «Links to accounts in other SNS». The authors suggest that these results can be explained by the user's advertising motives. In particular, contact information disclosure makes it possible to quickly communicate not only with friends, but also with customers. At the same time, «Activities» and «Status» disclosure helps to promote goods and services. This work contributes to the understanding of self-realization factors in the SNS profile and offers one of the ways to explain the «privacy paradox». Future research should also look at other factors that may affect the self-disclosure in the SNS profile.

Keywords: self-disclosure; social network sites; profile; personal information; privacy; network friends; VKontakte.

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and Novosibirsk region according to the research project № 19-411-543002 «Research of self-disclosure in the profile of social network site «VKontakte».

Information for citation: Sapon, I. V. and Ledenev, D. E. (2020), «Virtual Identity: The Network Effect of Self-Disclosure», *Research Result. Sociology and management*, 6 (2), 36-50, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-3

Введение (Introduction). Социальные сети стали популярным средством коммуникации в современном мире. Они позволяют людям оставаться на связи со своими друзьями и близкими независимо от расстояния: чтобы поделиться какими-либо новостями или событиями достаточно сделать всего пару «кликов» (Stone, 2008). Для многих пользователей ежедневное обновление статуса, а также публикация личных фотографий и видеосторий («stories») стали привычным действием. При этом они могут не замечать, что публикуют намного

больше информации о себе, чем планировали до регистрации, и не задумываются о том, что подробности их личной жизни становятся доступными даже малознакомым людям (Walther, 2007; Hollenbaugh & Ferris, 2014).

В эпоху социальных сетей демонстрация себя в онлайн-пространстве стала особенно популярной – мы переживаем «революцию социальных данных» (Чернышов, 2017). В то же время личная информация пользователей приобретает определённую

ценность: её собирают и анализируют коммерческие компании для предложения микротаргетинговой рекламы. Она может использоваться в преступных целях, например, фотографии из отпуска помогают преступникам в планировании времени ограбления. И если предложение рекламы не представляет для пользователя какую-либо серьезную опасность, то риск попадания личной информации в руки к злоумышленникам может серьёзно навредить пользователю.

Логично предположить, что пользователи будут стремиться защитить конфиденциальность своих данных, скрывая их настройками приватности или же удаляя со страницы социальной сети. Однако, как показали результаты исследований, пользователи не предпринимают необходимых мер по защите своей приватности, даже если осознают потенциальные риски от раскрытия личной информации в онлайн-пространстве. Такое нелогичное поведение получило название «парадокс приватности» (Kokolakis, 2017). Почему пользователи продолжают публиковать личную информацию несмотря на потенциальную опасность? Что влияет на их решение?

Ответы на эти вопросы помогут лучше понять поведение пользователей в онлайн-пространстве, что в целом будет способствовать созданию безопасной и комфортной интернет-среды. Также это поможет привлечь внимание к проблеме приватности персональных данных, в результате чего решение пользователей о публикации личной информации в сети может стать более осознанным.

Данная работа является частью более масштабного исследования, посвящённого изучению факторов самораскрытия в профиле социальной сети. В качестве теоретической основы мы используем теорию управления приватностью Сандры Петронио (ТУП). В предыдущей работе мы показали, что данная теория даёт достаточно широкое представление о факторах, влияющих на решение пользователя о саморас-

крытии, таких как культура, гендер, мотивы, контекст, соотношение выгод и рисков (Сапон, Леденев, 2018). Однако ТУП не рассматривает ряд специфичных факторов, которые приобретают значение в онлайн-контексте. Результаты нашего исследования могут внести вклад в расширение данной теории для интернет-среды.

Методология и методы (Methodology and methods). По мнению исследователей, одним из возможных объяснений парадокса приватности можно считать убеждённость пользователей в том, что «всё плохое» происходит не с ними. То есть люди недооценивают риски потери приватности, думая, что негативные события касаются чаще других. Это получило название «оптимистическая предвзятость» (Krasnova, 2009).

Но достаточно ли этого, чтобы объяснить парадокс приватности? При попытке объяснить данный парадокс невозможно обойтись без рассмотрения такого явления, как самораскрытие – намеренной передачи личной информации о себе другим (Masur, 2019). В социальных сетях самораскрытие может происходить в личных сообщениях, в профиле, а также посредством размещения записей или комментариев на стене. В профиле содержится намного больше персональных данных человека, чем в какой-либо другой части социальной сети. Он представляет собой некое досье, в котором пользователи могут указывать как чувствительные данные (например, домашний адрес и религиозные взгляды), так и менее серьезные сведения о себе (например, предпочтения в еде или музыке). В нём также присутствует возможность добавлять личные фото, аудио и видеозаписи.

Самораскрытие в онлайн-пространстве является сложным явлением, на которое могут оказывать влияние множество факторов. Например, возраст и гендер (Li, Lin, Wang, 2015; Hollenbaugh, 2015), культура (Trepte, Masur 2016; Ardi, Maison, 2014), а также мотивы пребывания пользователя в социальной сети (Febriawan, 2017;

Crabtree, Pillow, 2018). По мнению некоторых авторов, именно мотивы можно считать ключевым фактором самораскрытия в социальной сети. При этом отмечается, что наибольшее влияние оказывают социальные мотивы, например, желание оставаться на связи с друзьями и знакомыми (Kim, Chung, Ahn, 2014). Но как объяснить это влияние?

Как показали результаты исследований, наличие информации на личной странице может снизить социальные барьеры, возникающие при знакомстве, и способствовать созданию, укреплению и накоплению социальных связей. Например, указанная в профиле информация позволяет сформировать первое впечатление о человеке уже до начала общения, что влияет на решение, подтвердить или же проигнорировать запрос на дружбу (Lampe, 2007; Schrammel, 2009; Bazarova, Choi, 2014).

Таким образом, можно предположить, что пользователи, раскрывающие значительное количество информации на страницах социальной сети, будут иметь и большее число друзей. И действительно, многие зарубежные исследователи, изучавшие самораскрытие в профиле Facebook, подтвердили это предположение (Kisilevich, 2012; Ahmed, 2015; Aharony, 2016).

Однако стоит заметить, что чем более публичным становится человек, тем больше у него возникает причин быть осторожным в раскрытии, так как в «дружескую» сеть могут попасть злоумышленники, готовые использовать полученную информацию в корыстных целях (Wang, Burke, Kraut, 2016). Поэтому, на наш взгляд, нельзя однозначно сказать, как будет меняться самораскрытие с увеличением количества сетевых друзей. В отечественной социологии нами не были обнаружены исследования по данной теме. Наша работа направлена на то, чтобы заполнить этот пробел и рассмотреть, как данная связь проявляется в контексте российской социальной сети.

Целью данной работы является изучение взаимосвязи между количеством сетевых друзей и самораскрытием в профиле «ВКонтакте». Особенность нашего исследования заключается в том, что мы рассматриваем не только общий объем публикуемых данных, но и определяем, какие типы информации свойственно раскрывать пользователям с большим количеством друзей. Также мы проводим семантический анализ некоторых типов информации в профиле, чтобы дать более точную и объективную интерпретацию полученных результатов.

Сформулируем гипотезы исследования:

1. Количество сетевых друзей положительно связано с общим объемом раскрываемой в профиле информации.
2. Пользователи с большим количеством сетевых друзей чаще раскрывают определенные типы информации.
3. Причины раскрытия информации в профиле, как и причины большого количества сетевых друзей – социальные.

В июле 2019 года мы провели контент-анализ профилей социальной сети «ВКонтакте». Данная платформа была выбрана нами ввиду того, что достаточно долгое время оставалась самой популярной в России социальной сетью. На данный момент она продолжает занимать лидирующую позицию несмотря на возрастающую популярность Instagram (Курносова, 2019).

Контент-анализ включил личную информацию 1707 профилей пользователей, которые являлись сетевыми друзьями одного из авторов и были так или иначе знакомы с ним, что исключило попадание в выборку «фейковых» страниц и «ботов». В одной из наших работ было показано, что 63% пользователей применяют настройки приватности, скрывая часть данных профиля от тех, кто не входит в список друзей (Сапон, Леденев, 2018). Поэтому для того, чтобы получить доступ к наибольшему количеству информации в профиле необходимо проводить контент-анализ страниц из позиции сетевого друга. Таким образом, несмотря на то, что такой подход исключает

фактор случайности и несколько смещает выборочную совокупность, он даёт явные преимущества.

Средний возраст пользователей в выборке составил 31,75 лет ($SD = 7,41$), мужчин было несколько больше, чем женщин (882 против 825 соответственно).

Для изучения самораскрытия в данной сети нами была разработана автоматизированная система сбора и обработки данных.

На первом этапе исследования мы вычислили частоту раскрытия 27 типов информации в профиле (рис. 1). Учитывалось только наличие (1) или отсутствие (0) данных в соответствующем поле личной страницы.

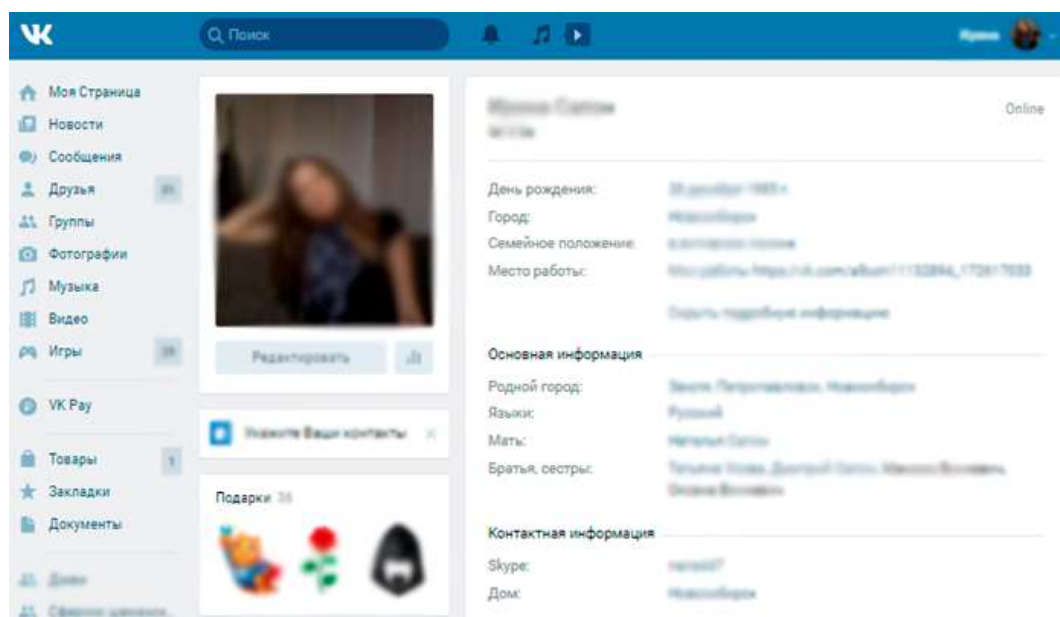

Рис. 1. Профиль в социальной сети «ВКонтакте»

Fig. 1. Profile in the social network site VKontakte

Категория «Аватар» была рассмотрена нами дополнительно с целью исключить из подсчета те фото, которые не содержали личного изображения пользователя.

Раскрытием такого типа информации, как «Номер телефона» мы считали лишь те данные, которые соответствовали определенному формату. Так, номер мобильного телефона должен был содержать 10 или 11 цифр (если он начинается с «+7» или «8»), а городского – 7 цифр.

На втором этапе исследования мы провели семантический анализ по методу А. Браймана (Bryman, 2016) некоторых полей профиля с целью определить тематику раскрываемой информации.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Прежде чем проверить основные гипотезы нашего исследования, мы рассмотрим, сколько сетевых друзей у пользователей в нашей выборке. Эти данные представлены на гистограмме ниже (рис. 2).

Рис. 2. Количество «друзей» у пользователей в выборке

Fig. 2. Number of users' «friends» in the sample

Как видим, только у 425 пользователей (24,8% выборки) в списке друзей находится до 250 человек. У других же пользователей сетевых друзей гораздо больше. В целом среднее количество составляет 830,28 (SD=756,56). Это значение превышает «число Данбара» (150) – предельное количество социальных связей, которые способен поддерживать человек (Roberts, Dunbar, Pollet, Kuppens, 2009).

Но чем можно объяснить такое значительное количество «дружеских» связей? Дело в том, что социальные сети изменили понятие «друг», упростив процесс знакомства. Такая «дружба» не требует больших вложений и не предполагает сильной эмоциональной вовлечённости. Это позволяет добавлять в список друзей даже малознакомых людей. Список друзей в социальной сети – это онлайн-коллекция социальных связей человека, нечто вроде телефонной книги.

С точки зрения концепции социального капитала, люди получают определённые

преимущества от большого количества социальных связей. Это увеличивает потенциальную возможность получения эмоциональной поддержки, какой-либо информации или же иных ресурсов (Stefanone, Kwon, Lackaff, 2011). К тому же обширный список сетевых друзей является признаком популярности и привлекательности. Поэтому пользователи нередко добавляют незнакомцев. Соответственно, самораскрытие в профиле социальной сети происходит не только для близких, но и для малознакомой аудитории.

Но действительно ли с расширением аудитории увеличивается объём самораскрытия в профиле?

Проведённый корреляционный анализ Пирсона показал, что между общим уровнем самораскрытия в профиле и числом сетевых друзей существует связь и она положительная ($r=0,14$, $p<0,05$). Графически данная зависимость показана на рис. 3.

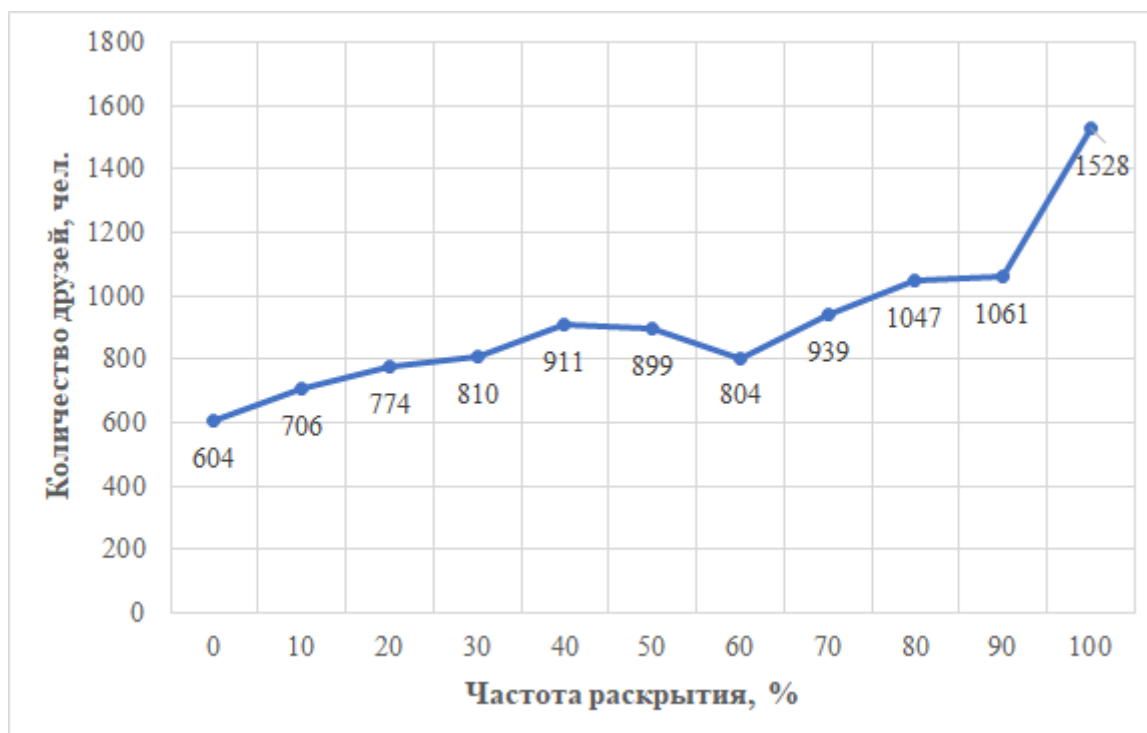

Рис. 3. Зависимость между общим уровнем самораскрытия в профиле и числом дружеских связей

Fig. 3. Relationship between the self-disclosure level in the profile and the number of network friends

Как видим, чем больше у пользователей сетевых друзей, тем в среднем чаще они раскрывают информацию в профиле. Этот вывод согласуется с результатами зарубежных исследований, в которых также была замечена связь онлайн-самораскрытия и количества друзей в социальной сети Facebook (Lee, 2012; Kim, Lee, 2011). Вероятно, данный механизм является универсальным, так как встречается в разных культурных контекстах. Различная информация в профиле может действовать как социальные сигналы, которые могут рассказать что-либо о пользователе. Это снижает

время на поиск общих тем и интересов, улучшает понимание между участниками сети (Schrammel, 2009). Возможно, заполненный профиль действительно способствует накоплению социальных связей.

Но какие типы информации пользователи с большим количеством социальных связей раскрывают чаще остальных? Для дальнейшего анализа мы разделили пользователей нашей выборки на четыре группы в зависимости от количества их сетевых друзей. Такое разбиение позволило нам получить примерно равное число людей в каждой из групп (табл. 1).

Таблица 1

Группировка пользователей в зависимости от количества сетевых друзей

Table 1

Grouping users based on the number of network friends

Количество сетевых друзей	До 250	От 250 до 500	От 500 до 1250	От 1250 до 3000
Раскрытие в профиле, %	31,98	39,60	40,01	42,53
Количество людей, чел.	425	390	462	430

С помощью критерия хи-квадрат мы сравнили данные группы по частоте раскрытия 27 типов информации. Все раскрываемые в профиле данные мы также разделили на четыре категории: «Основная информация»,

«Мировоззрение», «Интересы», «Медиаактивность». Приведём полученные результаты.

Категория «Основная информация» включила стандартные сведения о пользователе: личное фото (аватар), статус, возраст, контактные данные (табл. 2).

Таблица 2

Частота раскрытия категории «Основная информация», %

Table 2

Disclosure frequency of the «Basic information» category, %

Количество друзей / Тип информации	до 250	от 250 до 500	от 500 до 1250	от 1250 до 3000	Значение хи-квадрат
Аватар	73,65	76,98	76,36	75,12	0,09
Статус	42,82	54,73	63,34	74,65	9,23*
Семейное положение	33,41	37,08	39,05	38,84	0,55
Возраст	32	38,46	33,12	30,7	1,04
Город	81,41	85,93	83,08	87,67	0,28
Ссылки на аккаунты в других социальных сетях	16,94	31,71	34,92	38,6	8,86*
Телефон	19,76	33,25	39,05	43,02	9,18*
Образование	61,18	71,61	69,2	68,6	0,9

* – статистически значимая разница ($p < 0.05$)

** – статистически значимая разница ($p < 0.01$)

Как можно заметить, пользователи с бóльшим количеством сетевых друзей в среднем чаще публикуют контактную информацию («Телефон», «Ссылки на аккаунты в других социальных сетях») и заполняют поле «Статус». Таким образом, пользователи, которые сообщают о том, как с ними можно связаться, более открыты к социальным контактам и сознательно расширяют список друзей в социальной сети.

Перейдём к рассмотрению следующей категории, которая содержит сведения о предпочтениях пользователя. Статистически значимая разница была обнаружена при сравнении частоты заполнения таких полей профиля, как «Деятельность» и «Интересы». С увеличением количества сетевых друзей увеличивалось и раскрытие данных типов информации (табл. 3).

Таблица 3

Частота раскрытия категории «Интересы», %

Table 3

Disclosure frequency of the «Interests» category, %

Количество друзей / Тип информации	до 250	от 250 до 500	от 500 до 1250	от 1250 до 3000	Значение хи-квадрат
Деятельность	16,47	29,92	44,47	50,47	19,74***
Интересы	21,18	34,02	39,05	43,95	8,33*
Любимая музыка	21,65	27,37	30,15	32,09	2,23
Любимые фильмы	19,53	27,62	25,6	26,98	1,65
Любимые книги	17,65	23,53	26,25	27,21	2,34
Любимые игры	12,94	20,72	21,48	19,3	2,43
Любимые цитаты	23,53	34,78	34,49	35,58	3,07
О себе	17,65	27,62	34,49	36,98	7,69

* – статистически значимая разница ($p < 0.05$)

** – статистически значимая разница ($p < 0.01$)

Возможно, раскрывая информацию о своих увлечениях и роде деятельности, люди пытаются расширить круг своих единомышленников.

Далее рассмотрим категорию «Жизненная позиция», которая включает в себя

сведения о жизненных установках пользователя, например, его отношение к курению или к алкоголю, а также политические, религиозные и иные взгляды. Следует отметить, что значительной разницы в частоте раскрытия данных типов информации обнаружено не было (табл. 4).

Таблица 4

Частота раскрытия категории «Жизненная позиция», %

Table 4

Disclosure frequency of the «Life position» category, %

Количество друзей / Тип информации	до 250	от 250 до 500	от 500 до 1250	от 1250 до 3000	Значение хи-квадрат
Политические предпочтения	19,06	21,74	20,39	20,23	0,18
Мировоззрение	22,35	30,43	29,28	30,7	1,65
Главное в жизни	18,82	24,81	21,69	29,53	2,66
Главное в людях	19,53	23,79	21,26	26,05	1,08
Отношение к курению	19,53	23,79	20,61	22,56	0,51
Отношение к алкоголю	20	23,27	20,17	22,56	0,38
Источники вдохновения	12,24	18,41	19,74	24,19	3,92

Теперь рассмотрим категорию «Медиаактивность». Она отражает, к какому личному контенту, накопленному в процессе пребывания в социальной сети, пользователь предоставил доступ. Это могут быть списки групп, аудиозаписей или

подарков, а также фотографии, на которых владелец профиля был отмечен другими. При сравнении частоты раскрытия данных типов информации между группами пользователей существенной разницы также обнаружено не было (табл. 5).

Таблица 5

Частота раскрытия категории «Медиаактивность», %

Table 5

Disclosure frequency of the «Media activity» category, %

Количество друзей / Тип информации	до 250	от 250 до 500	от 500 до 1250	от 1250 до 3000	Значение хи-квадрат
Фото с пользователем	40	54,48	52,93	50,47	2,58
Список аудиозаписей	71,29	77,75	73,32	73,26	0,3
Список групп	55,29	53,2	50,33	50,47	0,33
Список подарков	53,65	61,89	56,83	68,6	2,12

Подытожим сказанное. Как было показано выше, статистически значимая разница наблюдалась в частоте указания следующих типов информации: «Деятельность», «Интересы», «Статус», «Номер телефона», «Ссылки на аккаунты в других социальных сетях». При этом наибольшая

разница была обнаружена при сравнении частоты раскрытия поля «Деятельность». Стоит отметить, что между частотой указания данных типов информации и количеством сетевых друзей наблюдается линейная зависимость. Графически данная связь показана ниже (рис. 4).

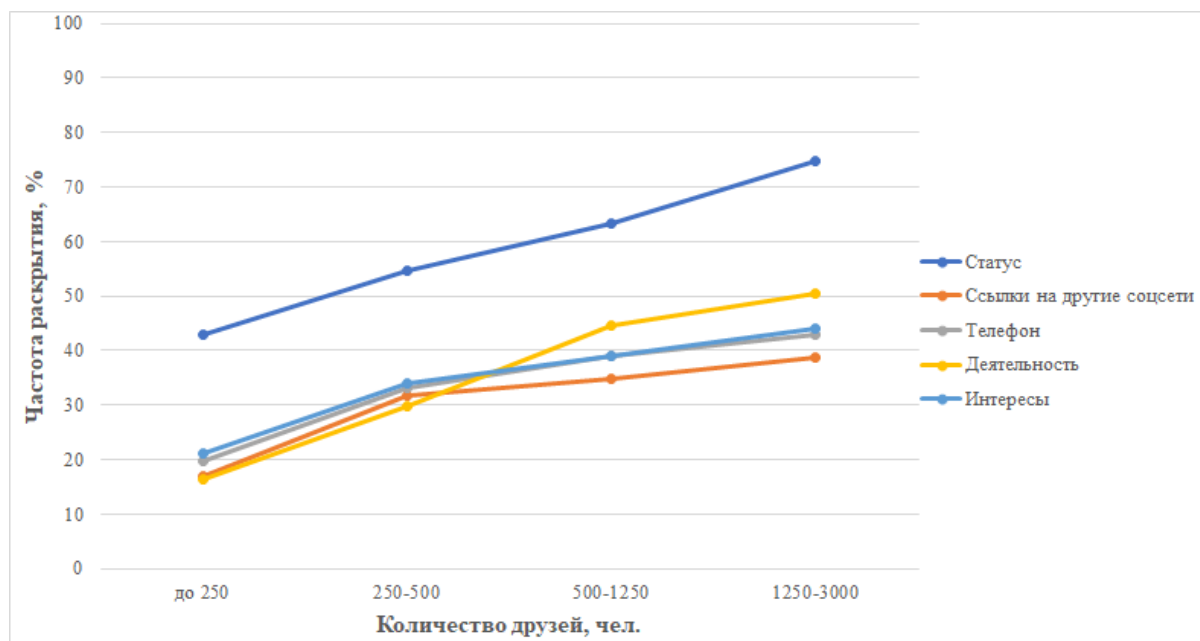

Рис. 4. Взаимосвязь между количеством друзей и раскрытием информации в профиле
Fig. 4. Relationship between the number of friends and profile disclosure

Чтобы изучить природу выявленной взаимосвязи мы решили рассмотреть содержание информации в данных полях профиля. Нужно оговориться, что все эти поля заполняются пользователем вручную: при их заполнении не предоставляется возможность выбрать готовый вариант из списка. При этом содержание таких типов информации, как «Номер телефона» и «Ссылки на аккаунты в других социальных сетях» достаточно очевидно и не требует детального

рассмотрения. Однако содержание полей «Деятельность», «Интересы» и «Статус», по нашему мнению, заслуживает особого внимания, так как они могут вмещать относительно большой объем текстовой информации разной направленности. Используя методику А. Браймана (Bryman, 2016), мы проанализировали значения данных полей (табл. 6).

Таблица 6

Результаты семантического контент-анализа полей
«Деятельность», «Интересы» и «Статус», %

Table 6

Results of semantic content analysis of the fields «Activity», «Interests» and «Status», %

Количество друзей / Тип информации	до 250	от 250 до 500	от 500 до 1250	от 1250 до 3000	Коэффициент корреляции Пирсона
Деятельность					
Профессия, род деятельности	5,2	9,5	18,2	24,0	0,142***
Шутка	3,5	11,3	9,5	6,7	0,034
Реклама	1,4	2,3	4,3	8,8	0,197***
Статус					
Шутка или высказывание о жизни	29,9	38,7	37,2	32,3	-0,013

Количество друзей / Тип информации	до 250	от 250 до 500	от 500 до 1250	от 1250 до 3000	Коэффициент корреляции Пирсона
Профессия, род деятельности	0,5	1,5	3,7	4,9	0,296 ***
Смайлы, символы	4,5	4,9	2,8	1,9	0,092***
Местоположение	0,5	1,0	1,1	0,2	-0,070**
Реклама	7,5	8,5	18,6	35,3	-0,022
Интересы					
Интересы	8,7	15,9	18,6	23,3	0,182***
Шутка	3,1	2,1	8,2	9,1	0,060*
Реклама	0,2	0,5	0,6	1,4	0,001

*статистически значимая разница ($p < 0,05$)

**статистически значимая разница ($p < 0,01$)

***статистически значимая разница ($p < 0,001$)

Как видно из таблицы, чаще всего люди с большим количеством друзей указывают свою профессию, род деятельности или размещают рекламную информацию.

Исследователи давно отметили, что социальные сети стали популярным инструментом саморекламы (Marwick, Boyd, 2011; Quinn, Papacharissi, 2014). И полученные нами данные подтверждают это. В текущем исследовании мы заметили, что 75.2% пользователей из нашей выборки добавили в список друзей достаточно большое количество человек (более 250), поэтому можно считать, что среди них есть и незнакомцы. В связи с этим, вполне возможно, что пользователи используют данную соцсеть не только для общения, но и для рекламы. Они увеличивают размер аудитории и рассказывают в профиле о том, чем они занимаются и как с ними можно связаться для продвижения определённых товаров и услуг, поиска клиентов и возможности сотрудничать. Список друзей может стать определённой клиентской базой. Раскрытие информации о роде деятельности в профиле можно рассматривать как публичное объявление. А раскрытие контактной информации может помочь клиентам быстро связаться с владельцем профиля.

Можно заметить, что в поле «Статус» наиболее часто встречается информация

рекламного характера: сведения о предлагаемых товарах или услугах, о текущем местонахождении и о возможных способах связи. По всей видимости, это наиболее удачное поле для размещения каких-либо объявлений, так как оно располагается на одной из самых заметных частей личной страницы.

Однако, как видно из таблицы, указание интересов или хобби также связано с количеством друзей, поэтому нельзя исключать и существование у пользователей социальных мотивов (например, поиск единомышленников).

Заключение (Conclusions). Подводя итог, можно отметить, что наше исследование подтвердило результаты других зарубежных работ в том, что количество сетевых друзей положительно связано с общим объемом раскрываемой в профиле информации. В связи с этим мы приходим к выводу, что данный механизм является универсальным, так как встречается в различных культурных контекстах (как у российских пользователей «ВКонтакте», так и у пользователей Facebook из других стран).

В основе данного механизма, с точки зрения многих зарубежных исследователей, лежит стремление пользователей к получению каких-либо социальных выгод (например, поиск единомышленников). Мы

считаем данную точку зрения обоснованной, так как проведённый семантический анализ показал, что пользователи, указавшие в профиле информацию о своих увлечениях, имеют большее количество социальных связей.

В то же время в ходе нашего исследования было выявлено, что увеличение количества сетевых друзей может быть необходимо и для продвижения определенных товаров или услуг. Так, с увеличением количества связей увеличивалась частота раскрытия сведений о профессии и сфере деятельности, чаще встречались сообщения рекламного характера и контактная информация. То есть пользователи пытались одновременно и расширить аудиторию, и рассказать ей о своих услугах, то есть они преследовали рекламные мотивы. При этом наиболее частым местом для размещения рекламной информации было поле «Статус». Возможно, потому что оно расположено в наиболее заметной части личной страницы. В эпоху онлайн-маркетинга использование средств социальных сетей для рекламы и продвижения вполне естественно. И, как видим, часть людей этим пользуются.

Пытаясь дать своё объяснение парадоксу приватности, мы можем предположить следующее. Пользователи, заинтересованные в продвижении своих услуг, высоко ценят возможность бесплатной рекламы в социальной сети, и это явное преимущество значительно превышает возможный ущерб от потери приватности. Именно поэтому они раскрывают большое количество личной информации, даже если это может быть связано с определёнными рисками.

В дальнейших исследованиях необходимо изучить и другие причины раскрытия данных в профиле, а также факторы, оказывающие влияние на данный процесс. Всё это может способствовать пониманию поведения людей в социальных сетях, что также важно для разработки способов формирования пользователей о способах

защиты себя и своих данных в онлайн-пространстве.

Полученные в данной работе результаты могут внести вклад в расширение теории управления приватностью Сандры Петронио, дополнив теорию новыми факторами, оказывающими влияние на самораскрытие в онлайн-пространстве.

Список литературы

- Курносова Е. Социальные сети в цифрах, 2019 г. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/f97/18.04.2019_Mediascope_Екатерина%20Курносова_РИФ+КИБ%202019.pdf (дата обращения: 14.02.2020).
- Чернышов А. Г. Цифровизация и технологизация общественной жизни как социально-политическая проблема: сохранение идентичности и роль государства в условиях развития глобальных сетей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 319-328.
- Сапон И. В., Леденев Д. Е. Самораскрытие пользователей в социальных сетях: теоретический обзор // Вестник НГУЭУ. 2018. № 3. С. 261-288.
- Сапон И. В., Леденев Д. Е. Границы приватности пользователей социальной сети «ВКонтакте» // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. № 6. С. 93-105.
- Aharony N. Relationships among attachment theory, social capital perspective, personality characteristics, and Facebook self-disclosure // Aslib Journal of Information Management. 2016. Vol. 68 (3). P. 362-386.
- Ardi R., Maison D. How do Polish and Indonesian disclose in Facebook?: Differences in online self-disclosure, need for popularity, need to belong and self-esteem // Journal of Information, Communication and Ethics in Society. 2014. Vol. 12 (3). P. 195-218.
- Bazarova N. N., Choi Y. H. Self-disclosure in social media: Extending the functional approach to disclosure motivations and characteristics on social network sites // Journal of Communication. 2014. Vol. 64 (4). P. 635-657.
- Bryman A. Social research methods. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Crabtree M. A., Pillow D. R. Extending the Dual Factor Model of Facebook Use: Social motives and network density predict Facebook use

through impression management and open self-disclosure // *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 133. P. 34-40.

Febriawan I. M. Convenient for Positive Expression: Role of Expressivity and Internet Use Motives to Online Self-disclosure // *International Conference on Psychology and Multiculturalism*. Atma Jaya Catholic University of Indonesia. Jakarta, 2017. P. 147-157.

Hollenbaugh E. E., Ferris A. L. Facebook self-disclosure: Examining the role of traits, social cohesion, and motives // *Computers in Human Behavior*. 2014. Vol. 30. P. 50-58.

Hollenbaugh E. E., Ferris A. L. Predictors of honesty, intent, and valence of Facebook self-disclosure // *Computers in Human Behavior*. 2015. Vol. 50. P. 456-464.

Kim J. Y., Chung N., Ahn K. M. Why people use social networking services in Korea: The mediating role of self-disclosure on subjective well-being // *Information Development*. 2014. Vol. 30 (3). P. 276-287.

Kim J., Lee J. E. R. The Facebook paths to happiness: Effects of the number of Facebook friends and self-presentation on subjective well-being // *CyberPsychology, behavior, and social networking*. 2011. Vol. 14 (6). P. 359-364.

Kisilevich S., Ang C. S., Last M. Large-scale analysis of self-disclosure patterns among online social networks users: a Russian context // *Knowledge and information systems*. 2012. Vol. 32 (3). P. 609-628.

Kokolakis S. Privacy attitudes and privacy behaviour: A review of current research on the privacy paradox phenomenon // *Computers & security*. 2017. Vol. 64. P. 122-134.

Krasnova H., Kolesnikova E., Guenther O. «It won't happen to me!»: self-disclosure in online social networks // *Proceedings of the 15th Americas Conference on Information Systems, AMCIS 2009*. San Francisco, 2009. Pp. 1-10.

Lampe C. A. C., Ellison N., Steinfield C. A familiar face (book) profile elements as signals in an online social network // *Proceedings of the SIGCHI conference on Human factors in computing systems*. 2007. P. 435-444.

Lee E. B. Young, black, and connected: Facebook usage among African American college students // *Journal of Black Studies*. 2012. Vol. 43 (3). P. 336-354.

Li K., Lin Z., Wang X. An empirical analysis of users' privacy disclosure behaviors on social

network sites // *Information & management*. 2015. Vol. 52 (7). P. 882-891.

Marwick A. E., Boyd D. I tweet honestly, I tweet passionately: Twitter users, context collapse, and the imagined audience // *New media & society*. 2011. Vol. 13 (1). P. 114-133.

Masur P. K. Theories of Self-Disclosure // *Springer*. 2019. P. 69-88.

Mohamed Ahmed A. A. «Sharing is Caring»: Online Self-disclosure, Offline Social Support, and Social Network Site Usage in the UAE // *Contemporary Review of the Middle East*. 2015. Vol. 2 (3). P. 192-219.

Quinn K., Papacharissi Z. The place where our social networks reside: Social media and sociality // *Media and social life*; M. B. Oliver, A. A. Raney (eds.). New York: Routledge, 2014. Pp. 159-207.

Roberts S. G. B., Dunbar R.I., Pollet T.V., Kuppens, T. Exploring variation in active network size: Constraints and ego characteristics // *Social Networks*. 2009. Vol. 31 (2). P. 138-146.

Schrammel J., Köffel C., Tscheligi M. Personality traits, usage patterns and information disclosure in online communities // *People and Computers XXIII Celebrating People and Technology*. Cambridge, 2009. P. 169-174.

Stefanone M. A., Kwon K., Lackaff D. The value of online friends: Networked resources via social network sites // *First Monday*. 2011. Vol. 16 (2). P. 1-17.

Stone Z., Zickler T., Darrell T. Autotagging facebook: Social network context improves photo annotation // *IEEE computer society conference on computer vision and pattern recognition workshops*. 2008. P. 1-8.

Trepte S., Masur P. K. Cultural differences in social media use, privacy, and self-disclosure // *Research Report on a multicultural survey study*. Germany: University of Hohenheim, 2016. P. 1-88.

Walther J. B. Selective self-presentation in computer-mediated communication: Hyperpersonal dimensions of technology, language, and cognition // *Computers in Human Behavior*. 2007. Vol. 23 (5). P. 2538-2557.

Wang Y. C., Burke M., Kraut R. Modeling self-disclosure in social networking sites // *Proceedings of the 19th ACM conference on computer-supported cooperative work & social computing*. San Francisco, 2016. P. 74-85.

References

- Kurnosova, E. *Social networks in numbers* [Online], available at: https://mediascope.net/upload/iblock/f97/18.04.2019_Mediascope_Екатерина%20Курносова_РИФ+КИБ%202019.pdf (Accessed 14 February 2019). (in Russian).
- Chernyshov, A. G. (2017), "Digitization and technologization of public life as a socio-political problem: the preservation of identity and the role of the state in the context of the development of global networks", *Tomsk State University Journal. Philosophy. Sociology. Political science*, (40), 319-328. (in Russian).
- Sapon, I. V. and Ledenev, D. E. (2018), "Self-Disclosure on Social Network Sites: a Theoretical Review", *Bulletin NSUEM*, (3), 267-288. (In Russian).
- Sapon, I. V. and Ledenev, D. E. (2018), "The privacy boundaries of users of social network site VKontakte", *Scientific Review. Series 2. Human Sciences*, (6), 93-105. (In Russian).
- Aharony, N. (2016), "Relationships among attachment theory, social capital perspective, personality characteristics, and Facebook self-disclosure", *Aslib Journal of Information Management*, 68 (3), 362-386.
- Ardi, R. and Maison, D. (2014), "How do Polish and Indonesian disclose in Facebook?: Differences in online self-disclosure, need for popularity, need to belong and self-esteem", *Journal of Information, Communication and Ethics in Society*, 12 (3), 195-218.
- Bazarova, N. N. and Choi, Y. H. (2014), "Self-disclosure in social media: Extending the functional approach to disclosure motivations and characteristics on social network sites", *Journal of Communication*, 64 (4), 635-657.
- Bryman, A. (2016), *Social research methods*, Oxford university press, Oxford, UK.
- Crabtree, M. A. and Pillow, D. R. (2018), "Extending the Dual Factor Model of Facebook Use: Social motives and network density predict Facebook use through impression management and open self-disclosure", *Personality and Individual Differences*, 133, 34-40.
- Febriawan, I. M. (2017), "Convenient for Positive Expression: Role of Expressivity and Internet Use Motives to Online Self-disclosure", *International Conference on Psychology and Multiculturalism*, Atma Jaya Catholic University of Indonesia, Jakarta, Indonesia, 147-157.
- Hollenbaugh, E. E. and Ferris, A. L. (2014), "Facebook self-disclosure: Examining the role of traits, social cohesion, and motives", *Computers in Human Behavior*, 30, 50-58.
- Hollenbaugh, E. E. and Ferris, A. L. (2015), "Predictors of honesty, intent, and valence of Facebook self-disclosure", *Computers in Human Behavior*, 50, 456-464.
- Kim, J. Y., Chung, N. and Ahn, K. M. (2014), "Why people use social networking services in Korea: The mediating role of self-disclosure on subjective well-being", *Information Development*, 30 (3), 276-287.
- Kim, J. and Lee, J. E. R. (2011), "The Facebook paths to happiness: Effects of the number of Facebook friends and self-presentation on subjective well-being", *CyberPsychology, behavior, and social networking*, 14 (6), 359-364.
- Kisilevich, S., Ang, C. S. and Last, M. (2012), "Large-scale analysis of self-disclosure patterns among online social networks users: a Russian context", *Knowledge and information systems*, 32 (3), 609-628.
- Kokolakis, S. (2017), "Privacy attitudes and privacy behaviour: A review of current research on the privacy paradox phenomenon", *Computers & security*, 64, 122-134.
- Krasnova, H., Kolesnikova, E. and Guenther, O. (2009), "It won't happen to me!: self-disclosure in online social networks", *Proceedings of the 15th Americas Conference on Information Systems, AMCIS 2009*, San Francisco, USA, 1-10.
- Lampe, C. A. C., Ellison, N. and Steinfield, C. (2007), "A familiar face (book) profile elements as signals in an online social network", *Proceedings of the SIGCHI conference on Human factors in computing systems*, 435-444.
- Lee, E. B. (2012), "Young, black, and connected: Facebook usage among African American college students", *Journal of Black Studies*, 43 (3), 336-354.
- Li, K., Lin, Z. and Wang, X. (2015), "An empirical analysis of users' privacy disclosure behaviors on social network sites", *Information & management*, 52 (7), 882-891.
- Marwick, A. E. and Boyd, D. (2011), "I tweet honestly, I tweet passionately: Twitter users, context collapse, and the imagined audience", *New media & society*, 13 (1), 114-133.
- Masur, P. K. (2019), "Theories of Self-Disclosure", *Springer*, 69-88.
- Mohamed, A. A. A. (2015), "Sharing is Caring': Online Self-disclosure, Offline Social

Support, and Social Network Site Usage in the UAE”, *Contemporary Review of the Middle East*, 2 (3), 192-219.

Quinn, K. and Papacharissi, Z. (2014), “The place where our social networks reside: Social media and sociality”, in Oliver, M. B. and Raney A. A. (eds.), *Media and social life*, Routledge, New York, USA, 159-207.

Roberts, S. G. B., Dunbar, R. I., Pollet, T. V. and Kuppens, T. (2009), “Exploring variation in active network size: Constraints and ego characteristics”, *Social Networks*, 31 (2), 138-146.

Schrammel, J., Köffel, C. and Tscheligi, M. (2009), “Personality traits, usage patterns and information disclosure in online communities”, *People and Computers XXIII Celebrating People and Technology*, Cambridge, UK, 169-174.

Stefanone, M. A., Kwon, K. and Lackaff, D. (2011), “The value of online friends: Networked resources via social network sites”, *First Monday*, 16 (2), 1-17.

Stone, Z., Zickler, T. and Darrell, T. (2008), “Autotagging facebook: Social network context improves photo annotation”, *IEEE computer society conference on computer vision and pattern recognition workshops*, 1-8.

Trepte, S. and Masur, P. K. (2015), “Cultural differences in social media use, privacy, and self-disclosure”, in *Research Report on a multicultural survey study*, University of Hohenheim, Germany, 1-88.

Walther, J. B. (2007), “Selective self-presentation in computer-mediated communication:

Hyperpersonal dimensions of technology, language, and cognition”, *Computers in Human Behavior*, 23 (5), 2538-2557.

Wang, Y. C., Burke, M. and Kraut, R. (2016), “Modeling self-disclosure in social networking sites”, *Proceedings of the 19th ACM conference on computer-supported cooperative work & social computing*, San Francisco, USA, 74-85.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Сапон Ирина Валерьевна, старший преподаватель кафедры социологии, политологии и психологии Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики.

Леденев Дмитрий Евгеньевич, магистрант направления подготовки «Научные исследования в области информатики и вычислительной техники» Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики.

Irina V. Sapon, Senior Lecturer, Department of Sociology, Politology and Psychology, Siberian State University of Telecommunications and Informatics.

Dmitry E. Ledenev, Master's Degree Student in Computer Science and Engineering, Siberian State University of Telecommunications and Informatics.

УДК 355.01

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-4

Яницкий О. Н.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. глазами подростка

Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия
oleg.yanitsky@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-0409-5065

*Статья поступила 12 февраля 2020 г.; принята 2 мая 2020 г.;
опубликована 30 июня 2020 г.*

Аннотация. В статье излагается и подводится итог воспоминаниям нескольких подростков времен Великой Отечественной войны 1941-45 гг. (далее ВОВ). Автор, опираясь на письменные (десятки семейных архивов) и устные (in-depth interviews and oral histories) источники, излагает взгляд 8-12-летнего подростка на события той войны и, прежде всего, в тылу страны. В то время *фронт и тыл были неразделимы*, и все, что происходило на фронте, так или иначе проявлялось и отражалось на тыловой жизни воюющего народа. ВОВ изменила общественное сознание всех слоев населения и национальностей, живших тогда в СССР, причем не только в ходе самой ВОВ, но и много после нее. В статье выделяются следующие разделы: (1) страшные следы войны; (2) общение подростка с ранеными в госпитале; (3) повседневная жизнь тылового города (улица, двор, дом); (4) последствия ВОВ глазами подростка; и (5) великая Победа и последующее время. Отмечается, что по сравнению с периодом ВОВ сегодня гражданская оборона сильно отстает от разрушительного потенциала новой войны, а население больших городов всецело полагается на силы МЧС, тогда как полное название этого могущественного ведомства «Министерство по чрезвычайным ситуациям и гражданской обороне». Утверждается также, что отечественная социология по-прежнему избегает исследования скорости, форм и социальных последствий современных войн. Социологии нужна современная, нелинейная и вероятностная методология и теория исследований, отвечающая характеру произошедших в мире кардинальных перемен. И – соответствующие методы полевых исследований и практических предложений, в том числе информационных и биосоциальных с тем, чтобы предотвратить саму возможность новой войны.

Ключевые слова: адаптация; ВОВ; гражданская оборона; общение; подростки; вероятностная социология; фронт и тыл; Россия

Информация для цитирования: Яницкий О. Н. Великая Отечественная война 1941-45 гг. глазами подростка // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 51-61. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-4

Oleg N. Yanitsky

The Great Patriotic War of the 1941-1945 through the Eyes of a Teenager

Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
oleg.yanitsky@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-0409-5065

*Received February 12, 2020; accepted May 02, 2020;
published June 30, 2020*

Abstract. The article summarizes the recollections of teenagers of the times of the Great Patriotic War of 1941-1945 (hereinafter the GPW). Based on the written sources (dozens of family archives) and oral sources (the in-depth interviews and oral histories) the author characterizes the view of an 8-12-year-old teenager on the events of the GPW, first of all in the rear of the USSR. In those times, the front and the rear were inseparable. Everything that happened at the front, one way or another manifested and reflected on the rear life of the warring people. The war changed the public consciousness of all segments of the population and nationalities then living in the USSR, and not only during the Second World War itself, but also much after it. The following sections are highlighted in the article: (1) terrible traces of the war; (2) communication of the teenager with the wounded in the hospital; (3) the daily life of the rear city (street, yard, house); (4) consequences of the Great Patriotic War through the eyes of a teenager; and (5) the great Victory and beyond. It is noted that, compared with the period of the Great Patriotic War, civil defense lags far behind the destructive potential of a new war, and the population of large cities rely entirely on the forces of the Ministry of Emergency Situations, while the full name of this powerful agency is “Ministry of Emergency Situations and Civil Defense”. It is also argued that domestic sociology still avoids investigating the speed, forms, and social consequences of modern wars. Sociology needs a modern, non-linear and probabilistic methodology and research theory that meets the nature of the dramatic changes that have occurred in the world. Besides, it needs appropriate field research methods and practical suggestions, including informational and biosocial ones, in order to prevent the very possibility of a new war.

Keywords: adaptation; civil defense; communication; front and rear; sociology; teenagers; Russia

Information for citation: Yanitsky, O. N. (2020), “The Great Patriotic War of the 1941-45s through the Eyes of a Teenager”, *Research Result. Sociology and management*, 6 (2), 51-61, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-4

Введение (Introduction). История Великой Отечественной войны давно написана для чего были созданы научные институты, в них были собраны лучшие научные силы СССР и России. Тем не менее, история ВОВ продолжается не только потому, что российские ученые и следопыты находят все новые захоронения советских сол-

дат и другие свидетельства о ней. Эта история стала сегодня частью актуальной глобальной повестки дня, предметом политических спекуляций наших давних политических оппонентов.

Казалось бы, что в этих условиях может вспомнить подросток о той войне, когда ему было всего 8-12 лет тем более, если

он был из интеллигентной московской семьи? Оказывается, довольно много, в частности потому, что именно та война мобилизовала все его и его друзей, и коллег воспоминания о начале и ходе ВОВ, а также о первых послевоенных годах.

Но предварительно маленькое предисловие. Сегодня чем ближе 75-летняя годовщина окончания ВОВ, тем больше СМИ пишут и говорят о самой войне и тех, кто воевал на фронте. Но в те годы *фронт и тыл были неразделимы*, и я не совсем понимаю, почему о труде и жизни в тылу пишут так мало. Конечно, о том, как в те годы трудились советские люди в тылу, я сказать могу очень мало, слишком отрывочными были те сведения, которыми располагал я и мой сверстники.

Вот неполный перечень моих личных источников: ежедневные сводки Совинформбюро по радио, газеты и журналы, научная и популярная литература, которая была у нас дома. Одна беседа И. Сталина с немецким писателем Э. Людвигом чего стоила, тем более что до начала войны СССР и Германия заключили пакт о ненападении, а книга А. Гитлера «Моя борьба» была издана на русском языке и продавалась!

Но были и другие источники – это домашние беседы родственников и друзей моих родителей и родителей моих сверстников. С родителями я посетил Киев всего за неделю до начала войны! Я слушал разговоры моих родных и их друзей все четыре военных года и потом еще много лет после. И хотя, как только началась война, все радиоприемники были конфискованы, кое у кого они все же остались, и никто мне не запрещал слушать передачи на русском и немецком (забыл сказать, что до войны родители меня интенсивно учили немецкому языку). Уже в конце ВОВ и после ее окончания в беседах за чайным столом в семейной или академической среде (почти все мои близкие родственники работали в Академии Наук СССР) я получил возможность задавать вопросы и переспрашивать, если я чего-то не понимал, и это тоже дало мне

очень много. Сегодня вопросы современной войны и выживания человечества меня интересуют более чем что-либо другое.

Методология и методы (Methodology and methods). Я рассматриваю войны как неотъемлемую составляющую всего исторического процесса. Поэтому индивиды и группы ввремя войны и после нее – такая же часть методологии, как и принципы исследования мирного времени. Далее, сегодня, когда мир, в результате создания новых технологий и вооружений, «сжался» во времени и пространстве (я имею в виду процесс инверсии социального пространства), поэтому разделение на мирное и военное время, на фронт и тыл становится все более условным. И так было всегда, в том числе в годы Великой Отечественной войны. Поэтому и тогда, и сейчас «мирное» и «военное» время необходимо рассматривать в единстве. Сегодня пришло время создавать новую, «вероятностную» социологию, учитывающую нелинейный и динамический характер быстротекущих перемен. Это не означает, что я отрицаю все сделанное российскими социологами. Но время создания вероятностной методологии социологического анализа уже пришло. Наконец, сегодня природные, социальные и технические системы и процессы столь тесно связаны, что без междисциплинарного анализа нам не обойтись.

Что касается методов, то все они хороши, если они отвечают темпу и характеру быстротекущих перемен. Я предпочитаю качественные методы, которые дают возможность изучать социальные процессы изнутри, в деталях их динамики и трансформаций, но я несколько не отрицаю важности метода «Больших данных». Методология и методы – не вещь в себе, они должны быть подчинены задачам сохранения мира и развития всего человечества.

Источники. Таковыми были личные и семейные архивы семей друзей и родственников моих родителей, плюс, естественно, мои личные воспоминания и представления. Использовался мною также метод «устных историй» (oral histories), а также

более 300 глубинных полу-структурированных интервью, которые я или мои коллеги брали у членов российского экологического и других социальных движений в течение почти 30 лет.

Это были также архивы, как минимум, трех семей: Кобяк (Кобяк, 2001), Яницких (Яницкий, 2012), и Шмидтов (Глико, 2011; Корякин, 2011). К счастью, большая часть этих архивов сохранилась, благодаря усилиям родных и близких этих семей, в частности моего отца и родственников семьи Аллы (старшей), Любы и Аллы (младшей) Кобяк-Стоговых. В статье (по мере необходимости) я привлекал такой мощный источник информации и исторического подхода как дневники акад. В. И. Вернадского, которые он вел каждый день в течение более 70 лет. Эти дневники были снабжены обширными комментариями В. П. Волкова, моего школьного товарища, позволяющими включить идеи и мысли Вернадского в исторический контекст нашей страны. Помимо упомянутых выше источников, эти дневники и комментарии к ним позволили мне создать довольно полное и разнообразное представление о том трудном времени, которое касается нас всех до сих пор. И, наконец, чудом уцелевшие некоторые газеты времени ВОВ.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В *первые дни войны*. Как только В.М. Молотов объявил о нападении фашистской Германии на СССР, жизнь Москвы и ее облик резко изменились. Тем и здесь открывались мобилизационные пункты, началось формирование фронтовых добровольческих подразделений, вокруг города были выставлены военные и милицйские кордоны, быстро создавались контрольно-пропускные пункты, население рыло траншей. Москва быстро опустела, хотя карточная система была введена позже, но в магазинах продуктов было мало. Вся городская жизнь сосредоточилась в нескольких местах: на предприятиях, мобилизационных пунктах и на вокзалах столицы. Как я узнал много позже, даже театральные коллективы

почти сразу же перешли на мобилизационный режим, готовясь к работе в «полевых условиях», т.е. во фронтовых бригадах.

Также в считанные дни изменилась жизнь многих московских семей, включая и нашу. Мама пропала в больнице, где готовились к приему раненых, закупались необходимые лекарства и другие медикаменты. Мамина ближайшая подруга, тоже врач, стала работать в службе Скорой помощи Москвы, где проработала почти всю войну. Населению было рекомендовано готовиться к эвакуации, и она в скорости началась, так что все вокзалы восточного направления были переполнены днем и ночью. Моя сестра, хотя у нее был маленький ребенок, была мобилизована на трудфронт, т.е. на рытье траншей, окопов и противотанковых эскарпов. Мой отец (которому тогда было уже за 50) вместе с жильцами нашего дома попеременно дежурил по ночам на его чердаке для того, чтобы тушить зажигательные бомбы или сбрасывать их вниз.

Населению Москвы было рекомендовано заклеивать окна бумажной лентой крест-накрест, чтобы не пострадать от осколков стекла при взрыве бомбы. Двоюродный брат хотел стать добровольцем, но узнав в мобилизационной комиссии, что он закончил МВТУ им. Баумана, его тут же направили его в Ижевск на оборонный завод, где они с женой проработали почти до конца ВОВ. Так как радиоприемники у жителей города были конфискованы, их вернули только после окончания ВОВ. Так что единственными источниками информации о положении на фронтах были уличные репродукторы и домашние «черные тарелки», т.е. те же репродукторы, служившие людям много после окончания ВОВ.

Но были не только уличные репродукторы и домашние «тарелки». ВОВ была далеко не первой войной, которую вели советские солдаты, достаточно вспомнить финскую кампанию 1939-40 гг. Поэтому еще перед началом ВОВ или во время нее были сняты лучшие советские фильмы. Такие как «Два бойца», «Парень из нашего города»,

«Жди меня», «Машенька», «Актриса», «Жила-была девочка» и многие другие, которые мы смотрим и сейчас. Кто-то хорошо сказал: одними речами войну не выиграть. Люди должны бороться за что-то родное, прекрасное и за свое и общее будущее. Не только непрерывно воевать, но и отдыхать после боя. Всего с начала ВОВ и до 1 октября 1941 г. было призвано 14 млн. чел. (Жигунов, 1990).

В первые дни войны И. Сталин поручил моему дяде (он тогда был первым вице-президентом Академии Наук СССР) организовать эвакуацию Академии Наук на Восток, которую надо было выполнить в кратчайшие сроки. Уже много после войны я понял, какой сложной и разнообразной была эта работа: предстояло эвакуировать и разместить на новом месте не только научные институты и их персонал, но и все их оборудование, включая опытное производство. И не просто «разместить», а быстро начать работу на новом месте, когда еще не было крыши над головой, а достать нужный инструмент, прибор или реактив было проблемой. Подобная проблема была и с многочисленным научным персоналом, его надо было разместить (часто в разных городах и даже в разных республиках СССР), но рядом с теми подразделениями, где люди работали, накормить их, организовать их доставку к месту работы и т.д. Примечательный факт: сразу после начала ВОВ большая группа крупнейших ученых АН СССР вместе с их семьями и детьми была эвакуирована в Казахстан, в кумысолечебницу «Боровое», где Вернадский, несмотря на трудности быта и преклонный возраст, закончил свою книгу жизни «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения». В «Боровом» жили и другие известные ученые, академики Л. И. Мандельштам, Л. С. Берг и другие. Советская власть считала необходимым сберечь этих выдающихся ученых (Волков, 2007).

Но самыми главными источниками информации об идущей войне были, во-первых, раненые в большом эвакуогоспитале в Казани (Варламов и др., 1985), где

моя мама работала сначала начальником медицинской части, а позже начальником этого госпиталя. Многие родственники моих сверстников также работали в госпиталях. Во-вторых, это родственники и знакомые, вернувшиеся после окончания войны. И, в-третьих, реакция на ту войну и на нас, «эвакуированных», местного населения. Я тогда воспринимал все эти перемены очень остро, особенно тогда, когда попадал в среду тех, кто жил по принципу «кому – война, а кому она мать родна».

Я с родителями вернулся в Москву в мае 1943 г., т.е. еще за два года до окончания войны. Конечно – это была уже совсем другая городская и частная жизнь, нежели в критические моменты октября 1941 г. Но карточная система снабжения населения осталась, а с ней остались и все, кто был причастен к этой системе «рационирования». Карточная система была необходима, но одновременно она фиксировала различия в социальном статусе людей, не говоря уже о том, что для воров появился еще один источник поживиться за счет тех, кто трудился день и ночь.

Но сначала – несколько слов о переменах в жизни подростка после прибытия на новое место и длительной болезни. Примечательно, что те подростки, которые ранее жили в комфортабельной московской среде, в эвакуации сплошь и рядом болели, иногда – очень тяжело. А, вот, моя будущая жена, которая в предвоенное время жила с семьей на Дальнем Востоке, и вначале 1942 г. вернулась в холодную и голодную Москву, смогла быстро адаптироваться к этим иным социальным и природным условиям.

Я же после насыщенной и разнообразной московской жизни – в моей «большой семье» были самые разные люди, от врачей, научных работников и музыкантов и до известных на всю страну полярных исследователей, – в эвакуации после долгой болезни я оказался предоставленным самому себе в совершенно незнакомой для меня социальной среде. Начиная от жильцов той

огромной коммунальной квартиры, в которую нас вселили, и до столь же незнакомой жизни двора и улицы. И мне надо было адаптироваться к этой совершенно новой для меня среде обитания. Это был очень полезный для меня урок самостоятельности. Сегодня, оглядываясь назад, думаю, что именно этот, военный период потом «сделал» меня потом социологом. И, тем более, после окончания ВОВ не только я, но и мои сверстники приобрели тот жизненный опыт, который многим из них служит до сих пор.

Страшные следы войны. То, что во время войны было всем нам голодно и холодно, это – факт, к которому постепенно привыкаешь. Хотя и до ВОВ наша семья жила достаточно скромно, я не представлял себе, что я буду жарить себе на обед картошку на воде, и что самым лакомым «сладким» будет стакан размоченного гороха. Но к этому привыкаешь, тем более что лето 1942 г. я провел в интернате АН СССР на станции Займище под Казанью, где о нас заботились, как могли, жены научных работников. Спасибо им великое за это!

Страшными следами войны я называю искореженную технику, которую привозили товарные поезда прямо с фронта, а мы мальчишки, тут же ходили смотреть на нее. Убитых в этих «следах», конечно, не было, но мы, дети этого интерната находили там не только гильзы и даже патроны, но и куски разорванного обмундирования солдат. Никакой американский блокбастер не может произвести на нас, в сущности, детей того впечатления, которое производил на нас этот непосредственный контакт с «отходами» той страшной войны.

Страшными следами войны я называю также сотни и тысячи искалеченных ею людей, т.е. инвалидов, которые появились еще во время войны и после нее в больших городах и, прежде всего, в Москве. Они были практически везде: в метро, на улицах города, но более всего – на рынках и вокруг них. Это были очень разные люди, одни просили милостыню, другие увлекали прохожих азартными играми, третьи – просто

молча смотрели на нас, живых, невредимых и здоровых.

Я не могу и не хочу комментировать послевоенную жизнь на освобожденных от оккупантов территориях страны, это давно уже сделали куда лучше меня историки и писатели, такие как, например, Василь Быков. Отмечу другое. В скорости после окончания ВОВ, появились писатели, которые писали про войну правду, как, например, писатель Виктор Некрасов в своей книге «В окопах Сталинграда».

Раненые, улица, двор, дом. Раненые – это самая крепкая и светлая память о той войне, конечно, не считая Дня Победы. Я ходил к маме в госпиталь почти каждый вечер. Мама мне оставляла свой ужин, винегрет, который я тут же съедал, а потом я шел или в палаты к раненым, или в зал на первом этаже, где показывали по вечерам кино. Я садился на пол или на скамейку в первом ряду и чувствовал себя защищенным этим множеством незнакомых мне молодых людей, которые относились ко мне с неподдельной лаской. А если удавалось собрать кулек конфет или десяток папирос, я раздавал их лежащим раненым.

Я понимал, что постепенно прибудет еще и еще один обоз с ранеными, и эти уйдут и привезут других. Но ощущение себя как части этого мужского коллектива успокаивало меня необычайно. После госпиталя я мог несколько дней быть совершенно один, читая «Тайна двух океанов» Г. Адамова. Именно благодаря этой книге я выучился читать, а потом и писать.

Моя родная сестра Ирина, работавшая лаборанткой в том же госпитале, когда кино не было, ставила короткие инсценировки по рассказам А. П. Чехова, что приводило раненых в восторг, опять же потому, что до того в театре они никогда не были. Эти люди, зная, что завтра их могут послать обратно на фронт, были чрезвычайно благодарны сестре ее подругам за такие театральные постановки. Но однажды вышла «неувязка»: двое молодых раненых решили навестить мою сестру дома, что строжайше

запрещалось. Так эти молодые ребята выпрыгнули в окно, это был первый этаж, но довольно высокий. Слава Богу, все обошлось, они остались целы и невредимы.

Улица и двор. Как только нас «вселили», у наших окон собралась небольшая группа молодых людей, бросавших в окна большие камни и кричавших: «Вот придет немец, он вам покажет!». Но это было всего раз или два. Прохожих на улице было мало, иногда приходил татарин, продававший масло собственного изготовления. Никогда не ел ничего более вкусного!

А так днем улица обычно была пуста, но однажды меня, московского «незнайку», местные мальчишки моего же возраста подговорили сбросить пару кочанов капусты с обозов, периодически шедших по нашей улице. Я попробовал, но получил по шапке-ушанке удар кнутом такой силы, что шапка лопнула пополам. Этот урок «улицы» я запомнил на всю жизнь.

Тем не менее, в городе был порядок, хотя никакой милиции я не видел, и я спокойно мог возвращаться из госпиталя домой поздним вечером. Во дворе нашего дома никакой специфически «дворовой жизни», как это было в городах и как показывали в послевоенных кинофильмах, не было, все жили по своим углам.

Дом. Это был большой особняк, в годы советской власти переделанный под множество коммунальных квартир, но это были не те московские коммуналки с общей большой кухней, общими разговорами, детьми, ползающими или играющими в общем коридоре, в общем, где все про всех все знали и друг другу помогали, чем могли. Нет, здесь была пустующая общая кухня, а за ней длинный темный и тоже пустой коридор с множеством комнат и каморок. Так что мы практически ни с кем не общались, но обворовывали нашу семью регулярно, полагая, что в одной из таких комнат жил наводчик.

В скорости я смог убедиться в этом, спустившись ради любопытства в подвальный этаж. К моему удивлению, я нашел там некое подобие общежития с нарами в два

этажа и длинным общим столом, над которым горела лампочка без абажура. Я был сильно испуган, когда ко мне подошел здоровенный дядька и спросил: «Что тебе, малый, здесь нужно?». Я смог вымолвить только одно слово: госпиталь, госпиталь... К моему удивлению, он насобирав и дал мне кулек с конфетами и папиросами, который я тут же отнес раненым в госпиталь.

Победа и после нее. В мае 1943 г. мы вернулись домой, в свою собственную квартиру. Вернулись именно в нее, а не остались на улице, потому что наша няня Анна Васильевна Ткалич, никуда не уехала, а работала кочегаром в котельной 2-х кооперативных домов. Сразу после окончания ВОВ постепенно и те, кто воевали, стали возвращаться.

Сказать, что это были другие люди, значит, ничего не сказать. Они не только прошли огонь и воду, но стали людьми с иным кругозором. Оказалось, что «бедные» румынские и болгарские крестьяне живут лучше, чем наши советские. У большинства из них каменные дома, ухоженная скотина, часы, радиоприемники, велосипеды и многое другое, чего красноармейцы из деревни никогда не имели и даже не видели. Естественно, у них возникал вопрос: почему так? Почему у них есть, а у нас нет? И советская пропаганда, утверждавшая, что все это у них награбленное или созданное трудом советских или западных военнопленных, здесь успеха не имела.

Но дальше было еще сложнее, потому что значительное количество советских войск оставалось не только в Германии, но и во всех тех странах, которые потом вошли в содружество стран социалистического блока. Некоторые бывшие военнослужащие прослужили еще 2-3 года, а другие остались там работать в советских учреждениях. Кроме того, начался процесс «репарации», т.е. разборки и вывоза в Советский Союз промышленного и иного оборудования. А, значит, приехали в Германию специалисты, которые увидели, сколь мощной и технически оснащенной была германская «военная машина». Наконец, мою сестру

Ирину мобилизовали на работу переводчиком в Советскую военную администрацию в Германии, и она там проработала почти год, объездив со своим начальством всю Германию. В 1948 г. отец был в служебной командировке во всех странах будущего советского блока. Когда все они вернулись обратно, даже по их разговорам и внешнему виду, можно было судить, насколько они удивлены увиденным там. Конечно, они подписывали соответствующие бумаги «о неразглашении», но они, радуясь со всеми нашей Победе над фашизмом, понимали, насколько трудной и напряженной будет работа по восстановлению не только индустрии, но и всей инфраструктуры той части страны, которая была временно оккупирована врагом. А тут еще засуха 1946 г. прибавила всем забот.

Особо мне запомнилась Любовь Ивановна Стогова, дочь репрессированных родителей. Она пошла на фронт простой санитаркой, а когда она вернулась в Москву, мы все ахнули: вся ее грудь была занята боевыми наградами и медалями. Оказывается, Любовь Ивановна не только стала военврачом, но не раз водила солдат в атаку.

Все были вдохновлены встречей с семьей, родными и близкими, а также предстоящей работой. И вот здесь возник некоторый диссонанс между их военной выучкой, огромным жизненным опытом, желанием применить свои знания и умения в мирном труде, и той бюрократизированной атмосферой, которая сложилась к тому времени на некоторых предприятиях и вузах. Советская власть, опасаясь, что эти бывалые люди начнут устанавливать в мирной жизни свои порядки. А как же тогда годовые и пятилетние планы, утвержденные на самом «верху»?

И вот тут образовалась «развилка»: одни сумели приспособиться к ритму производственной и общественной жизни, став изобретателями и рационализаторами, другие – нет, а третьи просто спились. Я не раз обсуждал эту тему с врачами-психиатрами, и они были единодушны в том, что психологический груз той войны далеко не всем

был под силу. Это была еще одна, отложенная плата многих советских людей за неимоверно тяжелый труд военных и первых послевоенных лет. Среди подобных людей был и муж моей сестры, прошедший всю войну танкистом. Тот, кто хоть раз влезал внутрь танка, знает, как невероятно физически и психологически трудно не просто быть в нем, а вести бой, находясь в этой тесной бронированной, но уязвимой машине.

И еще один важный вывод. Мои сверстники и я получили урок социальных отношений. До начала ВОВ большинство из нас, детей и подростков, жило в среде московской интеллигенции, образованной и относительно обеспеченной. ВОВ изменила наше мировоззрение. Мы поняли, что такое бедность, жизнь впроголодь, безотцовщина и, главное, что такое война.

Моя мама, которая была из бедной семьи, знала цену образованности и благополучия и потому постоянно подавала нам пример благотворительности и соучастия, периодически раздавая одежду, обувь и другие предметы быта, которые мне дарили знакомые и родственники. Другой урок жизни мои сверстники и я получили от наших нянь, которые приходили на помощь в самые трудные дни нашей жизни. Наконец, мы поняли, что есть совсем другая жизнь, которая заставила таких как мы, стать совсем другими людьми.

Перманентная гражданская оборона. Если все мы сегодня фактически живем в состоянии «медленной» войны, то и защита от нее должна иметь постоянный и всесторонний характер. Пока что наше общество не умеет должным образом отвечать на подобные вызовы. На мой взгляд, тому есть две основные причины.

Одна – это плохое, т.е. недостаточное, одностороннее или медленное следование утвержденным правилам и нормам гражданской обороны. Причем, речь идет не о тех случаях, когда в одно место и в одно время собирается масса людей. Это могут быть колы, учреждения, торговые центры и многие другие места скопления людей. У нас,

как всегда, в инструкциях одно, а в реальной жизни или совсем другое, или просто их неисполнение. В общем, известный принцип, «Авось и на это раз пронесет!».

Другая – это хакерская или иная атака, когда неизвестный предупреждает: «в вашем здании заложена бомба!». А когда она взорвется, никто не знает. Во время ВОВ была такая специальная служба ВНОС, что расшифровывалось как «Воздушное наблюдение, оповещение и связь». Неужели российские специалисты в области информационных технологий неспособны изобрести что-нибудь подобное? И, главное, на этом хорошо заработать! Снова вспоминаю послевоенные годы. Война уже окончилась, а оборудованные всем необходимым убежища в подвалах многоэтажных домов сохранялись в «боевой готовности».

Но задача стоит много серьезнее: не только военные, но и мирное население должно сегодня пребывать в полной готовности к чрезвычайной ситуации. Как это сделать – комплексная задача для всех наук, включая военные. Разрешима ли она? Ответ очевиден: посмотрите на китайцев, которые сегодня быстро и профессионально борются с распространением коронавируса, несмотря на огромные размеры страны и ее населения.

Отставание социологии от идущих перемен.

Сколько лет существует советская и российская социология, столько времени она избегает изучения ВОВ и войны как особого междисциплинарного явления и ее социальных, психологических, природных и технологических последствий. В лучшем случае, например, в 1990-х гг. отдельные российские социологи пытались работать с военными архивами времен ВОВ, однако социологии войны как самостоятельной дисциплины за редким исключением, так и не возникло (Kaldor, 2012; Yanitsky, 2015). Военная социология как наука, изучающая этот социальный институт, быстро возникла в середине 1970х гг., но также быстро исчезла с научной арены.

Я понимаю Э. Дюркгейма и других основателей социологии как науки, им было не до того, они создавали новую отрасль гуманитарного знания. Но это же было более 100 лет тому назад! Это тем более удивительно, так как прошлая и современная политэкономия трактует войну как одну из форм рыночной конкуренции только иными, более жестокими средствами. За годы после окончания ВОВ и Второй мировой войны и до наших дней произошло, по разным подсчетам, более 350 больших и малых войн. И это – только те войны, которые можно было зафиксировать визуально или с помощью новейших технических средств. А еще есть искусственно созданные военные конфликты, «замороженные» и тлеющие конфликты и т.д.

Сегодня, когда весь мир пронизан и охвачен плотной сетью информационно-коммуникационных сетей, старая «дихотомическая методология» разделения социальных, политических и иных событий любого масштаба и их динамики на мы-они, ближе-дальше, лучше-хуже, быстрее-медленнее» и т.п. уже непригодна. Весь мир, и мы с вами, живем в вероятностном, нелинейно развивающемся и потому трудно-предсказуемом глобальном мире. С появлением информационных технологий, практически мгновенно связывающих две или несколько точек, удаленных друг от друга на десятки тысяч километров, понятия «фронт» и «тыл» теряют свой смысл.

Говоря технологическим языком, происходит «инверсия пространства», когда последнее практически уничтожается мгновенным воздействием на намеченную цель. В современной социологической теории это называется силой слабости, когда один или серия мгновенных информационных импульсов может разрушить некоторый объект, сколь угодно большого размера и на любом расстоянии. Поэтому совсем не случайно на первое место в современных войнах до вчерашнего времени выходило «подлетное время» баллистической ракеты. А сегодня уже на первое место в

ряду глобальных опасностей претендует китайский коронавирус. Поэтому отечественная социология, если она хочет идти в ногу со временем, должна как можно скорее менять свою прежнюю, т.е. арифметическую методологию, на современные, нелинейные и вероятностные методы исследования. Иначе мы, социологи, и представители естественных и технических наук просто перестанем понимать друг друга.

Заключение (Conclusions). Время той Великой войны и после нее – это время быстрого взросления не только детей и подростков, но также всех тех, кто, жил и работал в тылу, снабжая фронт всем необходимым. Рискну утверждать, что все население СССР до и после войны – это, в известном смысле, «разные люди», ставшие после нее более знающими, опытными и внутренне повзрослевшими. В ту войну население СССР вступило как преимущественно крестьянская страна, а те, кто вернулся домой, вышли из нее, обладая огромным военным, научным и житейским опытом. ВОВ – это был качественный социальный и психологический перелом. Более того полагаю, что ВОВ – это важнейшая точка отсчета жизни каждого последующего поколения нашей страны, включая нынешнее поколение молодых, хотя они ничего не хотят знать о той страшной войне.

К сожалению, это молодое поколение не понимает или не хочет понять, что если начнется новая мировая война, неважно ядерная, электромагнитная или биологическая, то спрятаться от нее будет уже некуда, так как это будет тотальная мировая война.

Именно по похожим причинам в послевоенный период была организована большая «зачистка» советского общества от всех тех, кто имел в отношении ВОВ и ее последствий свою точку зрения. Эта «зачистка» затронула все слои советского общества, независимо от чинов и званий, и этот процесс продолжался вплоть до кончины Сталина в 1953 г. И вероятно по той же причине далеко не все архивы, касающиеся периода ВОВ, до сих пор не рассекречены. И это был еще один ее урок.

Читатель может сказать: сегодня именно большие города являются главной мишенью в той «гибридной» войне, которую ведет против нас «вероятный противник». Верно, но уже тогда, более 80 лет назад, Москва, Ленинград и Сталинград были главными мишенями немецко-фашистских захватчиков.

Уже первая мировая война проявила свой гибридный характер. Современная война не только ядерная, климатическая или биологическая, но войны информационные, торговые, санкционные и все другие – это гибридные формы современной войны. Эта война идет повсюду: на международных конференциях и съездах, посредством манипуляции временными соглашениями и решениями, путем информационного или реального устрашения вероятного противника и т.д. Как оказалось, противостояние социалистической и капиталистической систем оказалось ничуть не лучше, чем противостояние разных субъектов капиталистического миропорядка.

В условиях всеобъемлющей «Интернет-галактики» (Castells, 2004) разрушительная информация способна распространяться практически мгновенно, но человек уже создал множество фильтров для нее. Но вирусная инфекция может распространяться множеством способов и в самых разных средах. *Не значит ли это, что вирусная инфекция более разрушительна, чем информационная?*

С каждым днем ситуация становится еще серьезнее. Коронавирус уже потряс всю мировую экономику, нарушил баланс геополитических сил, вызвал приступы национализма и ксенофобии в нескольких странах. Хотя, пока что, это – очаговая эпидемия, с которой власти и медицина Китая успешно борются, но никто не знает, что будет дальше. И это – уже не просто еще один «урок», а глобальное предупреждение. Тут без определенных мобилизационных мер и соответствующей подготовки к ним не обойтись. Каких именно? Об этом надо думать сообща, военным, МЧСникам

и нам, социологам. С огромным напряжением сил наша страна победила в той войне. Сегодня перед учеными и политиками стоит глобальная задача: не дать «темным силам» развязать третью мировую войну.

Список литературы

Варламов В., Селиванов В. И., Селиванов Е. Ф. Некоторые вопросы медицинского обеспечения войск в период Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1985. № 11.

Вернадский В. И. Дневники 1921-43 гг.: в пяти томах / отв. ред. В. П. Волков. М.: Наука.

Волков В. П. Поздняя дружба // Человек. 2007. № 1. С. 168-174.

Отто Юльевич Шмидт в истории России XX века и развитие его научных идей / отв. ред. А. О. Глико. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2011.

Жигунов Е. К. Великая Отечественная война 1941-45 гг. События. Люди. Документы / Под общ. ред. О. А. Ржешевского. М.: Политиздат, 1990.

Корякин В. С. Отто Шмидт. М.: Вече, 2011.

Матвеева Л. В. Отто Юльевич Шмидт. Киев, 2006.

Стогова Л., Стогова А., Ермакова А. Пермь, Кобяк. Семейная хроника. Пермь: ООО «Раритет-Пермь», 2001.

Яницкий О. Н. Семейная хроника. 1852-2002. 2-е изд., расш. М.: TAUS. 2012.

Castells M. The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Kaldor M. New and Old Wars: Organized Violence in in a Global Era. Cambridge: Polity Press Ltd., 2012.

Yanitsky O. Are the Sociologists Well Prepared to the Modern War? // Journal of Social Sciences Research. 2015. Vol. 6, № 3. Pp. 1090-1098. URL: http://cirworld.com/journals/index.php/jssr/article/view/3680/pdf_99 (дата обращения: 12.02.2020).

References

Varlamov, V., Selivanov, V. I. and Selivanov, E. F. (1985), "Some issues of medical support for troops during the Great Patriotic War", *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, (11). (In Russian)

Vernadsky, V. I. *Diaries of 1921-43: in five volumes*, in Volkov, V. P. (ed.), Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Volkov, V. P. (2007), "Late friendship", *Chelovek*, (1), 168-174. (In Russian)

Otto Yulievich Schmidt in the history of Russia of the twentieth century and the development of his scientific ideas (2011), in Gliko, A. O. (ed.), FIZMATLIT Moscow, Russia. (In Russian)

Zhigunov, E. K. (1990), *The Great Patriotic War of 1941-45. Events. People. Documents*, in Rzheshesky, O. A. (ed.), Politizdat, Moscow, Russia. (In Russian)

Koryakin, V. S. (2011), *Otto Schmidt*, Vechе, Moscow, Russia. (In Russian)

Matveeva, L. V. (2016), *Otto Yulievich Schmidt*, Kiev, Ukraine. (In Russian)

Stogova, L., Stogova, A. and Ermakova, A. (2001), *Perm, Kobyak. Family Chronicle*, Raritet-Perm, Perm, Russia. (In Russian)

Yanitsky, O. N. (2012), *Family Chronicle. 1852-2002*, TAUS, Moscow, Russia. (In Russian)

Castells, M. (2004), *The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business, and Society*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Kaldor, M. (2012), *New and Old Wars: Organized Violence in in a Global Era*, Polity Press Ltd., Cambridge, UK.

Yanitsky, O. (2015), "Are the Sociologists Well Prepared to the Modern War?", *Journal of Social Sciences Research*, 6 (3), 1090-1098, [Online], available at: http://cirworld.com/journals/index.php/jssr/article/view/3680/pdf_99 (Accessed 12 February 2020).

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Oleg N. Yanitsky, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

Яницкий Олег Николаевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

УДК 297.1

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-5

Гаджимурадова Г. И.¹
Рабат Л.²

Положение сирийских беженцев и внутренне перемещенных лиц на фоне пандемии и террористической угрозы

¹ МГИМО (Университет) МИД России
пр-т Вернадского, 76, г. Москва, 119454, Россия
Институт социально-политических исследований Федерального
научно-исследовательского социологического центра РАН
ул. Фотиевой, 6, стр. 1, г. Москва, 119333, Россия
gadzhimuradova7@gmail.com
ORCID iD: 0000-0003-3080-1813

² Институт социально-политических исследований Федерального
научно-исследовательского социологического центра РАН
ул. Фотиевой, 6, стр. 1, г. Москва, 119333, Россия
loujainr@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-0214-5727

*Статья поступила 29 апреля 2020 г.; принята 10 июня 2020 г.;
опубликована 30 июня 2020 г.*

Аннотация. В статье дается обзор влияния пандемии Covid-19 на жизнь сирийских беженцев в Ливане и внутренне перемещенных лиц на северо-западе Сирии из провинции Идлиб на фоне непрекращающихся боевых действий ДАИШ (запрещена в России) в Сирии. Также показана подрывная деятельность ДАИШ в период пандемии не только на Ближнем Востоке, но в других регионах мира. С октября 2019 года Ливан переживает самый тяжелый экономический кризис за последние десятилетия, сопровождающийся ослаблением валюты и ростом инфляции. Вспышка Covid-19 ещё больше подчеркнула слабость экономической системы страны, что создало проблемы для работы гуманитарных организаций по оказанию помощи беженцам. Более половины зарегистрированных сирийских беженцев в Ливане живут в плохих условиях, когда доступ к жизненно важным ресурсам, таким, как питьевая вода, ограничен, что подвергает их большему риску заражения вирусом. Кроме того, страх перед этнической стигматизацией и неясными перспективами получения медицинской помощи, помешал некоторым беженцам с подозрением на наличие короноподобных симптомов, обратиться за медицинской помощью из-за опасений быть депортированными. Среди сирийских беженцев большая часть представлена мусульманами-суннитами, но есть среди них и представители иных ветвей ислама и христиане разных конфессий. И все они столкнулись с трудностями, связанными с невозможностью отправления религиозных обрядов в период пандемии, находясь на чужой территории и лишённые элементарных условий: доступа к

чистой проточной воде, посещения мечетей и церквей и т.п. По ту сторону границы, в Сирии, в Идлибе, последствием действий террористической организации ДАИШ явилось перемещение почти трети жителей Северо-Западной Сирии на границу с Турцией и ослабление инфраструктуры здравоохранения. Оказавшись в переполненных лагерях с ограниченным доступом к медицинской помощи, тысячи внутренне перемещенных лиц предпочли вернуться в места, где еще недавно шли ожесточенные бои. В свете пандемии, в Идлибе было достигнуто соглашение о прекращении огня. Однако конфликт все еще остается нерешенным, и боевые действия могут возобновиться в любой момент.

Ключевые слова: Пандемия Covid-19; сирийские беженцы; внутренне перемещенные лица; Ливан; Идлиб; Сирия; ДАИШ; депортация; религиозные обряды; му-сульмане; христиане.

Информация для цитирования: Гаджимурадова Г. И., Рабат Л. Положение сирийских беженцев и внутренне перемещенных лиц на фоне пандемии и террористической угрозы // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 62-73. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-5

Gyulnara I. Gadzhimuradova¹
Lujain Rabat²

The situation with Syrian refugees and internally displaced persons amid the Covid-19 pandemic and terrorist threat

¹⁾ MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia
76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia

Institute of Socio-Political Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 1, 6 Fotiev St., Moscow, 119333, Russia
gadzhimuradova7@gmail.com
ORCID iD: 0000-0003-3080-1813

²⁾ Institute of Socio-Political Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 1, 6 Fotiev St., Moscow, 119333, Russia
loujainr@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-0214-5727

*Received on April 29, 2020; accepted on June 10, 2020;
published on June 30, 2020*

Abstract. The article provides an overview of the impact of the Covid-19 pandemic on the lives of Syrian refugees in Lebanon and internally displaced persons in northwestern Syria from Idlib province against the background of the ongoing fighting of ISIS (banned in Russia) in Syria. The article shows the subversive activities of ISIS during the pandemic not only in the Middle East, but in other regions of the world. Since October 2019, Lebanon has been experiencing the worst economic crisis in recent decades, accompanied by a weakening currency and rising inflation. The Covid-19 outbreak further underscored the country's weak economic system, which created problems for humanitarian organizations to provide assistance to refugees. More than half of registered Syrian refugees in Lebanon live in poor conditions when access to vital resources, such as drinking water,

is limited, which puts them at greater risk of contracting the virus. In addition, the fear of ethnic stigma and unclear prospects of receiving medical care has prevented some refugees with suspected corona-like symptoms from seeking medical care because of fears of being deported. Most of the Syrian refugees are represented by Sunni Muslims, but there are representatives of other branches of Islam and Christians of different faiths among them. And all of them faced difficulties associated with the inability to perform religious rites during a pandemic, being on foreign territory and deprived of basic conditions: access to clean running water, visiting mosques and churches, etc. On the other side of the border, in Syrian Idlib, the consequence of the actions of the ISIS terrorist organization (banned in Russia) was the displacement of almost a third of the inhabitants of North-West Syria to the border with Turkey and the weakening of the health infrastructure. Finding themselves in crowded camps with limited access to medical care, thousands of internally displaced people chose to return to places where fierce fighting had recently been fought. In light of the pandemic, a ceasefire was reached in Idlib. However, the conflict is still unresolved, and hostilities may resume at any time.

Keywords: Covid-19 pandemic; refugees; Syrian refugees; internally displaced persons; Lebanon; Idlib; Syria; ISIS (banned in Russia); deportation; religious rites; Muslims; Christians

Information for citation: Gadzhimuradova, G. I. and Rabat, L. (2020), "The situation with Syrian refugees and internally displaced persons amid the Covid-19 pandemic and terrorist threat", Research Result. Sociology and management, 6 (2), 62-73 DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-5

Введение (Introduction). В 2019 году в мире насчитывалось около 272 миллионов международных мигрантов, что составляет примерно 3,5% мирового населения¹. Это число включает в себя людей, которые иммигрировали для работы и учебы, а также беженцев и перемещенных лиц, которые были вынуждены покинуть свои дома по причинам преследования по религиозным и иным мотивам, военных конфликтов и стихийных бедствий. Во многих частях мира иммигранты сталкиваются с новыми проблемами в принимающих их странах, включая языковые барьеры, отсутствие доступа к социальным и медицинским услугам и этническую стигматизацию. Нынешняя пандемия за короткое время изменила мир и еще больше усилила эти трудности и оставила многих иммигрантов без работы и возможности возвращения на родину. Стремясь обуздать распространение коронавируса, страны прибегают к ужесточению охраны своих границ и введению ограничений на

поездки. Ограничение мобильности и мер социального дистанцирования привели к тому, что миллионы людей потеряли свои рабочие места, значительно ограничили личное общение и перевели жизнь в виртуальную сферу. Ограничение мобильности также нарушило доставку гуманитарной помощи и во многих случаях ограничило доступ к системам здравоохранения для некоторых наиболее уязвимых категорий, таких как беженцы и внутренне перемещенные лица (ВПЛ). Вместе с тем необходимо учитывать, что беженцы прибыли из региона, где достаточно высок процент верующих. Поэтому вместе с медицинской, гуманитарной помощью, они нуждаются и в условиях для отправления своих религиозных обрядов.

Проблема терроризма, вместе с тем, никуда не делась, просто отодвинулась по времени. Появление территорий, подконтрольных террористическим организациям,

¹International Organization of Migration. World Migration Report 2020, 2019. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/wmr_2020.pdf.

привело не только к изменениям политической карты, но и к воздействию на социально-политическую ситуацию в регионе (Гаджимурадова, 2017: 189). Внутренне перемещенные лица и беженцы из мест боевых действий оказались в условиях перенаселенности и практически без доступа к основным санитарным услугам. Часто сталкиваясь с административными, финансовыми, правовыми и другими барьерами на пути доступа к системе здравоохранения, беженцы и ВПЛ, как правило, подвергаются более высокому риску заражения болезнями в целом, включая Covid-19. Наступление пандемии Covid-19 усугубило и без того сложные условия жизни иммигрантов, а также беженцев, ВПЛ и других лиц, сталкивающихся с гуманитарными кризисами. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной Организации Объединенных Наций (ФАО), «страны с существующими гуманитарными кризисами особенно подвержены воздействию пандемии как с точки зрения прямого воздействия на здоровье людей, так и с точки зрения косвенных последствий, таких как отсутствие средств к существованию, основным услугам, а также гуманитарной помощи¹.

Методология и методы (Methodology and methods). Согласно данным, собранным управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), гражданская война в Сирии, начавшаяся в 2011 году и превратившаяся в один из самых страшных гуманитарных кризисов XXI века, привела примерно к появлению 5,6 млн. беженцев и 6,6 млн. ВПЛ². С наступлением Covid-19 миллионы сирийцев, живущих в неадекватных условиях, оказались в группе риска, связанном с возможностью заражения новым вирусом. В Ливане устойчиво слабая экономика, которая спровоцировала экономический кризис в 2019 году. Плохая коммунальная инфраструктура, связанная с некачественным водо- и электроснабжением в

сочетании с распространением Covid-19 еще больше усугубили проблемы, с которыми сталкиваются сирийские беженцы в стране, которая не смогла должным образом справиться с кризисом беженцев. Беженцы в Ливане полагаются на помощь и содействие неправительственных и других международных организаций, таких как УВКБ ООН, которые предоставляют широкий спектр услуг, начиная от доставки основных ресурсов, необходимых для выживания, и заканчивая медицинской помощью. В Сирии продолжающаяся война значительно ослабила инфраструктуру здравоохранения и привела к перемещению миллионов людей. С декабря 2019 года почти один миллион ВПЛ покинули места боевых действий в провинции Идлиб. Эти внутренние переселенцы сталкиваются с особенно сложной дилеммой: должны ли они оставаться в переполненных лагерях и ждать, пока вирус Covid-19 распространится среди них, или же они должны покинуть лагерь и эмигрировать в места, где они могут быть лучше защищены от распространения вируса, но потенциально оказаться в эпицентре новой битвы?

В статье использована официальная информация правозащитных и гуманитарных организаций, которые работают с сирийскими беженцами в Ливане и с ВПЛ в Сирии, поскольку они имеют непосредственный контакт с этими общинами и знают о проблемах, с которыми столкнулись беженцы во время пандемии Covid-19.

Положение сирийских беженцев в Ливане в период пандемии Covid-19. Военные действия ИГИЛ (запрещена в России) в Сирии вынудили большую часть мирных жителей стать беженцами или внутренне перемещенными лицами. Большинство сирийских беженцев оказались на территориях приграничных государств: Ливана, Турции, Иордании. Те, кто имел больше возможностей, постарались покинуть данный регион и просить убежища в странах Европы. Страны

¹ Food and Agricultural Organization of the United Nations. Anticipating the impacts of COVID-19 in humanitarian and food crisis contexts. 2020. URL: <http://www.fao.org/3/ca8464en/CA8464EN.pdf>.

² United Nations High Commissioner of Refugees. Operational Portal: Syria Regional Refugee Response. 2020. URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/syria>.

приема столкнулись с большими трудностями по приему и размещению беженцев.

Условия проживания в лагерях беженцев в Ливане ухудшились в связи с пандемией коронавируса. Первые случаи нового коронавируса были зафиксированы 21 февраля 2020 года у ливанских граждан, вернувшихся из города Кум в Иране. Стремясь сдержать распространение вируса, ливанское правительство приняло ряд мер. Сухопутная, воздушная и морская границы были закрыты 18-ого марта, а 26-ого марта был введен комендантский час, во время которого с 7 вечера до 5 утра жителям не разрешалось покидать свои дома, в связи с чем была скорректирована работа организаций и предприятий.

Как отмечалось выше, среди сирийских беженцев есть люди, принадлежащие к разным этническим группам и разных вероисповеданий. В Ливане почти половина населения является христианами, что учитывается даже при формировании правительства на паритетных началах. Сирийские беженцы, независимо от религиозной принадлежности, имели возможность отправлять свои религиозные обряды, получать помощь от различных гуманитарных организаций, в том числе и от Общества Красного Креста и Красного Полумесяца. Если во время вынужденной изоляции всем верующим – и ливанцам, и сирийцам – предписывалось отправлять религиозные обряды по месту проживания, то сразу после частичного снятия ограничительных было заявлено, что христианские и мусульманские места отправления религиозных обрядов смогут принимать верующих на 30 процентов от их максимальной вместимости во время пятничных молитв и воскресных месс.

Когда случаи заболевания Covid-19 стали регистрироваться в Ливане, усилились

опасения среди беженцев, для которых соблюдение условий самоизоляции и социальной дистанции практически оказались невозможны. В мае 2015-ого года Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) в Ливане было зарегистрировано 1,184,427 сирийских беженцев. По состоянию на 31 января 2020 года их число сократилось до 910,256¹. Расхождение между цифрами 2015 и 2020 годов объясняется тем, что беженцы покинули Ливан (вернулись в Сирию или транзитом попали в третью страну) или умерли, находясь в Ливане. По данным международной кризисной группы², фактическое число сирийских беженцев в Ливане на сегодняшний день составляет около 1,5 млн. человек – то есть чуть меньше четверти от населения страны³. Еще в мае 2015 года «ливанское правительство официально обратилось к УВКБ ООН с просьбой прекратить регистрацию беженцев, чтобы помешать их прибытию (Hochberg, 2019: 4). Однако приток беженцев в страну не прекратился, а это означало, что вновь прибывшим было отказано в регистрации. Кроме того, некоторые беженцы, спасающиеся от войны в своей родной стране, не смогли предоставить официальные документы, удостоверяющие личность. Это означало, что они не смогут зарегистрироваться в качестве беженцев и не смогут зарегистрировать браки и рождение детей. Кроме того, те, чьи документы на проживание должны быть продлены, боятся проходить необходимые процедуры в сирийском посольстве в Ливане, опасаясь экстрадиции или других юридических мер против них.

Ливан не является участником конвенции о беженцах 1951 года или протокола к ней 1967 года, и правительственное регулирование кризиса беженцев было осуждено

¹ United Nations High Commissioner of Refugees. Operational Portal: Syria Regional Refugee Response. 2020. URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/syria>.

² The International Crisis Group. Middle East Report № 211 – Easing Syrian Refugees' Plight in Lebanon. 2020. URL: <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/211-easing-syrian-refugees-plight-in-lebanon.pdf>.

³ URL: <https://www.populationpyramid.net/ru/%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD/2020/>

правозащитными организациями. Организация *Human Rights Watch*¹ раскритиковала Ливанское правительство за принятие дискриминационных мер и правил в отношении сирийских беженцев. С начала эпидемии Covid-19 ограничительные меры и экономический кризис поставили сирийских беженцев в Ливане в еще более уязвимое положение.

По данным *Inter-agency Information Management Unit* за 2019 год, 66% сирийских беженцев в Ливане проживает в жилых зданиях, 19% – в неформальных поселениях и 15% – в нежилых помещениях². В целом 55% зарегистрированных сирийских беженцев в Ливане живут в условиях, которые «представляют серьезную угрозу для здоровья жителей и принимающего населения (Kluge, Jakab, Bartovic, D'anna, Severoni, 2020: 1238). Некоторые из основных проблем в этих условиях заключаются в отсутствии доступа к медицинским услугам и отсутствию основных удобств, таких как чистая проточная вода и мыло, что особенно важно для мусульман, особенно при совершении молитвенного обряда.

Ливанское правительство не предоставляет бесплатные медицинские услуги сирийским беженцам. Такие услуги предоставляются неправительственными организациями (NGOs), учреждениями ООН и другими международными и региональными гуманитарными организациями. Продолжающийся экономический и банковский кризис в Ливане привел к высокой инфляции, и ливанский фунт потерял примерно 40% своей стоимости с октября (Knecht, Francis, 2020). Это, в свою очередь, «сказалось на деятельности негосударственных организаций, включая предоставление услуг, поскольку снятие денег и осуществление банковских переводов стало еще сложнее (Atrache, 2020: 20). Пандемия Covid-19 и

связанные с ней ограничения мобильности подрывали способность организаций по оказанию необходимых услуг, на которые рассчитывали беженцы. Более того, по данным HRW (2020)³, по меньшей мере 21 ливанский муниципалитет ввел дополнительный комендантский час для сирийцев во время пандемии, который не распространялся на ливанских граждан. Это еще больше нарушило работу организаций по оказанию помощи беженцам, поскольку неясно, когда и как они могут попасть в лагеря беженцев. Согласно данным организации *The New Humanitarian organization* (2020), доступ зависит от уже существующих отношений с местными властями (Chehayeb, Sewell, 2020). Это влечет за собой серьезные последствия не только потому, что они не обеспечивают беженцам доступ к санитарным ресурсам, необходимым для борьбы с распространением вируса, но и для регулярного получения медикаментов тем, кто уже проходит лечение. Более того, учитывая, что большинство беженцев не имеют легального источника дохода, гуманитарная помощь в виде продовольствия, воды и других необходимых материалов стала спасательным кругом.

Экономический кризис вкупе с комендантским часом и чрезвычайным положением ограничил возможность работать (легально или нелегально) и тем самым лишил средств к существованию как беженцев, так и ливанских граждан. Кроме того, в результате введения комендантского часа и страха заражения вирусом число беженцев, посещающих медицинские центры, сократилось. Ассоциация *Amel* и организация *Врачи без границ (MSF)*, две негосударственные организации, управляющие клиниками, обслуживающими сирийских беженцев, заявили, что «число людей, посе-

¹ Human Rights Watch. World Report 2020. URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/world_report_download/hrw_world_report_2020_0.pdf.

² Inter-agency Information Management Unit. Shelter end year 2018. 2019. URL: <https://data2.unhcr.org/en/documents/download/68490>.

³ Human Rights Watch. Lebanon: Refugees at Risk in COVID-19 Response. Human Rights Watch. 2020. URL: <https://www.hrw.org/news/2020/04/02/lebanon-refugees-risk-covid-19-response>.

щающих их центры по всему Ливану, сокращается, и в марте [MSF] зафиксировала 30-процентное снижение числа посещений (Chehayeb, Sewell, 2020).

В соответствии с ливанским законодательством, с 2015 года сирийские беженцы в Ливане могли получить официальный вид на жительство, который стоит 200 долларов США в год при выполнении определенных условий, таких как: регистрация в качестве беженца в УВКБ ООН, предоставление доказательств владения имуществом или выписки с банковского счета, подтверждающие наличие достаточных средств для обеспечения жизни в Ливане, спонсорство ливанского гражданина или наличие матери – ливанки. С 2017 года сбор в размере 200 долларов США не взимается с сирийских беженцев, которые были зарегистрированы в УВКБ ООН до января 2015 года. Поэтому беженцы, прибывшие в Ливан после января 2015 года, сталкиваются со многими трудностями в получении необходимых документов для законного проживания в стране. Естественно, некоторые из перечисленных критериев, такие как финансовая отчетность и право собственности, недоступны для беженцев, спасающихся от войны, а поиск ливанского спонсора чреват риском эксплуатации. Кроме того, сбор в размере 200 долларов слишком велик для беженцев, которые не имеют постоянного источника дохода.

Министерство здравоохранения Ливана создало горячую линию, по которой люди могут звонить, если у них есть подозрение на симптомы заболевания ковид-19. Предполагается, что человек, испытывающий симптомы, не будет иметь никаких препятствий для того, чтобы позвонить по правительственной линии обслуживания, поделиться информацией о том, где и с кем он живет, и отправиться на обследование. Однако, по данным HRW, сирийские беженцы сообщили им и другим учреждениям по оказанию помощи о своем страхе дальнейшей дискриминации и стигматизации, если они заразятся Covid-19. Некоторые сирийские беженцы даже выразили

опасения быть депортированными, если у них проявятся симптомы Covid-19. Они ссылаются на эти страхи как на сдерживающий фактор для обращения за медицинской помощью, даже если они имеют соответствующие симптомы (Majzoob, Hardman, 2020). В интервью с национальным общественным радио (*National Public Radio*) Мохаммад Талеб, работающий в гуманитарной организации «Басме и Зейтуне» (*Basmeh&Zeitooneh*) и руководящий общинным центром для беженцев в районе Бекаа, заявил, что «многие сирийцы страдают от стигматизации, поскольку большинство ливанцев просто предполагают, что сирийцы с большей вероятностью будут заражены коронавирусом из-за предполагаемого отсутствия гигиены и тесноты жилых помещений лагерей (Fordham, 2020).

По сравнению с другими странами распространение пандемии в Ливане не было столь острым. По состоянию на 3 июня 2020 года было зарегистрировано 1,256 подтвержденных случаев заболевания и 27 смертей. Однако в условиях развала экономики, ограничительной политики в отношении беженцев, отсутствия доступа к ресурсам, необходимым для борьбы с новым вирусом, а также нависшей угрозы возможной депортации и дальнейшей стигматизации наступление Covid-19 усугубило и без того сложную обстановку, окружающую сирийских беженцев в Ливане. По ту сторону границы в соседней Сирии, ВПЛ сталкиваются с аналогичными условиями с дополнительным элементом возможности вновь оказаться в зоне боевых действий ДАИШ.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Деятельность ДАИШ в период пандемии Covid-19. Сторонников ДАИШ, «Талибана», «Аль-Каиды» и еще десятка запрещенных в РФ террористических организаций, которые не отказались от идеи всемирного халифата и джихада против «неверных», коронавирус не заставил изменить

свою тактику. Covid-19 стал для них очередным источником самопиара: они предлагают свои варианты религиозного обоснования причин появления пандемии и пытаются воспользоваться бедственным положением людей. В то время, когда большинство стран, которые принимали участие в борьбе с террористическими организациями, заняты борьбой с последствиями пандемии в собственных странах, члены террористических организаций решили использовать Covid-19 в своих пропагандистских целях. С самого начала своего появления, когда вирус охватил европейские страны, он рассматривался исламистами как «божья кара», посланная в наказание «неверным». Как пишет Андрей Серенко, по мнению проповедников ДАИШ, вирус настиг только некоторые страны: во-первых, это атеистический и коммунистический Китай, где преследовали и убивали мусульман-уйгуров. Во-вторых, христианская Италия, где находится резиденция папы римского, предводителя крестоносцев – извечных врагов ислама. В-третьих, сионистская Америка, которой правят иудеи и чья армия уже много десятилетий убивает мусульман в Афганистане, Ираке, Сирии и других странах. В-четвертых, это шиитский Иран, преследующий мусульман-суннитов в Ираке и Сирии» (Серенко, 2020). Тогда джихадисты использовали слоган «Коронавирус – это солдат Аллаха». Впоследствии, по мере распространения вируса и в других странах, а также среди самих террористов, джихадисты стали делать акцент на том, что пандемия является не только наказанием «неверных», но и важным испытанием для самих мусульман на верность Всевышнему. Вместе с тем идеологи «халифата» приравнивали смерть верующего от коронавируса к гибели «моджахеда» на поле боя, таким образом героизируя эту смерть. Конечно, расчет больше идет на людей невежественных и за-

пуганных вирусом. И основной версией происхождения вируса, согласно трактовке террористов, является провозглашение его «воином Аллаха».

Можно говорить о том, что пандемия развязала руки террористам. Это заметно по их активности в Сирии и Ираке с начала года, слаженной работе вербовщиков во всех странах, где существуют их ячейки¹. Covid-19 оставил многих без работы и средств к существованию. В связи с этим велик риск того, что армия террористов ДАИШ пополнится за счет молодых людей, которые за небольшую плату будут готовы жертвовать своими жизнями в Сирии и Ираке. Поэтому столь важно даже эпоху пандемии «наблюдение и предотвращение экстремистских и террористических атак, с одной стороны, и недопущение экстремистских идеологий – с другой» (Вирккунен, Гаджимурадова, 2018: 138).

Внутренне перемещенные лица в Идлибе: между Covid-19 и ДАИШ². Учитывая, что по состоянию на 3 июня 2020 года на территории, контролируемой правительством в Сирии, зарегистрировано 123 случаев заболевания и 6 смертельных случаев, распространение нового вируса в Сирии не считается серьезным. Тем не менее, сирийское правительство приняло ряд мер, включая введение комендантского часа 24 марта и запрет любых поездок между провинциями и даже между сельскими и городскими районами 27 марта. Эти меры, по-видимому, были эффективными в поддержании распространения вируса. Кроме того, сирийское правительство начало процедуру эвакуации своих граждан из Армении, Объединенных Арабских Эмиратов, Египта, Судана, России, Омана, Кувейта, Ирака и Катара. Чтобы сдержать распространение вируса, всех прибывших перевели в карантинные центры сроком на две недели. Важно отметить, что

¹ Охват стран довольно обширный: это страны Центральной Азии, России, страны ЕС, Африки и Юго-восточной Азии.

² Террористическая организация, запрещенная в России и большинстве стран.

эти меры исполняются только на территории, находящейся под контролем правительственных сил.

Община ВПЛ в Сирии, в основном состоящая из мусульман-суннитов, и по данным УВКБ ООН, составляет примерно 6,5 миллиона человек¹, уязвима к заражению этим вирусом. Это связано с целым рядом причин, в том числе с плохими условиями жизни и инфраструктурой здравоохранения, ослабленной 9-летней гражданской войной. Для вынужденных переселенцев из провинции Идлиб на северо-западе Сирии, где в прошлом году активизировались боевые действия, ситуация особенно тяжелая. По данным управления по координации гуманитарной деятельности, с декабря 2019 года примерно 960,000 из примерно 4 миллионов человек, проживающих на северо-западе Сирии (включая Идлиб и Северный Алеппо), были перемещены в связи с усилением боевых действий между правительственными войсками и повстанческими группировками². Турция закрыла свои границы для сирийских беженцев, вынудив ВПЛ прийти в движение в поисках других мест убежища. Условия, в которых живут ВПЛ, будь то лагеря, школы или другие общественные места, могут способствовать быстрому распространению вируса, если он появится в общине ВПЛ. Такая ситуация осложнила еще больше жизнь верующих из числа ВПЛ, которые во время пандемии испытывали трудности в совершении обрядов и молитв в мечетях, потому что большинство из них были закрыты или труднодоступны.

Боевые действия в Идлибе привели к разрушению гражданской инфраструктуры, включая медицинские учреждения, школы,

пекарни и другие объекты, что привело к нарушению предоставления основных услуг в этом районе. По словам Руперта Колвилла, пресс-секретаря Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, с начала боевых действий в Идлибе в апреле 2019 года был поврежден 61 медицинский объект³. Более того, в течение многих лет сирийцев не пускали в Турцию, которая с самого начала гражданской войны в Сирии боролась с наплывом беженцев на свою территорию. По состоянию на 28 мая 2020 года, в Турции находились 3,579,368 зарегистрированных сирийских беженцев⁴. Однако сирийцам, проживающим в Сирии, страдающим от тяжелых заболеваний, таких как рак, был разрешен въезд в Турцию для лечения (Al Hosse, Edwards, 2020). В связи с пандемией молельные дома и мечети в Турции были закрыты для посещения верующих, а стамбульская мечеть и ряд других мечетей, к примеру, были превращены в продовольственный банк, чтобы помочь нуждающимся во время пандемии Covid-19.

В начале марта 2020 года при посредстве России и Турции, удалось достичь соглашения о прекращении огня в регионе, в соответствии с которым был создан «коридор безопасности протяженностью 6 километров к северу и 6 километров к югу от шоссе М4, где было осуществлено совместное российское и турецкое патрулирование⁵. Однако в соглашении не было упоминания о безопасной зоне, в которой могли бы укрыться ВПЛ. В сентябре 2018 года президенты России и Турции достигли соглашения, в соответствии с которым между двумя сторонами была создана буферная зона деэскалации. Но даже это перемирие – как и

¹ United Nations High Commissioner of Refugees. Operational Portal: Syria Regional Refugee Response. 2020. URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/syria>.

² United Nations High Commissioner of Refugees. Cross-border Humanitarian Response Fact Sheet-North-west Syria. March, 2020. URL: <https://data2.unhcr.org/en/documents/download/75827>.

³ UN News, Hundreds of thousands of civilians at risk in Syria amid ongoing violence in northeast and northwest. 8 November 2019. URL: <https://news.un.org/en/story/2019/11/1050961>.

⁴ United Nations High Commissioner of Refugees. Operational Portal: Syria Regional Refugee Response. 2020. URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/syria>.

⁵ Europe Asylum Support Office. Syria Internally displaced persons, returnees and internal mobility. 2020. URL: <https://easo.europa.eu/sites/default/files/publications/easo-coi-report-syria-idps-returnees-internal-mobility.pdf>.

несколько других – рухнуло. Таким образом, долговечность нынешнего режима прекращения огня вызывает сомнения, оставляя ВПЛ две возможности: ждать, пока вирус прибудет в их переполненные лагеря, или вернуться домой, где боевые действия могут начаться с прежней силой.

По данным Управления по координации гуманитарной деятельности «около 126,000 человек, перемещенных на северо-западе Сирии, переехали в районы мухафазы Идлиб и западного Алеппо, откуда они были перемещены с 1 декабря 2019 года. 71% возвращенцев сделали это в первой половине апреля, а 29% вернулись еще в марте. Из 126,000 человек 106,000 человек вернулись в свои родные места, и около 20,000 человек, которые были перемещены дважды, уже вернулись в районы своего первого перемещения. ВПЛ возвращаются в места, рядом с теми, где до прекращения огня в марте шли ожесточенные бои. Хотя соглашение о прекращении огня все еще действует, битва за Идлиб еще не закончена и пока может считаться «дремлющим» конфликтом. Таким образом, вынужденные переселенцы, покинувшие лагеря из страха заразиться вирусом Covid-19, могут быть вынуждены вновь бежать из-за возобновившихся боевых действий и из страха стать заложниками боевиков ДАИШ.

Заключение (Conclusions). 16 марта на брифинге для СМИ, посвященном Covid-19, генеральный директор ВОЗ Тедрос Адханом заявил, что «самый эффективный способ предотвратить инфекции и спасти жизни людей – это разорвать цепи передачи инфекции. А чтобы сделать это, нужна изоляция¹. Однако для беженцев и ВПЛ ни изоляция, ни тестирование не являются реально осуществимыми превентивными мерами. Это объясняется двумя наборами факторов. Первый связан с условиями их жизни. Учитывая перенаселенность, отсутствие доступа к чистой воде и санитарным ресурсам, беженцы

подвергаются более высокому риску как заразиться самим, так и заразить других людей. Второй фактор связан с законодательными или иными мерами, ограничивающими их доступ к медицинской помощи. Отношение ливанского правительства к сирийским беженцам создало атмосферу недоверия и страха быть депортированными обратно в Сирию. В Сирии за 9 лет продолжающейся войны значительно ослабла инфраструктура здравоохранения, что затруднило контроль за распространением вируса.

Сирийские беженцы в Ливане и ВПЛ в Сирии, являющиеся представителями различных этноконфессиональных групп, проживающих постоянно на территории Сирии, из-за боевых действий на родине и пандемии оказались в сложной ситуации: с одной стороны, большинство из них остались без медицинской и гуманитарной помощи, с другой стороны, верующие оказались лишены привычных условий для совершения религиозных обрядов.

Распространение вируса ковид-19 пролило свет на последствия войны в условиях обострения чрезвычайной гуманитарной ситуации. Беженцы в Ливане и вынужденные переселенцы из провинции Идлиб на северо-западе Сирии оказались в порочном кругу, в котором они, спасаясь от войны, попали в ловушку Covid-19.

Список литературы

Виркунен Й., Гаджимурадова Г. И., Миграция, экстремизм и террористическая угроза в Финляндии // Современная Европа. 2018. № 5 (84). С. 131-141.

Гаджимурадова Г. И. Социально-демографическая и политическая ситуация в регионах России в контексте актуализации экстремистских процессов радикально-религиозных направлений // Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта. Материалы IX международного научно-практического форума. В 2-х

¹ World Health Organization. WHO Director-General's opening remarks at the media briefing on COVID-19. March 2020. URL: <https://www.who.int/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---16-march-2020>.

томах. Под научной редакцией С. В. Рязанцева, М. Н. Храмовой. М., 2017. С. 188-192.

Серенко А. COVID джихаду не помеха. Пандемия коронавируса может помочь возрождению «Исламского государства». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4341813>

Al Hosse M., Edwards M. COVID-10 border closure cuts off idlib cancer patients from treatment // The New Humanitarian. 2020. URL: <https://www.thenewhumanitarian.org/feature/2020/05/20/Turkey-Syria-Idlib-medical-treatment-coronavirus>.

Atrache S. Lebanon at a crossroad: Growing uncertainty for Syrian refugees. Refugees International. 2020. URL: <https://static1.squarespace.com/static/506c8ea1e4b01d9450dd53f5/t/5e30aa6574b74c11d78182f7/1580247658317/Lebanon+Report+-+January+2020+-+FINAL.pdf>.

Chehayeb K., Sewell A. How COVID-19 is limiting healthcare access for refugees in Lebanon // The New Humanitarian. 2020. URL: <https://www.thenewhumanitarian.org/feature/2020/04/21/Lebanon-coronavirus-refugee-healthcare>.

Fordham A. Syrian Refugees in Lebanon Fear Deportation For Seeking Coronavirus Test or Care. National Public Radio. 2020. URL: <https://www.npr.org/2020/04/06/825158835/syrian-refugees-fear-deportation-if-they-seek-coronavirus-testing-and-treatment>.

Hochberg L. No Longer Just a Humanitarian Crisis: The Politicization of the Syrian refugee crisis // Heinrich-Böll-Stiftung. 2019. URL: https://lb.boell.org/sites/default/files/politicization_of_syrians.pdf

Kluge H. H. P., Jakab Z., Bartovic J., D'anna V., Severoni S. Refugee and migrant health in the COVID-19 response // The Lancet. 2020. P. 1237-1239. URL: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30791-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30791-1)

Knecht E., Francis E. Starved for dollars and drowning in debt, Lebanon's economy sinks fast // Reuters. 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-lebanon-crisis-economy-insight/starved-of-dollars-and-drowning-in-debt-lebanons-economy-sinks-fast-idUSKBN20Z1FC>

Majzoob A., Hardman N. Lebanon's Refugee Restrictions Could Harm Everyone's Health // Human Rights Watch. 2020. URL: <https://www.hrw.org/news/2020/04/22/lebanons-refugee-restrictions-could-harm-everyones-health>

References

Virkkunen, J. and Gadzhimuradova, G. I., (2018.), "Migration, extremism and the terrorist threat in Finland", *Modern Europe*, 5 (84), 131-141. (In Russian).

Gadzhimuradova, G. I. (2017), "The socio-demographic and political situation in the regions of Russia in the context of updating extremist processes of radical religious directions", in Ryzantseva, S. V. and Khramova, M. N. (eds.), *Migration bridges in Eurasia: models of effective migration management in the context of the development of the Eurasian integration project Materials of the IX International Scientific and Practical Forum*, Moscow, Russia, 188-192. (In Russian).

Serenko A. (2020), "COVID jihad is not a hindrance. Coronavirus pandemic can help revive Islamic State", available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4341813> (In Russian).

Al Hosse, M. and Edwards, M. (2020), "COVID-10 border closure cuts off idlib cancer patients from treatment", *The New Humanitarian*, available at: <https://www.thenewhumanitarian.org/feature/2020/05/20/Turkey-Syria-Idlib-medical-treatment-coronavirus>.

Atrache, S. (2020), *Lebanon at a crossroad: Growing uncertainty for Syrian refugees*, Refugees International, available at: <https://static1.squarespace.com/static/506c8ea1e4b01d9450dd53f5/t/5e30aa6574b74c11d78182f7/1580247658317/Lebanon+Report+-+January+2020+-+FINAL.pdf>.

Chehayeb, K. and Sewell, A. (2020), "How COVID-19 is limiting healthcare access for refugees in Lebanon", *The New Humanitarian*, available at: <https://www.thenewhumanitarian.org/feature/2020/04/21/Lebanon-coronavirus-refugee-healthcare>.

Fordham, A., (2020), *Syrian Refugees in Lebanon Fear Deportation For Seeking Coronavirus Test or Care*, National Public Radio, available at: <https://www.npr.org/2020/04/06/825158835/syrian-refugees-fear-deportation-if-they-seek-coronavirus-testing-and-treatment>.

Hochberg, L. (2019), "No Longer Just a Humanitarian Crisis: The Politicization of the Syrian refugee crisis", *Heinrich-Böll-Stiftung*, available at: https://lb.boell.org/sites/default/files/politicization_of_syrians.pdf.

Kluge, H. H. P., Jakab, Z., Bartovic, J., D'anna, V. and Severoni, S. (2020), "Refugee and migrant health in the COVID-19 response", *The*

Lancet, 1237-1239, available at: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30791-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30791-1).

Knecht, E. and Francis, E. (2020), "Starved for dollars and drowning in debt, Lebanon's economy sinks fast", *Reuters*, available at: <https://www.reuters.com/article/us-lebanon-crisis-economy-insight/starved-of-dollars-and-drowning-in-debt-lebanons-economy-sinks-fast-idUSKBN20Z1FC>.

Majzoob, A. and Hardman, N. (2020), "Lebanon's Refugee Restrictions Could Harm Everyone's Health", *Human Rights Watch*, available at: <https://www.hrw.org/news/2020/04/22/lebanons-refugee-restrictions-could-harm-everyones-health>.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Гаджимурадова Гюльнара Ильясбековна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД РФ, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Рабат Луджан, аспирантка, младший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Gyulnara I. Gadzhimuradova, PhD in Philosophy, Associate Professor, MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Leading Researcher, Institute for Social and Political Studies, Federal Scientific Research Center of the Institute of Social and Political Studies, Russian Academy of Science.

Lujan Rabat, PhD Student, Junior Researcher, Institute for Social and Political Studies, Russian Academy of Sciences.

УДК 347.627

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-6

Духанина Л. Н.¹

Каменева Т. Н.²

Максименко А. А.³

Попова Г. В.⁴

**Отношение молодых женщин российской провинции
к институту семьи и брака**

¹ Российское общество «Знание»

ул. Николоямская, 11, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия

Duhanina@mail.ru

ORCID iD: 0000-0002-6389-3497

² Курский государственный медицинский университет

ул. К. Маркса, 3, г. Курск, 305041, Россия

kalibri0304@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0002-8358-7921

³ Российское общество социологов

ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия

Maximenko.Al@gmail.com

ORCID iD: 0000-0003-0891-4950

⁴ Российское общество социологов

ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия

gpopova@adm44.ru

ORCID iD: 0000-0002-7783-4172

Статья поступила 1 мая 2020 г.; принята 30 мая 2020 г.;

опубликована 30 июня 2020 г.

Аннотация. В статье обобщены результаты социологического исследования отношения молодых женщин к институту брака и семьи. В ходе интерпретации полученных результатов исследования выявлены установки и убеждения женщин разного возраста и с разным опытом в отношении семьи, браков и разводов; изучены ситуации, условия и препятствия для разводов; определены обстоятельства, наиболее тесно связанные с ситуациями развода; выявлены наиболее конфликтные зоны и распространенные способы сохранения семьи. Авторы высвечивают многие устойчивые стереотипы в сознании женщин (о якобы снижении числа браков), так и о преобладающей функции брака (в исследованиях многих российских ученых) и как следствие – искажении анализа факторов разводов. В настоящем исследовании предлагается иной подход к оценке факторов, ведущих к разводу в семье, а именно в оценке ситуаций, которые имели место быть в конкретной семье: обстоятельства вступления в брак, быт, детский вопрос, сексуальные отношения, материальный вопрос, климат в семье и чувства/эмоции. Это позволило сформировать более общую картину с детальным пониманием происходящего в браке, закончившемся разводом. А на основе выявленных различий у двух целевых аудиторий (замужних

и разведенных женщин) к пониманию феномена современной семьи, брака, разводу выработаны рекомендации по формированию просветительских программ, направленных на сохранение семейных ценностей.

Ключевые слова: отношение к браку; просветительство; отношение к разводу; факторы формирования крепкой молодой семьи; факторы разводимости; семейные ценности

Информация для цитирования: Духанина Л. Н., Каменева Т. Н., Максименко А. А., Попова Г. В. Отношение молодых женщин российской провинции к институту семьи и брака // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 74-100. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-6

Lubov N. Dukhanina¹

Tatyana N. Kameneva²

Alexandr A. Maximenko³

Galina V. Popova⁴

Attitude of young Russian provincial women
to the institution of family and marriage

¹ Russian «Znanie» Society

bld. 1, 11 Nikoloyamskaya St., Moscow, 109240, Russia

Duhanina@mail.ru

ORCID iD: 0000-0002-6389-3497

² Kursk State Medical University

3 K. Marx St., Kursk, 305041, Russia

kalibri0304@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0002-8358-7921

³ Russian Society of Sociologists

bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia

Maximenko.Al@gmail.com

ORCID iD: 0000-0003-0891-4950

⁴ Russian Society of Sociologists

bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia

gpopova@adm44.ru

ORCID iD: 0000-0002-7783-4172

Received on May 01, 2020; accepted on May 30, 2020;

published on June 30, 2020

Abstract. Remarriage is becoming an obvious and easy-to-spot trend with Russians. However, its only something on the surface. There has been a survey among women in Kostroma to define their attitude to the issues of family, marriage and divorce. We also asked them to describe their experience of married life and divorce. The institution of marriage is in demand and it has its perspectives despite multiple researchers' opinions of its decline or even death. Modern society encourages the search of a spouse for a higher-quality family life and personal relationships (it maintains the value of hedonism and offers various strategies on the way to individual happiness, sometimes against family

happiness). Any family has some conflicts but separated spouses get divorces due to misunderstanding, different outlooks on life, lack of emotional connection. However these aspects keep successful couples together. The factor of different life outlooks and lack of emotional connection is often related to early marriage, pregnancy before marriage, unequal match or marriage of convenience. So, these circumstances of setting a family more often than not have nothing to do with the way to understanding between the spouses, and may cause separation. On the contrary, if the marriage is voluntary and thought-through, the family members trust each other, they are ready to listen, accept and respect the partner's point of view. As a result, mutual understanding helps cope with emerging difficulties easier. The conclusions of The All-Russian Public Opinion Research Centre about financial insecurity and adultery as main causes of divorce don't reflect the reality (unless they are true only for metropolitan citizens). If there is understanding, money issues won't cause the divorce, while adultery can be provoked by lack of emotional connection. One more essential circumstance existing in separated families, being the source of conflicts in regular families, is inability or unwillingness of a husband to do domestic chores. Women are becoming rightful "providers" in their families, and the existing patriarchal household system seems unfair and inappropriate, which causes conflicts. In terms of state family policy, it is necessary to organise public awareness campaigns in order to consolidate the institution of marriage and to fulfill preventive programmes for decreasing divorce rate.

Keywords: attitudes toward marriage; enlightenment; attitude to divorce; factors of formation of a strong young family; factors of divorce, family values

Information for citation: Dukhanina, L. N., Kameneva, T. N., Maximenko, A. A. and Popova, G. V. (2020), "Attitude of young Russian provincial women to the institution of family and marriage", *Research Result. Sociology and management*, 6 (2), 74-100, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-6

Введение (Introduction). Несмотря на прогнозы многих западных постмодернистов о ближайшей смерти института брака (Стейси, 1993; Поппенос, 1996; Най, 2012; Митрикас, 2004; Гидденс, 1994; Луман, 2004), в действительности же, как свидетельствуют многочисленные социологические замеры и исследования отечественных ученых (Воронина, 2011; Павлова, 2005; Софронова, 2010; Тереза, 2006; Терелецкова, 2007), в современном российском обществе происходят несколько иные трансформации института брака и семьи.

Характерной тенденцией нулевых годов XXI века в России является увеличение количества браков (так, с 1998 года по 2011 год их число увеличилось на 55%), при этом также фиксируется неуклонный рост и количества разводов (Хачатрян, 2017). Справедливости ради, нужно отметить, что разводимость в различных регионах РФ имеет

довольно сильные отличия: наиболее высокие показатели в Ленинградской, Магаданской и Иркутской областях, а самый низкий в Чечне и Ингушетии (Лагойда, 2017).

Согласно данным ВЦИОМ (Колпакова, 2015), большинство молодых россиян не согласны с мнением о том, что не нужно регистрировать семейные отношения и инструментальную функцию брака видят (в порядке убывания значимости): в полноценном воспитании детей, создании материальной опоры семьи, чувстве жизненной уверенности (для женщины), укореняясь в тезисе, что институт брака неизменно остается необходимым атрибутом семейной жизни (Калмышова, 2014).

Чем является институт брака в настоящее время и каковы причины разводов? Попытаемся найти ответы на эти вопросы, поскольку следствием разводов становится ряд крайне негативных явлений: высокий уровень самоубийств среди одиноких и людей, потерявших брачного партнера (в 3

раза чаще, чем среди семейных), 28% детей, родившихся вне брака; количество аборт в 3 раза превышает количество детей.

Очевидным и легко просматриваемым трендом настоящего времени является мода россиян на повторные браки. Периодическая моногамия является на сегодняшний момент компромиссным вариантом между моногамией и полигамией и поощряется общественным мнением. В обществе, где главными ценностями провозглашены свобода и материальный успех, поиск гедонистических практик в браке закономерно превалирует над альтруизмом и виктимностью. Дети и их количество не является сдерживающим фактором современного развода в конфликтной семье, и в этом российская модель брачности/разводимости полностью копирует ситуацию в США, где разводимость одна из самых высоких в мире (Пахомова, 2012). Можно проследить универсально повторяющиеся закономерности: развод передается по наследству, молодожены – главная группа риска, и ведущий фактор развода в современном браке – это растущая эмансипация женщины. Таким образом, рано или поздно озадачившись вопросом о функциональной необходимости мужа, женщина и становится наиболее частым инициатором развода (Бессчастнова, 2014; Камышова, 2014; Колпакова, 2015; Синельников, 1992).

Методология и методы (Methodology and methods). Анализ зарубежных публикаций на тему отношения женщин к институту брака и семьи показал, что в соответствии с культурными теориями, брак в иностранной научной мысли рассматривается больше не как институт социальных обязательств, а препарируется как инструмент личной реализации (Beck, Beck-Gernsheim 2004); (Cancian, 1987); (Giddens, 1992). Хотя ряд авторов убедительно указывают на материальные детерминанты перемен в институте брака (Perelli-Harris и Gerber 2011), при этом в этой трансформации культурные аргументы придают вес отношениям и ценностям.

Результаты исследований демонстрируют различные аспекты изучения сожительства как альтернативности брака. Среди них в качестве часто выделяемых можно отметить: низкое качество взаимоотношений (Skinner, 2002), различные экономические преимущества и недостатки (Treas, de Ruijter 2008); (Light, 2004), физическое и психическое здоровье и благополучие (Soons, Kalmijn 2009); (Wu и др. 2003), более высокая сексуальная частота (Forste, Tanfer 1996); (Yabiku, Gager, 2009), более высокий риск разрыва отношений (Hohmann-Marriott, 2006); (Poortman, Lyngstad, 2007).

Сравнительные исследования показали изменения отношения европейцев институту брака. Так, степень согласия с утверждением «плохой брак лучше, чем отсутствие брака» в 1988 году было чуть больше в 1994 году, и значительно больше, чем в 2002 году. При этом одобрение внебрачного секса снизилось в 2008 году, чем в 1994 году (Dominguez-Folgueras, Castro-Martin, 2013).

Исследования (Amato, 2003), (Bulanda, Brown, 2007), показали, что повторные браки были не менее счастливыми, чем были первые браки. Кроме того, наличие ребенка из предыдущего союза не было связано с отсутствием счастливых отношений или наличием большего числа конфликтов в повторном браке. При этом респонденты, состоящие в повторных браках, сообщали о более позитивном отношении к разводу, чем опрошенные в первых браках (Booth, Edwards, 1992); (White, Booth, 1985). Однако позитивное отношение к разводу может повысить риск для разрушения брака.

В 1995 году (Nock, 1995) на основе крупномасштабного анализа данных переписи населения и серии общенациональных опросов постарался понять брачные идеалы, и пришел к выводу, что брак представляет собой семь распространенных убеждений: 1) добровольность брака, 2) возрастной рубеж вступления в брак, 3) гетеросексуальность брака, 4) родительство как часть

брака, 5) моногамность брак, 6) муж – глава семьи, и 7) соблюдение традиционных гендерных ролей.

Многие эксперты утверждают, что раннее социальное обучение имеет решающее значение для развития семейных убеждений и ценностей (Hall, 2006); (Jones, Nelson, 1996). Утверждение, что динамика развития отношений в родительской семье значительно влияет на отношение и убеждения детей о браке, поддерживается исследованием, которое изучало семейные конфликты. Исследователи в этой области обнаружили, что дети, которые стали свидетелями высокого уровня конфликтов и неудовлетворенности в браке своих родителей могут стать подростками, у которых закладываются сомнения в своей способности чувствовать себя удовлетворенными в своих будущих браках (Amato, Booth, 2001); (Jones, Nelson, 1996); (Markland, Nelson, 1993).

Развод родителей обычно коррелирует с ранним браком детей (Ross, Mirowsky, 1999), и более ранним сожителем (Cui, Wickrama, Lorenz, Conger, 2011). Таким образом, романтические отношения родителей и их переживания после развода родителей могут иметь большее влияние на детей, чем отношения биологических родителей: успешный второй брак может восстановить верования в длительные романтические отношения, в то время как последовательные разводы могут потенциально усилить негативное отношение к браку (Yu, Adler-Baeder, 2007).

Порядок рождения детей также играет определенную роль в отношении к романтическим отношениям постоянство за счет дифференцированного воздействия родительского конфликта старших и младших братьев и сестер. Действительно, старшие братья и сестры обычно более подвержены родительскому конфликту и в результате склонны сомневаться в стабильности брака и романтических отношениях (Roth, Harkins, Lauren 2014).

Религиозность традиционно связана с более высоким положительным отношением к браку (Collardeau, Ehrenberg, 2016). Кроме того, верно и обратное: когда развод родителей несет потенциал для нарушения религиозных убеждений детей, таких как образ Бога, а также посещение церкви (Ellison, Walker, Glenn, Marquardt, 2011).

С целью выявления отношения молодых женщин к вопросам семьи, брака и разводов, а также описания опыта и практик разведенных женщин и женщин, живущих в браке, с 03 марта по 10 апреля 2018 года Российским обществом социологов был проведен опрос женщин города Костромы. Задачи исследования состояли в следующем: выявить установки и убеждения женщин разного возраста и с разным опытом в отношении семьи, браков и разводов; определить ситуации, условия и препятствия для разводов; определить обстоятельства, наиболее тесно связанные с ситуациями развода; выявить наиболее конфликтные зоны и распространенные способы сохранения семьи.

В качестве источников информации и эмпирической базы исследования выступили база опросов ВЦИОМ, количественный опрос, проведенный Костромским отделением Российского общества социологов.

Структура генеральной совокупности исследования включала женщины 18-65 лет, проживающие в г. Кострома (блок вопросов об общих мнениях и убеждениях), а также женщины в возрасте 25-44 лет (блок вопросов о разводах). Из второй целевой аудитории сформировано две подвыборки: женщины-инициаторы развода и женщины, состоящие в браке. Структура этих выборок (возраст, род деятельности) была определена на основе данных ВЦИОМ о семейном положении россиянок. Всего опрошено: 537 женщин по общей части анкеты (установки и убеждения); 116 женщин по теме «Разводы» 137 женщин по теме «Браки». В дальнейшем данные перевзвешивались.

Использованы следующие методы статистического анализа: линейные распределения, а также таблицы сопряженности, кластерный анализ методом иерархической кластеризации (метод Варда).

Инструментарий исследования является авторским. При разработке анкеты были проанализированы опросники ВЦИОМ, выборочно взяты за основу некоторые формулировки с изменениями и дополнениями.

Метод исследования: онлайн-опрос и опрос методом самозаполнения (через «снежный ком» для поиска респондентов с необходимым опытом разводов). Опрос состоял из 3 блоков вопросов: 1) вопросы о фактах (семейный статус, продолжительность брака, наличие детей и пр.), убеждениях и отношениях относительно семейных ценностей (данный блок вопросов задавался всем группам респондентов независимо от их семейного статуса); 2) блоком вопросов о разводе охватывались женщины, имеющие опыт разводов; 3) блок

вопросов о семейной жизни предназначался для женщин, состоящих в браке.

Метод онлайн-анкетирования позволил провести апробацию анкеты «в реальном времени», позволив своевременно скорректировать ошибки формулировки вопросов, варианты ответов. Основной сложностью в проведении исследования был поиск респонденток группы «Разведенные». При интерпретации результатов стала очевидной необходимость дополнения блока вопросов для женщин в браке вопросами об обстоятельствах и фактах семейной жизни по аналогии с блоком анкеты для разведенных – для возможности сопоставления данных и поиска различий, детерминирующих успешность брака.

Характеристика респонденток.

Распределение респонденток по возрастным категориям и уровню образования показано в таблице 1, по роду занятий и уровню доходов в табл. 2. Распределение респонденток состоянию в браке соответствуют среднероссийским показателям (для возможности сопоставления результатов).

Таблица 1

Распределение респондентов по возрасту и уровню образования

Table 1

Distribution of respondents by age and level of education

Образование	%
Среднее и ниже	6,8
Среднее специальное, среднее профессиональное	36,4
Высшее или выше	56,8
Возраст	%
18-24	14,9
25-34	23,3
35-44	22,0
45-55	16,6
Старше 55	23,2

Таблица 2

Распределение респондентов по роду занятий и уровню доходов

Table 2

Distribution of respondents by occupation and income level

Род занятий	%
ИП, собственник бизнеса	2,2
Руководитель высшего/ среднего звена	4,9

Специалист	20,5
Служащий	19,5
Квалифицированный рабочий	15,2
Неквалифицированный рабочий	6,6
Представитель творческой профессии	1,6
Студент	0,5
Безработный	6,1
Домохозяйка, в декрете	10,8
Пенсионер	10,1
Затрудняюсь ответить	1,8
Итого	100,0
Личный доход	
	%
Менее 5 т.р.	4,0
5-10 т.р.	10,9
10-20 т.р.	34,0
20-30 т.р.	27,7
30-40 т.р.	11,4
40-50 т.р.	4,4
Свыше 50 т.р.	1,6
Затрудняюсь	5,3
Нет личного дохода	0,7
Итого	100,0

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Отношение респонденток к браку.
Опрошенные смотрят на демографическую

ситуацию без «розовых» очков: заключение браков кажется им все более редким, а разводы – более частым явлением (рис. 1).

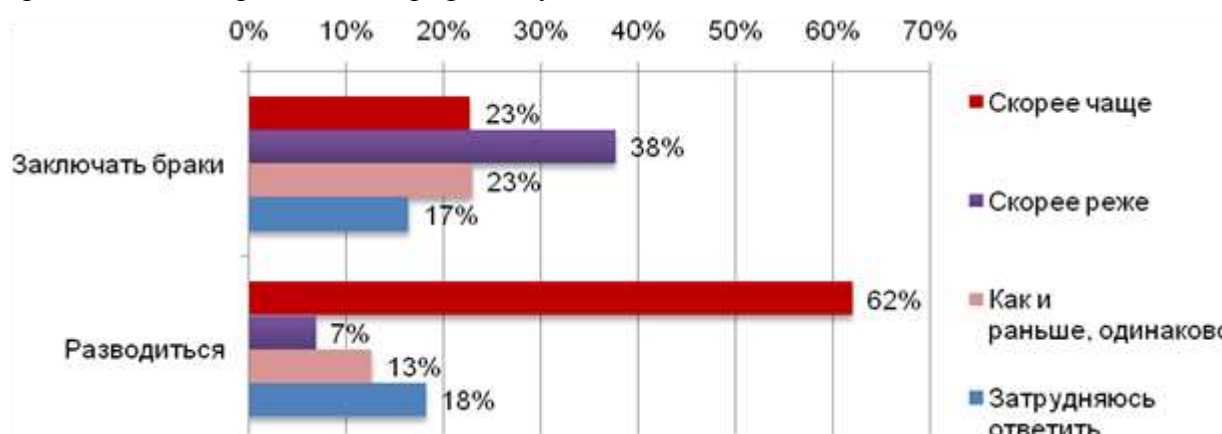

Рис. 1. Отношение костромичек к демографической ситуации
Fig. 1. Attitude of Kostroma women to the demographic situation

Согласно официальной статистике (gks.ru), к 2016 году численность браков снижалась в 10-летнем периоде, также снижалось и количество разводов (в абсолютном и относительном исчислении). Поэтому убежденность респонденток в увеличении числа разводов является ошибочной и стереотипной, основанной лишь на нескольких известных им случаях или на активной трансляции подобных случаев в СМИ.

При этом для костромичек убежденность в увеличении числа разводов чуть менее выражена, чем в среднем по России (в 2007 году так считало 73% россиянок), а в отношении заключаемых браков тоже прослеживается больше оптимизма (согласно ВЦИОМ, только 18% видели тенденцию к увеличению числа браков).

Мы предложили респонденткам выразить степень согласия с несколькими утверждениями о браке, семье и разводах. На основании полученных ответов мы рассчитали индекс согласия (% согласных с утверждением – % несогласных) (рис. 2).

Интерпретация полученных данных. Постараемся интерпретировать несколько интересных взаимосвязей. По утверждению «Брак должен быть один и на всю жизнь» самый высокий индекс согласия – в группе наиболее молодых женщин до 24 лет, с возрастом этот показатель снижается

(например, у женщин 35-44 лет индекс составляет всего 41%). Вероятно, с возрастом идеалистичные взгляды на семейную жизнь разбиваются о реальность – как на личном примере, так и на примере окружающих. Подобная взаимосвязь с возрастом наблюдается и по поводу убеждения «Брак может быть крепким с любым человеком, если работать над отношениями»: чем моложе женщины, тем большее значение они придают работе и усилиям по налаживанию взаимоотношений в семье, и наоборот – чем старше женщины, тем чаще к ним приходит понимание, что многое зависит именно от личности супруга.

К 35-44 годам женщины все чаще приходят к мнению, что для современной женщины брак вообще не нужен, и она может добиться всего, чего хочет, одна. Доля согласных составляет 35% (в остальных возрастных группах – не выше 23%). Скорее всего, такая тенденция связана с накапливающимся разочарованием в институте семьи и брака, в партнере, а также с повышением статуса и материальной обеспеченности женщины: чем выше доход, тем чаще утверждение о самодостаточности женщины находит поддержку. Это дает основания делать вывод о преобладающей функции брака (и мужа в частности) для женщины в современном обществе – финансовой защищенности женщины.

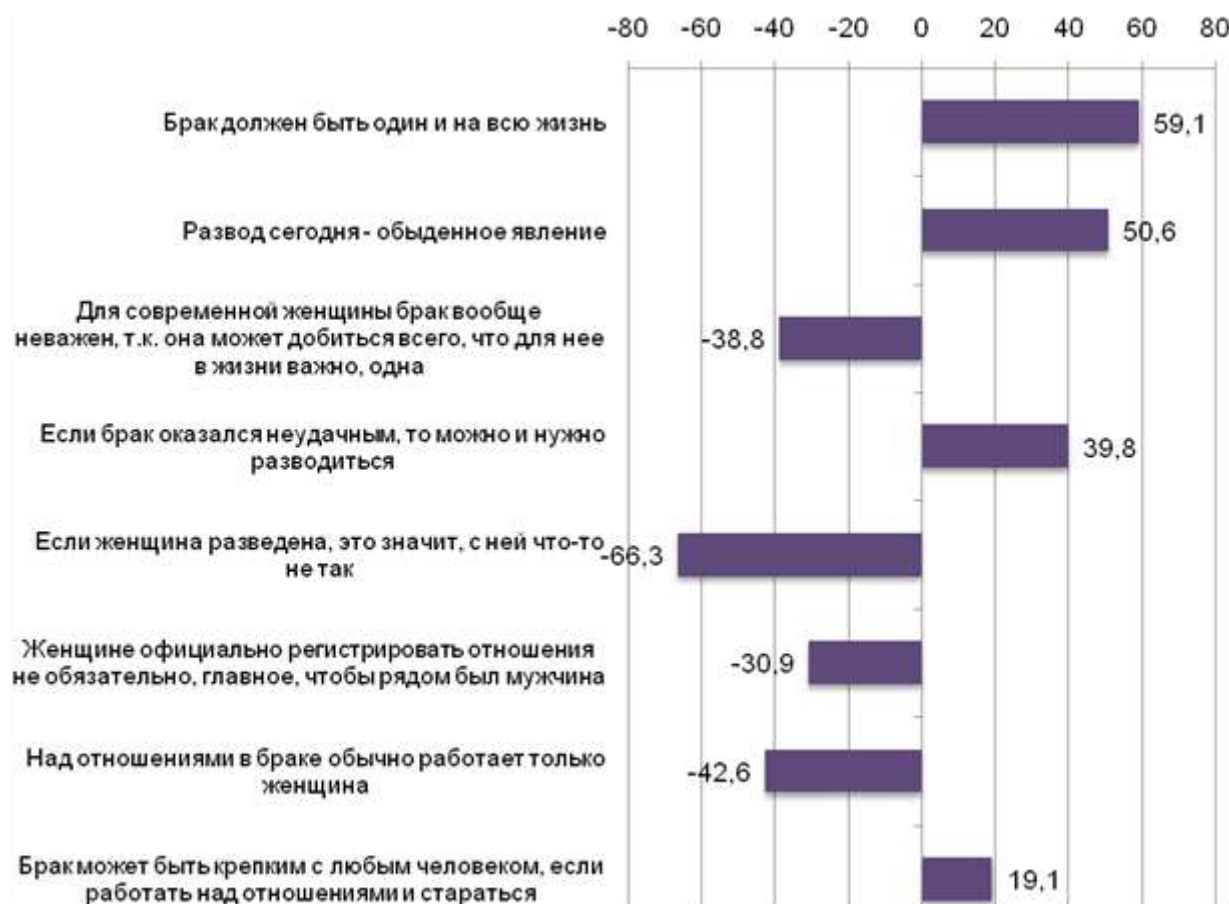

Рис. 2. Индекс согласия респонденток с утверждениями о браке, семье и разводах
Fig. 2. Respondent Consent Index for Marriage, Family, and Divorce allegations

Таким образом, при наличии идеализированных взглядов на семью и брак у женщин в «начале пути», приобретаемый опыт, и окружающая действительность делают отношение к разводам компромиссным, снижая ценность брака и оправдывая разведенных женщин.

В зависимости от имеющегося опыта женщины дают разные оценки предложенным утверждениям (рис. 3). Женщины, семья которых распалась по инициативе супруга, склонны смягчать для себя сложившуюся ситуацию, отвергая стереотипные мнения, например, о важности семьи для воспитания детей или для самореализации

женщины. При этом они больше других придают значение работе над отношениями и необходимости сохранять семью. Те, кто сами подали на развод, согласны с обыденностью этого явления в обществе, с разводом как единственным решением в напряженном браке, с отсутствием необходимости регистрировать отношения.

Распавшийся брак в среднем по выборке женщины-инициаторы развода оценивают на 4,27 балла из 10 возможных. Для сравнения, женщины в браке дают среднюю оценку в 7,98 балла, то есть атмосфера в семье перед разводом оценивается практически вдвое хуже.

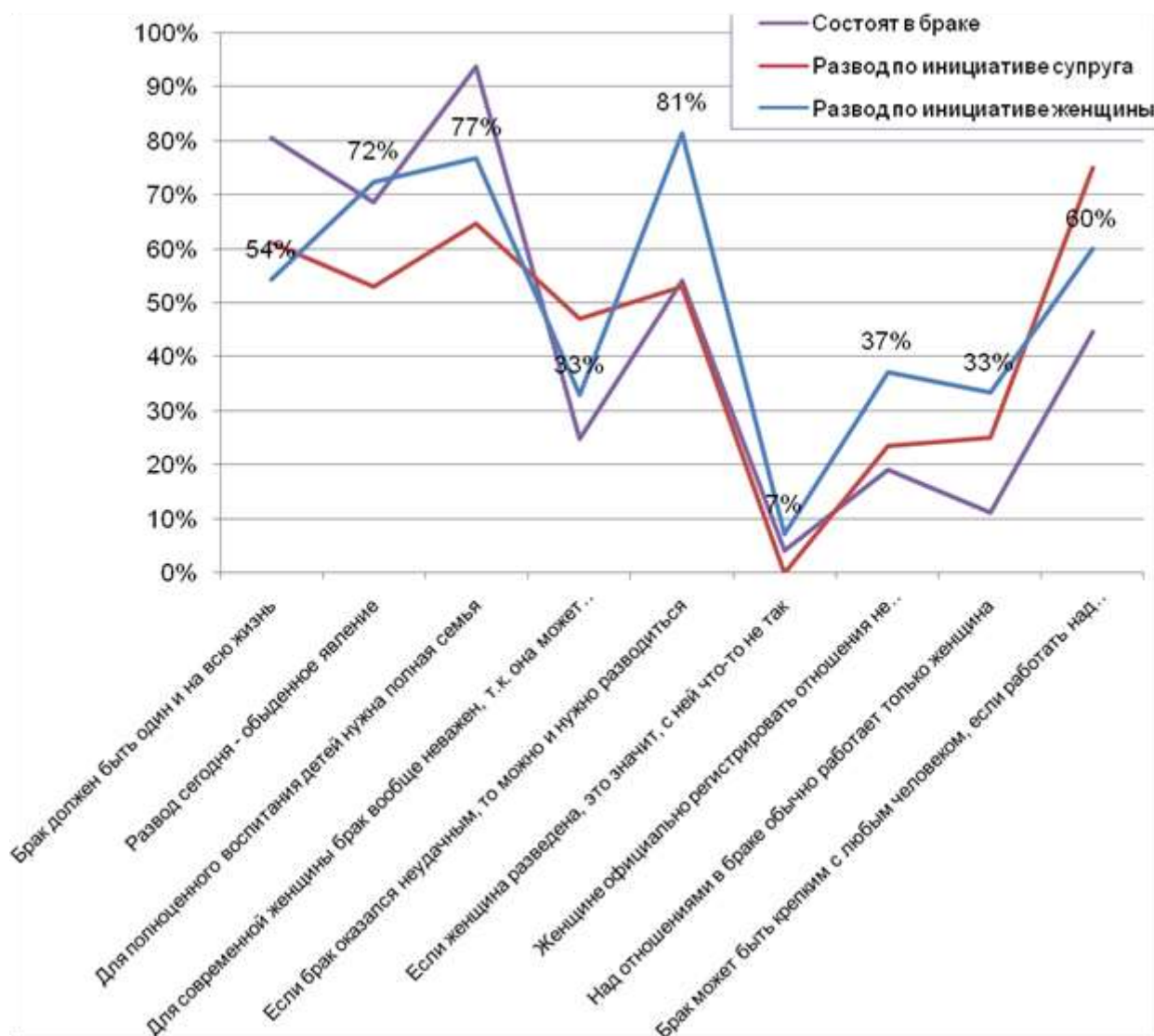

Рис. 3. Степень согласия респондентов с утверждениями о семье и разводах в зависимости от статуса женщины

Fig. 3. The degree of respondents' consent with allegations about family and divorce, depending on the status of women

Чтобы более детально изучить опыт разведенных женщин, мы выбрали аудиторию женщин 25-44 лет – как наиболее активных в плане семейной жизни. Затем мы сузили ее до категории «белых воротничков»: предпринимателей, руководителей, специалистов и служащих, представителей творческих профессий, добавив домохозяек и квалифицированных рабочих, то есть

женщин, занятых интеллектуальным трудом или освобожденных от необходимости выполнения неквалифицированной физической работы.

Отношение к разводам. Опираясь на статистику ВЦИОМ, выборка была перевзвешена, чтобы соблюсти пропорции женщин, имеющих опыт развода, по группам возраста и занятости (табл. 3). Всего опрошено 116 женщин, имеющих опыт развода.

Таблица 3
Распределение респондентов по возрасту и роду занятий (перевзвешенная выборка)
Table 3
Spreading of respondents by age and occupation (reweighted sample)

Возраст	%
25-34	40,2
35-44	59,8
Итого	100,0
Род занятий	
ИП, собственник бизнеса	1,9
Руководитель высшего/ среднего звена	5,0
Специалист	35,5
Служащий	30,6
Квалифицированный рабочий	12,5
Представитель творческой профессии, фрилансер	5,2
Домохозяйка, в декрете	9,3
Итого	100,0

В 60% случаев инициатором развода была женщина, по инициативе супруга развелись только 15% опрошенных (рис. 4).

Это аналогично результатам опроса исследовательского центра Superjob (57% разводов инициируют женщины).

Рис. 4. Кто чаще выступает инициатором развода
Fig. 4. The initiator of the divorce

Пик разводов приходится на период с 6 до 10 лет (33% разводов), но также большое число разводов респондентки указывают в промежутках 2-3 года и 3-5 лет (рис. 5).

Больше половины женщин (52%) развелись в возрасте 25-34 года, еще 28% – до 24 лет. Ожидаемо, возраст женщины напрямую связан с длительностью брака (рис. 6):

63% браков женщин до 24 лет длились менее 3 лет, в то время как у женщин 35-44 лет таких «скоропостижных» браков всего лишь 13%.

Мужчины чаще женщин являются инициаторами развода в первые три года брака (50% против 30% соответственно).

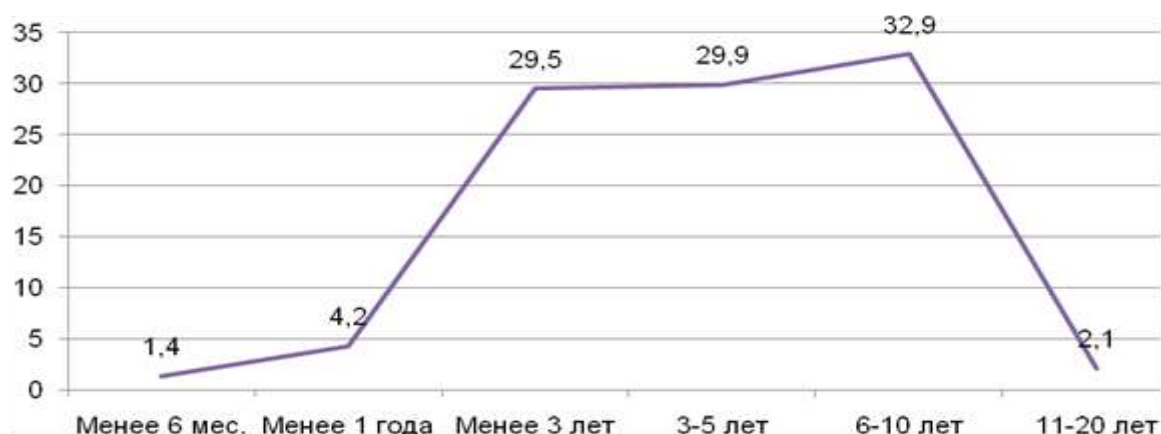

Рис. 5. Частота разводов в зависимости от продолжительности брака
Fig. 5. The frequency of divorces depending on the duration of the marriage

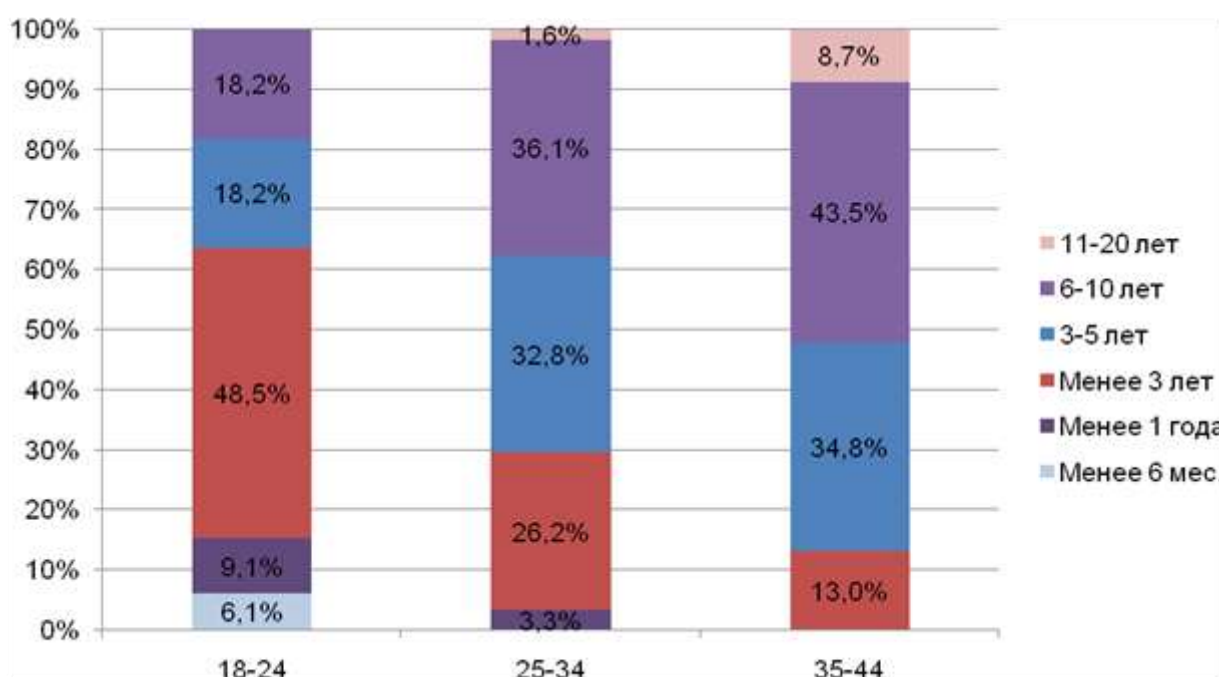

Рис. 6. Взаимосвязь продолжительности брака и возраста супругов
Fig. 6. The relationship of marriage duration and age of spouses

Только 35% разводов пришлось на семьи без детей. 46% браков распались при наличии одного ребенка, еще 19% – даже при наличии 2 и более детей (рис. 7). Причем, расхожее мнение, что женщину в браке держат дети – не отражает реальность. В 73% браков, распадающихся по инициативе женщины, есть 1 или несколько детей, а в случае мужской инициативы эта цифра

гораздо меньше (40%). Объяснить это можно, вероятно, несколькими причинами: мужчины уходят из бездетных браков строить новую семью с наследниками и/или мужчины не хотят терять детей при разводе. Тот факт, что женщину не останавливают от развода даже 2 детей (25% случаев), говорит о ее сильной неудовлетворенности браком.

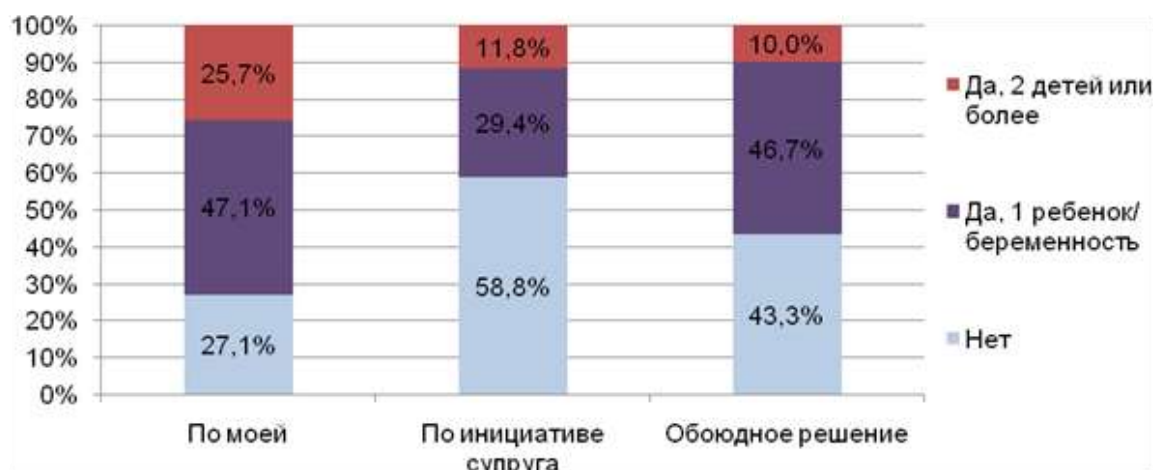

Рис. 7. Взаимосвязь наличия детей в браке и инициаторов развода

Fig. 7. The relationship between the presence of children in marriage and the initiators of divorce

Анализ причин разводов. Если говорить о причинах разводов, то объективная статистика в России отсутствует. Опросы социологических служб, например, ВЦИОМ, охватывают все население и касаются предположений о причинах абстрактных разводов, так называемый «вопрос о третьих лицах» (Хачатрян, 2017). Статистика, собираемая органами ЗАГС при расторжении браков, слишком обобщенная, например, фактор «психологическая и практическая неготовность партнеров к семейной жизни» включает и грубость партнеров, и нежелание или неумение вести быт или ухаживать за детьми, и неумение находить компромиссы, и жадность одного из супругов. Кроме того, списки причин в опросах зачастую смешивают предпосылки для разводов (например, обстоятельства вступления в брак, обстоятельства семейной жизни), конкретные факты/случаи, эмоции и чувства в браке, но каким-то выборочным образом.

Так, в опросе ВЦИОМ в 2015 году выявили (Хачатрян, 2017), что основной причиной разводов называют бедность и безработицу (25%), на втором месте идет измена одного из супругов (14%). Также, по словам респондентов, к разводу может привести эгоизм (13%) и несовпадение характеров (12%). Для других поводом к расставанию могут стать бытовые проблемы (7%), отсутствие жилья (6%), алкоголизм или наркомания (7%) и др.

Большинство исследований (как правило – до 2010 года) главной причиной развода называют алкоголизм или наркоманию одного из супругов в 40% случаев, еще в четверти – проживание вместе с родственниками, отсутствие собственного жилья. Другие авторы так расставляют причины разводов: трудные жилищные условия, ранний возраст вступления в брак и ранние беременности, измены, алкоголизм, финансовые проблемы, отсутствие взаимопонимания.

Развод – явление многофакторное, и выделить 1-2 причины кажется маловероятным. Кроме того, можно заметить, что в один ряд ставятся факторы, которые одновременно могут быть как причиной, так и следствием, например, измена супруга может стать причиной отдаления между партнерами, а может быть и наоборот.

В проведенном нами исследовании предлагается иной подход к оценке факторов, ведущих к разводу в семье. Респондентам предлагалось отметить факты, ситуации, явления, которые имели место быть в конкретной семье. Всего было предложено 7 блоков: обстоятельства вступления в брак, быт, детский вопрос, сексуальные отношения, материальный вопрос, климат в семье и чувства/эмоции. На наш взгляд, это должно позволить сформировать более общую картину с детальным пониманием происходящего в браке, закончившемся разводом (рис. 8).

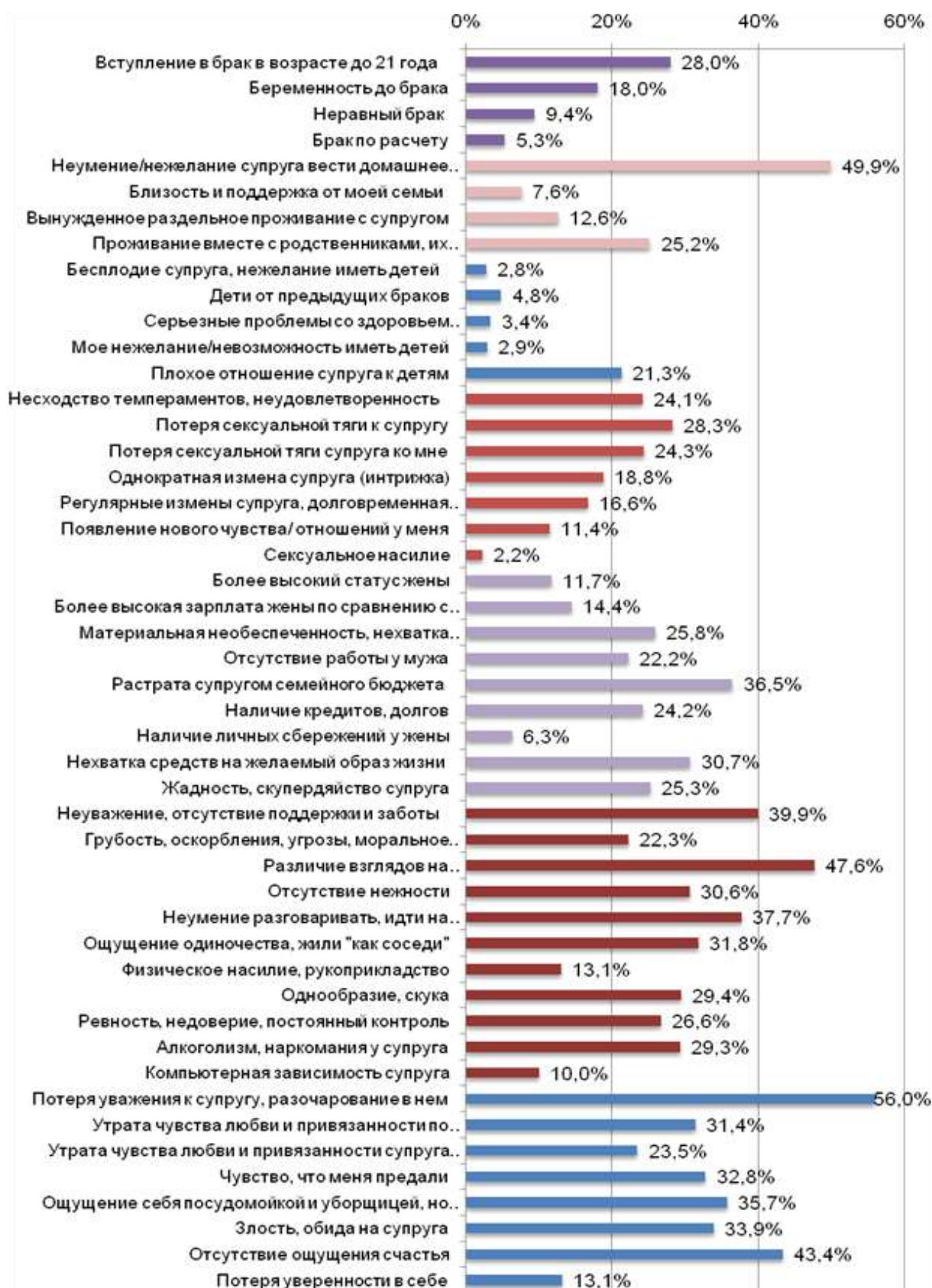

Рис. 8. Обстоятельства браков, закончившихся разводом
Fig. 8. Circumstances of divorced marriages

Проанализируем каждый блок факторов. В 28% разведенных семей имело место быть вступление в брак в возрасте до 21 года. Считается, что супруги в столь молодом возрасте еще психологически и практически не подготовлены к семейной жизни, что и становится причиной развода. Еще в 18% случаев была беременность до брака, что снижает для партнеров возможность хорошо узнать друг друга и сделать свободный выбор.

В 50% разведенных пар женщины отмечают неумение и нежелание супруга вести домашнее хозяйство и помогать в повседневных делах по дому, вероятно, это создает напряжение в семьях, копится усталость жены и ее разочарование в супруге. Причем, эта проблема существует практически на одинаковом уровне в семьях вне зависимости от возраста женщины на момент развода. Еще четверть женщин указывают на совместное проживание с родственниками и их вмешательство в дела семьи.

Вопрос деторождения (по сравнению с другими сторонами брака) выглядит достаточно спокойной областью (менее 5% практически по всем пунктам). Однако важный аспект распавшихся браков – плохое отношение супруга к детям – отметили в 21% случаев, он наиболее актуален для женщин, которые развелись в возрасте от 25 до 44 лет. А для молодых женщин 18-24 более важной проблемой стали трудности с воспитанием ребенка, вероятно, неготовность к новой роли матери или неумение справляться с новыми обязанностями усиливают напряженность в браке до критических значений.

Секс, напротив, является одной из точек кипения в распавшихся семьях. Больше четверти женщин отмечают взаимное отсутствие сексуальной тяги друг к другу, а также неудовлетворенность сексуальной жизнью из-за несходства темпераментов и разных предпочтений. Последний фактор чаще отмечается у женщин, подавших на

развод в возрасте до 24 лет (вероятно, на качестве сексуальной жизни сказывается отсутствие опыта) и 35-44 лет (возможно, вследствие сокращения частоты секса в паре). 19% респонденток отмечают факты единичных измен супруга, еще 17% – регулярные измены. Причем, появление нового чувства у супруга на стороне, так и появление нового чувства у женщины характерны для ответов более старшей группы женщин.

Сексуальное насилие в среднем по выборке составляет 2,0%, однако наивысший показатель наблюдается в группе молодых женщин (5,3%). Характерно, что они также чаще остальных отмечают грубость, моральное насилие в семье, рукоприкладство. Вероятно, в молодом возрасте женщины меньше всего способны постоять за себя (прежде всего психологически не готовы) и становятся объектом насилия со стороны более авторитарного мужа.

В материальной сфере главными болевыми точками стали растраты супругом семейного бюджета (36%), нехватка средств на желаемый образ жизни (так подогреваемый соц. сетями и заставляющий сравнивать свою семью с другими) и на основные потребности, жадность супруга, наличие кредитов и безработный статус мужа (22%). Подтверждается истина, что напряженная ситуация в семье зачастую связана с денежными проблемами.

Климат в распавшихся семьях очень напряженный: это отсутствие духовной близости (47%), неуважение (40%), неумение идти на компромиссы и эгоизм (38%), одиночество (32%). Достаточно часто (29% случаев) женщины отмечают алкоголизм супруга, а каждая восьмая – факты физического насилия.

В итоге, женщины теряют уважение к супругу (56% случаев), без которого сложно строить дальнейшие отношения. Больше 40% опрошенных отмечают, что в браке у них не было ощущения счастья. Еще 36% женщин в браке считали себя скорее прислугой, чем любимой женщиной. По

мнению социологов, такие факторы как причины развода преимущественно характерны для американского общества: американцы очень трезво оценивают качество своего брака, как если бы это был материальный объект потребления, вроде автомобиля. Если отношения в семье их не удовлетворяют, они, не колеблясь, идут на разрыв. Возможно, что для вполне самодостаточных молодых женщин, выросших не в эпоху СССР, понятия «долг», «все так живут» или «надо пожертвовать собой ради...» отходят на второй план, уступая место гедонизму, ориентации на собственные чувства и переживания, уверенности в возможности выбирать свою судьбу и менять качество жизни.

Подчеркнем, что нельзя однозначно сказать, что из указанных факторов стало причиной развода, что – катализатором, а что – просто сопутствующим обстоятельством.

Препятствия для разводов. По данным ВЦИОМ (2015 год), россияне считают главным препятствием для развода трудности, связанные с решением вопроса о том, с кем должны остаться дети после расставания родителей (32%). Каждый четвертый полагает, что супругов вместе удерживает

материальная зависимость (26%), сложности с разделом имущества (26%). По мнению других, сохранить семью могут религиозные убеждения – 18%, осуждение родных и близких – 13%. Еще 12% думают, что помешать расторжению брака способно нежелание проходить тяжелую бракоразводную процедуру. В то же время 28% опрошенных уверены – ничто не должно стать препятствием на пути к разводу, если это решение окончательное.

Для провинциальных женщин самой серьезной причиной оставаться в напряженном браке являются общие дети (43%). Эти женщины чаще остальных поддерживают мнение о необходимости полноценной семьи для воспитания ребенка (рис. 9).

На втором месте – остатки прежних чувств (29%), что ожидаемо с учетом отмеченных проблем в эмоциональной и духовной сфере (возможно, при их отсутствии брак имел бы шанс на спасение). Следующие строчки рейтинга связаны с неумением женщины жить одной – как в плане быта, так и в материальном плане. Еще 18% отказались бы от развода, если бы существовал риск остаться без ребенка. Для 21% женщин непреодолимых препятствий на пути к разводу нет.

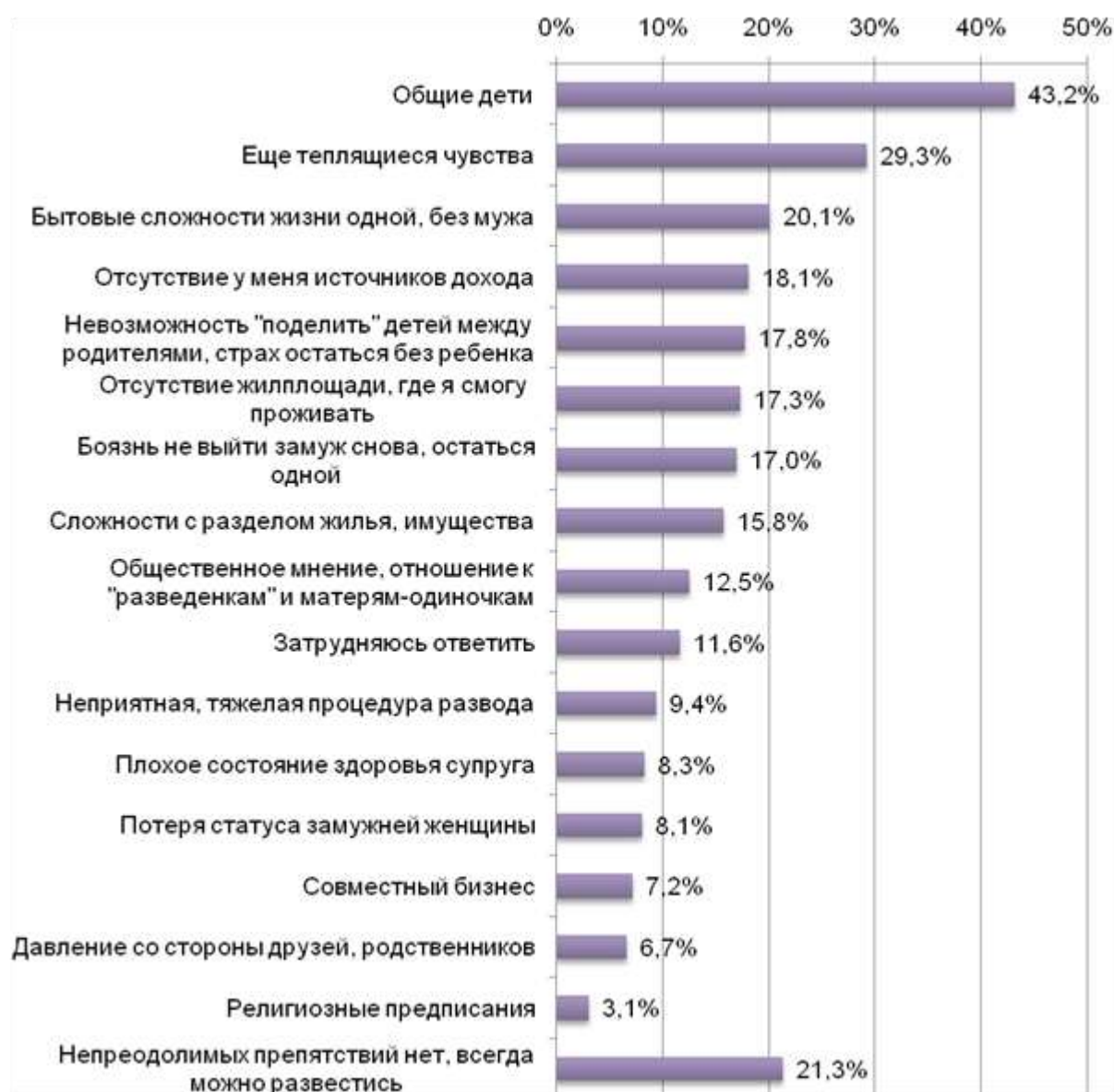

Рис. 9. Основные препятствия для разводов

Fig. 9. The main obstacles to divorce

Отношение к браку. Опираясь на данные, полученные ВЦИОМ, выборка была перевзвешена, чтобы соблюсти пропорции

женщин, состоящих в браке, по группам возраста и занятости (табл. 4). Всего опрошено 176 женщин, состоящих в браке.

Таблица 4
Распределение респондентов по возрасту и роду занятий (перевзвешенная выборка)
Table 4
Distribution of respondents by age and occupation (rescaled sample)

Возраст	%
25-34	44,6
35-44	55,4
Итого	100,0
Род занятий	
ИП, собственник бизнеса	2,4
Руководитель высшего/ среднего звена	5,0
Специалист	27,6
Служащий	24,9
Квалифицированный рабочий	12,5
Представитель творческой профессии, фрилансер	1,4
Домохозяйка, в декрете	15,6
Затрудняюсь ответить	2,4
Итого	100,0

Среди опрошенных состоящих в браке женщин 25-44 лет, занятых квалифицирован-

ным трудом или находящихся в декрете, 45% состоят в браке 6-10 лет (рис. 10).

Рис. 10. Распределение респонденток по продолжительности брака
Fig. 10. Distribution of respondents by marriage duration

Три четверти опрошенных женщин довольно мудро полагают, что в конфликтах в семье обычно виноваты оба супруга. Главные горячие точки семейной жизни – это бытовые вопросы (56% семей), взаимопонимание и эмоциональная сфера (46%), материальные вопросы (41%). Возможно,

преобладание эмоциональных проблем над материальными является отличительной чертой семей «белых воротничков», имеющих стабильный неплохой доход и уровень потребностей более высокого порядка (рис. 11).

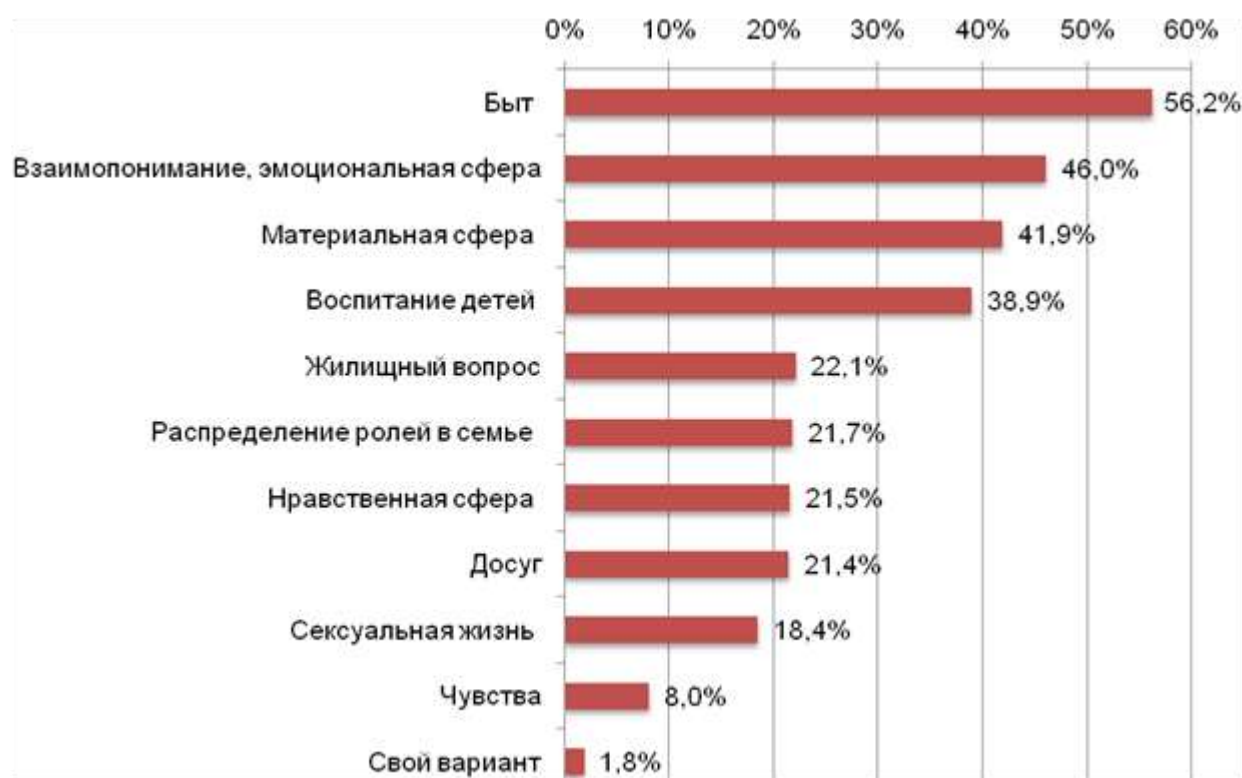

Рис. 11. Основные причины семейных конфликтов в семьях опрошенных
Fig. 11. The main causes of family conflicts in the respondents' families

Мы провели кластерный анализ, чтобы выявить сходные наборы ответов – профили семей, «несчастливых по-своему». На диаграмме видно, что по многим вопросам профили достаточно близки (жилищный вопрос, быт, секс, воспитание детей, нравственные вопросы). Но у первого типа семей (39,5%) краеугольным камнем становятся денежные вопросы и распределение ролей в семье (в частности, кто добытчик) –

при отсутствии проблем с чувствами и взаимопониманием. Чаще это семьи женщин 35-44 лет, относящихся к категории служащих. Причем, их личный доход либо 10-20 тыс. руб. (тогда можно предположить сложности с обеспеченностью семьи в целом) либо 40-50 тыс. руб. (тогда можно предположить конфликты с супругом на почве высокой зарплаты жены, подмены ролей, завышенных требований) (рис. 12).

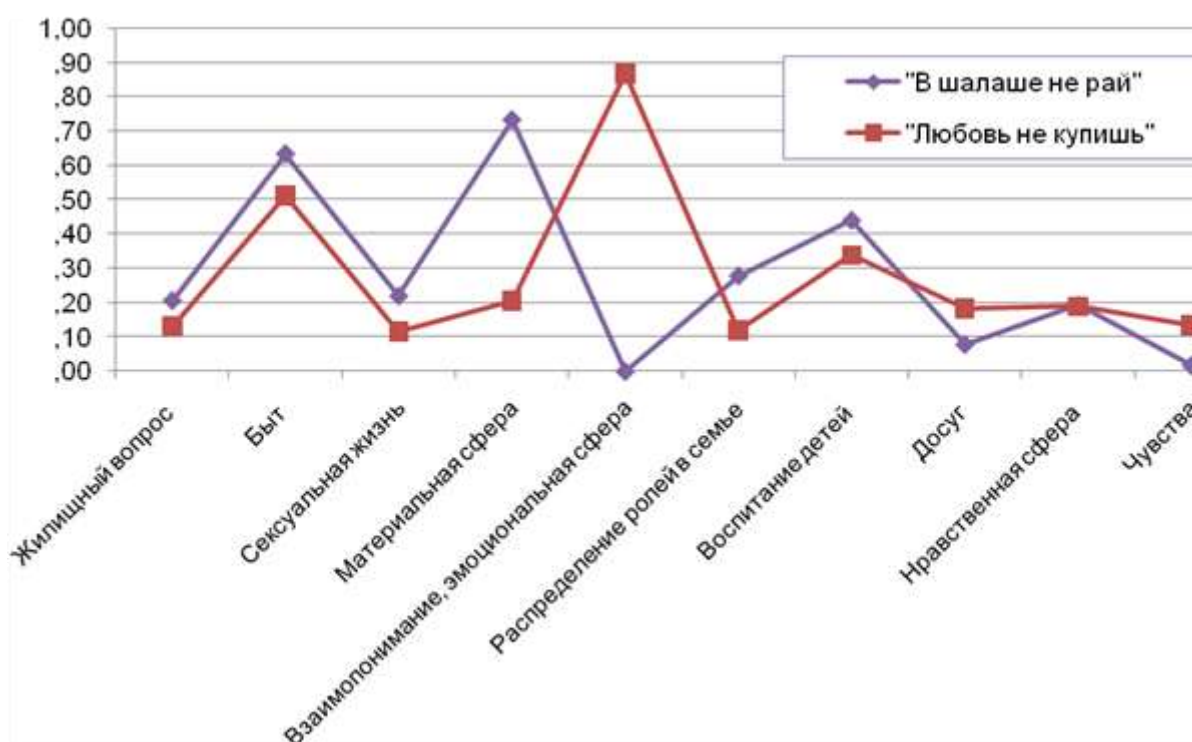

Рис. 12. Типы семей в зависимости от причин конфликтов
Fig. 12. Types of families depending on the causes of conflict

Второй тип семей (45%) – полная противоположность: у них сложности в отношениях, эмоциях друг к другу, даже с досугом, хотя материальная обеспеченность не вызывает значительных сложностей. Это чаще характерно для женщин 25-34 лет, работающих на хороших позициях – руководителями или специалистами (вероятно, склонных к рефлексии) или находящихся дома (возможно, вследствие высокой потребности в эмоциональной поддержке со стороны мужа).

Топ-3 способов, помогающих преодолеть семейные конфликты и сохранять брак, можно охарактеризовать как «умение понимать и ценить другого»: это работа обоих супругов – договариваться, искать компромиссы, уважать чувства и мотивы второго, видеть хорошее в супруге рис. 13).

Следующим секретом сохранения брака женщины считают правильное распределение ролей: женщина должна быть женщиной, не брать на себя мужские обязанности в попытке что-то доказать мужчине, не содержать семью.

И еще два важных момента – не замалчивать проблемы и не допускать выяснений отношений – можно объединить в фактор «дипломатичное решение проблем», то есть женщины понимают, что слепо прощать супругу его недостойное поведение, закрывать глаза на раздражающие вещи, ссориться из-за этого – это путь к распаду семьи. Следующий секрет – это постоянное развитие личности: женщина понимает, что нужно быть интересной личностью, удивлять супруга и не ограничиваться только хозяйственными функциями и ролями.

Советы женщин по сохранению брака в основном касаются взаимопонимания, умения уступать и находить компромиссы, необходимости поддерживать и хвалить мужа. Некоторые советы кажутся противоположностями: умение иногда промолчать – и необходимость говорить о проблемах, совместный отдых – и отдых по отдельности, быть откровенными друг с другом – и не рассказывать мужу о себе все.

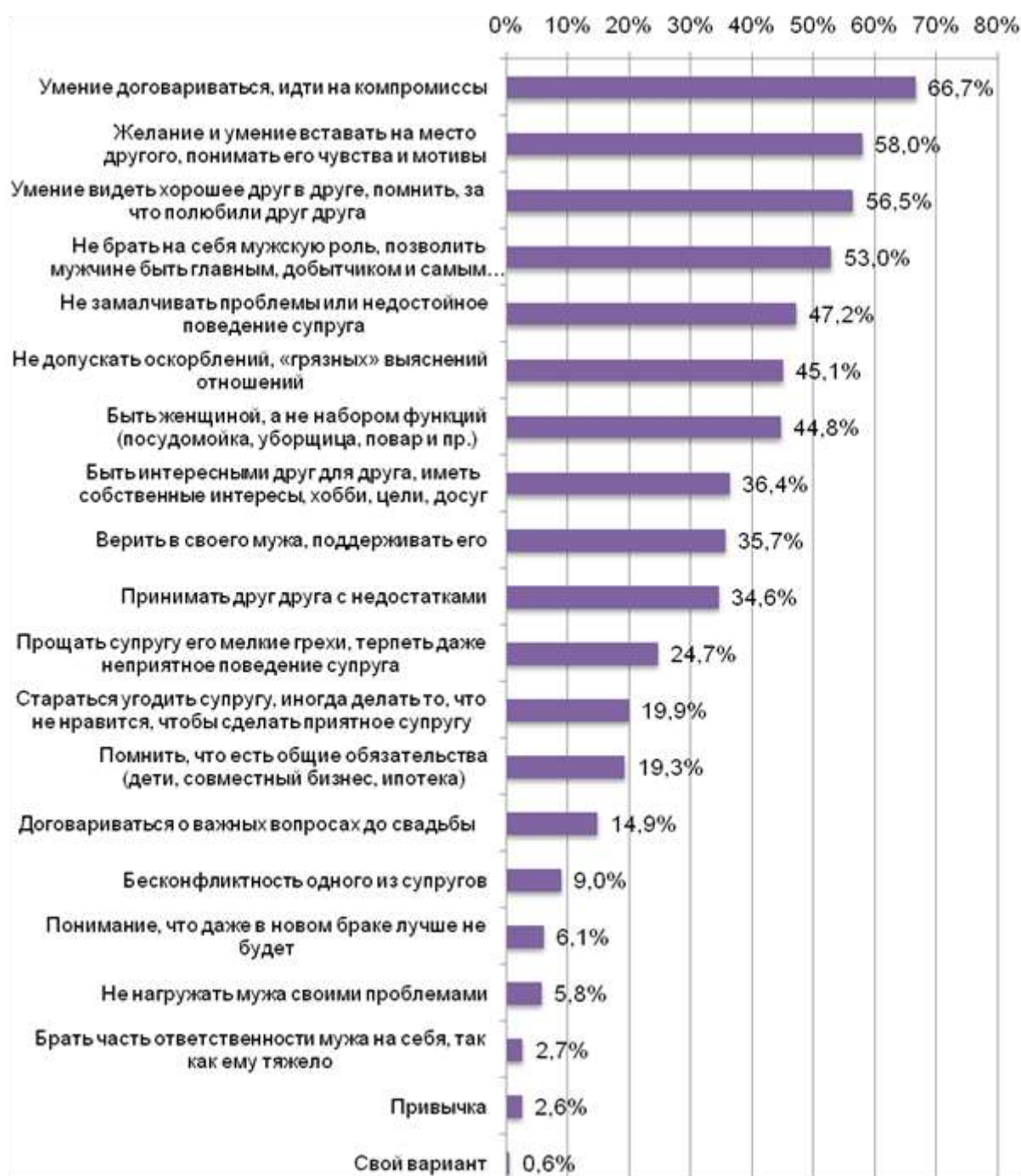

Рис. 13. Основные способы, помогающие преодолевать семейные конфликты

Fig. 13. The main ways to help overcome family conflicts

Дополнительно укажем еще некоторые интересные советы:

- Не просматривать телефон супруга;
- Крик не решает проблем, а только рассеивает внимание;
- Считать до ста, потом говорить;
- Хвалить, даже если не за что;
- Чудить, дурачиться и веселиться;
- Быть загадкой для своего мужчины;
- 15 минут одиночества мужу после работы;
- Четко знать и говорить, какой подарок нужен;

- Не затягивать с детьми;
- Никогда не спать на разных кроватях при ссоре и не уходить из дома/ уезжать к маме;
- Не пытаться переделать супруга, а попытаться изменить ситуацию.

Для женщин, которые находятся в браке, в гипотетической ситуации угрожающего развода препятствиями стали бы общие дети (66,5%) и еще теплящиеся чувства (52%).

Это сильно отличается от ответов уже разведенных женщин, где дети и чувства в меньшей степени останавливают женщин. Разведенные чаще считают, что непреодолимых препятствий нет (21% – против 9% у семейных женщин). Также разница заметна в том, что разведенные женщины чаще семейных называют более «прозаичные», материальные причины: сложности с разделом жилья и имущества, отсутствие источников дохода, совместный бизнес (рис. 14).

Рис. 14. Препятствия для развода в зависимости от статуса респонденток (в браке, разведенные)

Fig. 14. Obstacles to divorce depending on the status of respondents (married, divorced)

Заключение (Conclusions). Институт брака востребован и имеет перспективы, несмотря на многочисленные мнения западных коллег о его упадке или даже смерти. Периодическая моногамия является хорошо прослеживаемым трендом, который поддерживается и одобряется обществом. Современный социум поощряет поиск супругов на жизнь в семье более высокого качества в личных взаимоотношениях (утверждая ценность гедонизма и предлагая различные стратегии достижения личного счастья, иногда в ущерб счастью семейному). В то же время обществу необходимо сформировать просветительские программы, снижающие риски разводимости для различных целевых аудиторий.

В любых семьях происходят конфликты. Но в распавшихся семьях к разводу приводит отсутствие взаимопонимания, разные взгляды на жизнь, отсутствие эмоциональной близости, в то время как именно это и помогает успешным парам сохранять брак.

Параметр «разные взгляды на жизнь, отсутствие эмоциональной близости» чаще связан с ранним вступлением в брак, неравным браком или браком по расчету. То есть такие обстоятельства создания семьи зачастую не имеют ничего общего с формированием взаимопонимания между супругами, и, следовательно, создают предпосылку для распада семьи. И наоборот, если супруги женились «добровольно» и обдуманно, то в семье есть нужный уровень доверия, готовность слышать друг друга, понимать и уважать чужую точку зрения. В итоге, как поет Лариса Долина, «главней всего – погода в доме, а все другое – суета»: наличие взаимопонимания помогает легче справляться с возникающими сложностями.

Выводы ВЦИОМа о том, что главными причинами разводов становятся материальная необеспеченность и измена одного из супругов, скорее всего, не отражают реальность (или же отражают мнения жителей мегаполисов). Денежные проблемы при наличии взаимопонимания не

станут катализатором развода, а измена супруга может быть лишь следствием отсутствующей душевной близости.

Еще одно важное обстоятельство, имеющее место быть в распавшихся семьях, и главный источник конфликтов в семьях – это быт, в частности – неумение или нежелание супруга заниматься домашними делами, разделять повседневные дела. Многим мужчинам удобно придерживаться точки зрения, что «не мужское это дело – по дому хлопотать», однако женщины все больше становятся полноправными «добытчиками» в семьях и подобные патриархальные установки выглядят несправедливыми и неуместными, что и становится причиной конфликтов.

Список литературы

- Бессеченова О. В. Отношение современной учащейся молодежи к семье и браку // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления: материалы всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 28 февраля 2014 г. Екатеринбург: УрФУ, 2014. Т. 1. С. 29-32.
- Воронина Т. Д. Развод как социальный феномен в современной России: причины и последствия. Опыт регионального исследования // Вестник Томск. гос. ун-та. Сер. Философия. Политология. Социология. 2011. № 1. С. 21-31.
- Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107-134.
- Камышова Е. В. Социокультурная детерминация отношения к разводам в современном поликультурном обществе // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 84-89.
- Колпакова А. С. Гендерный анализ причин развода в социально-психологических отечественных исследованиях // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 2. С. 22-30.
- Лагойда Н. Г. Проблема стабильности брака и роста числа разводов в современном обществе // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 2. С. 86-95.
- Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
- Митрикас А. А. Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 65-73.

Павлова С. С., Смирнов А. Ю. Основные тенденции и последствия брачности и разводимости населения // Материалы межвуз. науч.-техн. конф. «Неделя науки». СПб., 2005. С. 65-66.

Пахомова Е. Ю. Браки и разводы: что изменилось в представлениях россиян // Психологический журнал. 2012. Т. 33, №3. С. 43-52.

Поппеное Д. Упадок американской семьи (1960–1990): обзор и оценка // Вестник МГУ. Сер. Социология и политология. 1996. № 3. С. 65-72.

Синельников А. Б. Социально одобряемые причины развода в прошлом и настоящем // Социологические исследования. 1992. №2. С. 27–38.

Софронова Т. Г. Особенности и тенденции брачности в России (Электрон. ресурс) // Инициативы XXI века: (сайт журн.). 2010. № 3. URL: <http://www.ini21.ru/?id=1080>

Тереза Е. Б. Семья: брак, развод // Теория и практика обществ. развития. 2006. Т. 2, № 5. С. 70-72.

Терелецкова Е. В. Роль гендерного фактора в разводах: демографические и социальные аспекты: (на данных исследований в Башкортостане): дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2007.

Хачатрян Л. А. Вероятность развода как фактор дестабилизации семьи (на примере семей Пермского края) // Демографический потенциал стран ЕАЭС: VIII Уральский демографический форум. Том I. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 399-405.

Amato P. R., Booth A. The legacy of parent's marital discord: Consequences for children's marital quality // Journal of Personality & Social Psychology. 2001. № 81. P. 627-638.

Amato P. R., Johnson D. R., Booth A., Rogers S. J. Continuity and change in marital quality between 1980 and 2000 // Journal of Marriage and Family. 2003. № 65. P. 1-22.

Beck U., Beck-Gernsheim E. Families in a runaway world // The Blackwell Companion to the Sociology of Families. Scott J., Treas J., Richards M. (eds.) Oxford: Blackwell Publishers; 2004. P. 498-514.

Booth A., Edwards J. N. Starting over: Why remarriages are more unstable // Journal of Family Issues. 1992. № 13. P. 179-194.

Bulanda J. R., Brown S. L. (2007). Race – ethnic differences in marital quality and divorce // Social Science Research. 2007. № 36. P. 945-967.

Cancian F. M. Love in America: Gender and Self-Development. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Collardeau F., Ehrenberg M. Parental Divorce and Attitudes and Feelings toward Marriage and Divorce in Emerging Adulthood: New Insights from a Multiway-Frequency Analysis // Journal of European Psychology Students. 2016. № 7(1). P. 24-33.

Cui M., Wickrama K. A. S., Lorenz F. O., Conger R. D. Linking parental divorce and marital discord to the timing of emerging adults' marriage and cohabitation // Romantic Relationships in Emerging Adulthood; Fincham F. D., Cui M. (eds.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2011. P. 123-141.

Dominguez-Folgueras M., Castro-Martin T. Cohabitation in Spain: No Longer a Marginal Path to Family Formation // Journal of Marriage and Family. 2013. № 75. P. 422-437.

Ellison C. G., Walker A. B., Glenn N. D., Marquardt E. The effects of parental marital discord and divorce on the religious and spiritual lives of young adults // Social Science Research. 2011. № 40(2). P. 538-551.

Forste R., Tanfer K. Sexual exclusivity among dating, cohabiting, and married women // Journal of Marriage and the Family. 1996. № 58. P. 33-47.

Giddens A. The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. Cambridge: Polity Press, 1992.

Hall S. S. Marital Meaning // Journal of Family Issues. 2006. № 27(10). P. 1437-1458.

Hohmann-Marriott B. E. Shared beliefs and the union stability of married and cohabiting couples // Journal of Marriage and Family. 2006. № 68. P. 1015-1028.

Jones G., Nelson E. Expectations of marriage among college students from intact and non-intact homes // Journal of Divorce & Remarriage. 1996. P. 171-189.

Light A. Gender differences in the marriage and cohabitation income premium // Demography. 2004. № 41. P. 263-284.

Markland S. R., Nelson E. S. The relationship between familial conflict and the identity of young adults // Journal of Divorce and Remarriage. 1993. № 20. P. 193-209.

Nock S. L. A comparison of marriages and cohabiting relationships // Journal of Family Issues. 1995. № 16. P. 53-76.

Nye F. I., Hoffman L. N. W. The Employed Mother in America. New York: Literary Licensing, LLC. 2012.

Perelli-Harris B., Gerber T. P. Nonmarital Fertility in Russia: Second Demographic Transition or Pattern of Disadvantage? // *Demography*. 2011. № 48. P. 317-342.

Poortman A. R., Lyngstad T. H. Dissolution risks in first and higher order marital and cohabiting unions // *Social Science Research*. 2007. № 36. P. 1431-1446.

Ross C. E., Mirowsky J. Parental divorce, life-course disruption, and adult depression // *Journal of Marriage and the Family*. 1999. № 61(4). P. 1034-1045.

Roth K. E., Harkins D. A., Lauren A. E. Parental conflict during divorce as an indicator of adjustment and future relationships: A retrospective sibling study // *Journal of Divorce and Remarriage*. 2014. № 55(2). P. 117-138.

Skinner K. B., Bahr S. J., Crane D. R., Call V. R. Cohabitation, marriage, and remarriage: A comparison of relationship quality over time // *Journal of Family Issues*. 2002. № 23. P. 74-90.

Soons J. P. M., Kalmijn M. Is marriage more than cohabitation? Well-being differences in 30 European countries // *Journal of Marriage and Family*. 2009. № 71. P. 1141-1157.

Stacey J. Good Riddance to «The Family»: A Response to David Popenoe // *Journal of Marriage and Family*. 1993. № 55. P. 545-547.

Treas J., de Ruijter E. Earnings and expenditures on household services in married and cohabiting unions // *Journal of Marriage and Family*. 2008. № 70. P. 796-805.

White L. K., Booth A. (1985). The quality and stability of remarriages: The role of stepchildren // *American Sociological Review*. 1985. № 50. P. 689-698.

Wu Z., Penning M. J., Pollard M. S., Hart R. «In sickness and in health»: Does cohabitation count? // *Journal of Family Issues*. 2003. № 24. P. 811-838.

Yabiku S. T., Gager C. T. Sexual frequency and the stability of marital and cohabiting unions // *Journal of Marriage and Family*. 2009. № 71. P. 983-1000.

Yu T., Alder-Baeder F. The intergenerational transmission of relationship quality: The effects of parental remarriage quality on young adults' relationships // *Journal of Divorce and Remarriage*. 2007. № 47. P. 87-102.

References

Besschestnova, O. V. (2014), "Modern attitude of students to family and marriage", *Current problems of the sociology of youth, culture, education and management: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*, UrFU, Ekaterinburg, Russia, 1, 29-32. (In Russian).

Voronina, T. D. (2011), "Divorce as a social phenomenon in modern Russia: causes and consequences. Regional Research Experience", *Vestnik Tomsk. gos. un-ta. Ser. Filosofiya. Politologiya. Sociologiya*, (1), 21-31. (In Russian).

Giddens, E. H. (1994), "Fate, Risk and Security", *THESIS*, 5, 107-134. (In Russian).

Kamyshova, E. V. (2014), "Sociocultural Determination of Contemporary views on divorces in a Multiethnic Society", *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (1), 84-89. (In Russian).

Kolpakova, A. S. (2015), "Gender analysis of reasons for divorce in Russian Sociol-psychological research", *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo*, 6 (2), 22-30. (In Russian).

Lagoyda, N. G. (2017), "Problems of marriage stability and the increasing number of divorces in modern society", *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 86-95. (In Russian).

Luman, N. (2004), *Society as a social system*, Logos, Moscow, Russia. (In Russian).

Mitrikas, A. A. (2004), "Family as a Value: State and Prospects of Value Choice in European Countries", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (5), 65-73. (In Russian).

Pavlova, S. S. and Smirnov, A. Yu. (2005), "The main trends and consequences of marriage and divorce", *Materials of the interuniversity scientific conference "Science Week"*, Saint Petersburg, Russia, 65-66. (In Russian).

Pakhomova, E. Yu. (2012), "Marriages and divorces: what has changed in the views of Russians", *Psikhologicheskii zhurnal*, 33 (3), 43-52. (In Russian).

Poppenoeh, D. (1996), "The Decline of the American Family (1960-1990): A Review and Assessment", *Vestnik MGU. Ser. Sociologiya i politologiya*, (3), 65-72. (In Russian).

Sinelnikov, A. B. (1992), "Socially approved reasons for divorce in the past and present", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (2), 27-38. (In Russian).

Sofronova, T. G. (2010), "Features and trends of marriage in Russia", *Initsiativy XXI veka*,

(3), available at: <http://www.ini21.ru/?id=1080> (In Russian).

Tereza, E. B. (2006), "Family: marriage, divorce", *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2 (5), 70-72. (In Russian).

Tereleckova, E. V. (2007), "The role of gender in divorces: demographic and social aspects: (based on research in Bashkortostan)", Ph.D. Thesis, Ufa, Russia. (In Russian).

Khachatryan, L. A. (2017), "The probability of divorce as a factor destabilization of the family (the example of the families of the Perm region)", *Demographic potential of the EAEC countries: VIII Ural Demographic Forum*, Institut ekonomiki UrO RAN, Ekaterinburg, Russia, 1, 399-405. (In Russian).

Amato, P. R. and Booth, A. (2001), "The legacy of parent's marital discord: Consequences for children's marital quality", *Journal of Personality and Social Psychology*, (81), 627-638.

Amato, P. R., Johnson, D. R., Booth, A. and Rogers, S. J. (2003), "Continuity and change in marital quality between 1980 and 2000", *Journal of Marriage and Family*, (65), 1-22.

Beck, U. and Beck-Gernsheim, E. (2004), "Families in a runaway world", in Scott, J., Treas, J. and Richards, M. (eds.), *The Blackwell Companion to the Sociology of Families*, Blackwell Publishers, Oxford, UK, 498-514.

Booth, A. and Edwards, J. N. (1992), "Starting over: Why remarriages are more unstable", *Journal of Family Issues*, (13), 179-194.

Bulanda, J. R. and Brown, S. L. (2007), "Race – ethnic differences in marital quality and divorce", *Social Science Research*, (36), 945-967.

Cancian, F. M. (1987), *Love in America: Gender and Self-Development*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Collardeau, F. and Ehrenberg, M. (2016), "Parental Divorce and Attitudes and Feelings toward Marriage and Divorce in Emerging Adulthood: New Insights from a Multiway-Frequency Analysis", *Journal of European Psychology Students*, (7), 24-33.

Cui, M., Wickrama, K. A. S., Lorenz, F. O. and Conger, R. D. (2011), "Linking parental divorce and marital discord to the timing of emerging adults' marriage and cohabitation", in Fincham, F. D. and Cui, M. (eds.), *Romantic Relationships in Emerging Adulthood*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 123-141.

Dominguez-Folgueras, M. and Castro-Martin, T. (2013), "Cohabitation in Spain: No Longer

a Marginal Path to Family Formation", *Journal of Marriage and Family*, (75), 422-437.

Ellison, C. G., Walker, A. B., Glenn, N. D., Marquardt, E. (2011), "The effects of parental marital discord and divorce on the religious and spiritual lives of young adults", *Social Science Research*, (40), 538-551.

Forste, R. and Tanfer, K. (1996), "Sexual exclusivity among dating, cohabiting, and married women", *Journal of Marriage and the Family*, (58), 33-47.

Giddens, A. (1992), *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*, Polity Press, Cambridge, UK.

Hall, S. S. (2006), "Marital Meaning", *Journal of Family Issues*, (27), 1437-1458.

Hohmann-Marriott, B. E. (2006), "Shared beliefs and the union stability of married and cohabiting couples", *Journal of Marriage and Family*, (68), 1015-1028.

Jones, G. and Nelson, E. (1996), "Expectations of marriage among college students from intact and non-intact homes", *Journal of Divorce and Remarriage*, 171-189.

Light, A. (2004), "Gender differences in the marriage and cohabitation income premium", *Demography*, (41), 263-284.

Markland, S. R. and Nelson, E. S. (1993), "The relationship between familial conflict and the identity of young adults", *Journal of Divorce and Remarriage*, (20), 193-209.

Nock, S. L. (1995), "A comparison of marriages and cohabiting relationships", *Journal of Family Issues*, (16), 53-76.

Nye, F. I. and Hoffman, L. N. W. (2012), *The Employed Mother in America*, Literary Licensing, LLC, New York, USA.

Perelli-Harris, B. and Gerber, T. P. (2011), "Nonmarital Fertility in Russia: Second Demographic Transition or Pattern of Disadvantage?", *Demography*, (48), 317-342.

Poortman, A. R. and Lyngstad, T. H. (2007), "Dissolution risks in first and higher order marital and cohabiting unions", *Social Science Research*, (36), 1431-1446.

Ross, C. E. and Mirowsky, J. (1999), "Parental divorce, life-course disruption, and adult depression", *Journal of Marriage and the Family*, (61), 1034-1045.

Roth, K. E., Harkins, D. A. and Lauren, A. E. (2014), "Parental conflict during divorce as an indicator of adjustment and future relationships: A

retrospective sibling study”, *Journal of Divorce and Remarriage*, (55), 117-138.

Skinner, K. B., Bahr, S. J., Crane, D. R. and Call, V. R. (2002), “Cohabitation, marriage, and remarriage: A comparison of relationship quality over time”, *Journal of Family Issues*, (23), 74-90.

Soons, J. P. M. and Kalmijn, M. (2009), “Is marriage more than cohabitation? Well-being differences in 30 European countries”, *Journal of Marriage and Family*, (71), 1141-1157.

Stacey, J. (1993), “Good Riddance to ‘The Family’: A Response to David Popenoe” *Journal of Marriage and Family*, (55), 545-547.

Treas, J. and de Ruijter, E. (2008), “Earnings and expenditures on household services in married and cohabiting unions”, *Journal of Marriage and Family*, (70), 796-805.

White, L. K. and Booth, A. (1985), “The quality and stability of remarriages: The role of stepchildren”, *American Sociological Review*, (50), 689-698.

Wu, Z., Penning, M. J., Pollard, M. S. and Hart, R. (2003), “‘In sickness and in health’: Does cohabitation count?”, *Journal of Family Issues*, (24), 811-838.

Yabiku, S. T. and Gager, C. T. (2009), “Sexual frequency and the stability of marital and cohabiting unions”, *Journal of Marriage and Family*, (71), 983-1000.

Yu, T. and Alder-Baeder, F. (2007), “The intergenerational transmission of relationship quality: The effects of parental remarriage quality on young adults’ relationships”, *Journal of Divorce and Remarriage*, (47), 87-102.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Духанина Любовь Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, Председатель Российского общества «Знание».

Каменева Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой общественного здоровья и здравоохранения Курского государственного медицинского университета.

Максименко Александр Александрович, доктор социологических наук, доцент, председатель Костромского регионального отделения Российского общества социологов.

Попова Галина Васильевна, кандидат исторических наук, член Костромского регионального отделения Российского общества социологов.

Lubov N. Dukhanina, Dr. Sci. (Education), Professor, Chairlady of the Russian «Znanie» Society.

Tatyana N. Kameneva, Dr. Sci. (Sociology), Head of the Department of Public Health and Health Care, Kursk State Medical University.

Alexandr A. Maximenko, Dr. Sci. (Sociology), Chairman of the Kostroma Branch of Russian Society of Sociologists.

Galina V. Popova, PhD in History, Member of the Kostroma Branch of Russian Society of Sociologists.

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-7

Мозговая А. В.¹
Шлыкова Е. В.²

Отношение к ценности жизни как фактор восприятия населением террористической угрозы

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия

¹mozgovai@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0001-6810-5931

²shlykova70@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0002-2875-271X

Статья поступила 6 апреля 2020 г.; принята 27 мая 2020 г.; опубликована 30 июня 2020 г.

Аннотация. Статья продолжает серию авторских публикаций в журнале и направлена на реализацию ранее разработанного подхода к пониманию противодействия общественно опасным явлениям как процессу институционально-гражданской адаптации. Апробация этого подхода в предшествующей публикации позволила зафиксировать асимметрию в скорости и успешности адаптации социальных институтов и гражданского общества. Этот факт обусловил актуальность и научно-практическую необходимость углубленного изучения потенциала гражданского участия в противодействии процессам и явлениям, угрожающим общественной безопасности. Исходным положением анализа в этой статье является тезис о том, что общественная безопасность зависит не только от институциональных акторов социальной среды, но и от рядовых граждан, обывателей. В статье предпринят анализ представлений населения о сущности экстремистских и иных выступлений группировок, деятельность которых связана с угрозой общественной безопасности, жизни, здоровью, благополучию людей, через установки различных категорий населения относительно допустимости насилия над самой жизнью. Определение степени фундаментальности установки на допустимость насилия над жизнью как высшей ценностью, осуществляется на основе фиксируемых личностных и средовых факторов, детерминирующих отношение к ценности жизни. Эмпирической базой анализа являются данные общероссийского опроса населения по квотной выборке, репрезентирующей поло-возрастную структуру и тип поселения. Общее количество респондентов составило три тысячи человек. Показано, что определяющими ценностью жизни факторами, обуславливающими отношение населения к деятельности экстремистских группировок, являются уровень образования, тип поселения и пол; удовлетворенность жизнью; уровень толерантности к иным взглядам; особенности поведения в конфликтных ситуациях; субъективная значимость материальных, физических, духовных ценностей. Обоснован методологический потенциал предложенного подхода для более глубокой рефлексии относительно установок населения на то или иное восприятие в ситуациях рисков, в том числе показаны возможности его применения в изучении статуса общественной безопасности в новой реальности – в условиях пандемии.

Ключевые слова: адаптация; общественная безопасность; установка; ценность жизни; риск; угроза; терроризм

Информация для цитирования: Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Отношение к ценности жизни как фактор восприятия населением террористической угрозы // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 101-116. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-7

Alla V. Mozgovaya¹
Elena V. Shlykova²

**Attitude to the value of life as a factor in the perception
of a terrorist threat by the population**

Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences

bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia

¹mozgovai@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0001-6810-5931

²shlykova70@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0002-2875-271X

*Received on April 06, 2020; accepted on May 27, 2020;
published on June 30, 2020*

Abstract. The article continues the series of author's publications in the Journal and is aimed at implementing the previously developed approach to understanding counteraction to socially dangerous phenomena as a process of institutional and civil adaptation. Testing this approach in the previous publication allowed us to fix the asymmetry in the speed and success of adaptation of social institutions and civil society. This fact has determined the urgency, scientific and practical need for an in-depth study of the potential of civil participation in countering the processes and phenomena that threaten public security. The starting point of the analysis in this article is the thesis that public security depends not only on the institutional actors of the social environment, but also on ordinary citizens, average people. The article analyzes the population's perceptions of the essence of extremist and other actions of groups whose activities are associated with a threat to public safety, life, health, and well-being of people, through the attitudes of various categories of the population regarding the permissibility of violence against life itself. Determining the degree of fundamental attitude to the permissibility of violence against life as the highest value is carried out on the basis of fixed personal and environmental factors that determine the attitude to the value of life. The empirical base of the analysis is the data of the all-Russian population survey on a quota sample that represents the gender-age structure and type of settlement. The total number of respondents was three thousand people. It is shown that the factors defining the value of life that determine the attitude of the population to the activities of extremist groups are the level of education, type of settlement and gender; life satisfaction; the level of tolerance to other views; features of behavior in conflict situations; the subjective significance of material, physical, and spiritual values. The methodological potential of the proposed approach for deeper reflection on the attitudes of the population to a particular perception in risk situations is substantiated, including the possibility of its application in the study of the status of public security in a new reality – in the context of the Covid-19 pandemic.

Keywords: adaptation; public safety; attitude; value of life; risk; threat; terrorism

Information for citation: Mozgovaya, A. V. and Shlykova, E. V. (2020), "View to the value of life as a factor of population's perception of the terrorist threat", *Research Result. Sociology and management*, 6 (2), 101-116, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-7.

Введение (Introduction). Безопасность представляет собой фундаментальную потребность человека. Абсолютной безопасности в антропогенной среде добиться невозможно, целью становится приемлемый риск. Процесс адаптации гражданского общества и институциональной системы к росту степени рискогенности среды базируется на заинтересованности в создании и эффективной работе системы защиты от социальных и природных рисков. Одним из общественно опасных явлений, обладающих природой социетальных рисков, «является террористическая угроза: терроризм влечет за собой обширные далеко идущие последствия..., сила же социальной системы проявляется в ее возможности принять террористический вызов..., преодолеть трудности благодаря адаптивным модификациям» (Щебланова, 2013: 271).

Общественная безопасность зависит как от институциональных акторов социальной среды, так и от рядовых граждан, обывателей. Разработанный авторами подход к пониманию противодействия общественно опасным явлениям «как процессу институционально-гражданской адаптации к рискогенной среде, позволил зафиксировать асимметрию в скорости и успешности адаптации... социальных институтов и гражданского общества» (Шлыкова, 2019: 116). Этот факт снижает эффективность обеспечения общественной безопасности в целом.

Результаты наших исследований позволяют обосновать вывод о том, что «население характеризуется низким уровнем адаптационного потенциала... и пассивной стратегией адаптации, обусловленной недооценкой важности гражданского участия и стремлением переложить ответственность за противодействие угрозам общественной безопасности на институциональный уровень» (Шлыкова, 2019: 116).

Отчасти это связано с установленным исследователями фактом, что социальную

активность и социальное поведение не в последнюю очередь формируют оценки рисков и угроз. Репрезентативный социологический опрос населения России по проблемам отношения к экстремизму позволил зафиксировать некоторые особенности массового сознания россиян (Толмач, 2009). Ряд исследований показал, что опасность террористической угрозы в социологических опросах респондентами оценивается невысоко. К примеру, в *региональном* рейтинге угроз и опасностей у населения Алтайского края террористическая угроза оказывается на последнем месте (Максимова, Ноянзина, Гончарова, Омельченко, Авдеева, 2011: 118), на уровне *государства* угроза терроризма и экстремизма ими оценивается высоко (Максимова, Гончарова, Ноянзина, 2012: 212). Общероссийские мониторинговые опросы показывают, что оценки населением действенности институциональных усилий по противодействию экстремизму и терроризму отражают динамику оценок защищенности в социальной сфере (Мозговая, 2018).

Актуальным представляется «углубленное изучение потенциала гражданского участия в противодействии терроризму; выявление факторов, способствующих наращиванию адаптационных ресурсов населения, формированию активных установок на участие в профилактике и противодействии терроризму, росту готовности разделить ответственность за снижение риска экстремистских проявлений в России с институциональными субъектами» (Шлыкова, 2019: 116).

Для социологической науки в связи с этим важной исследовательской задачей становится выявление социальной базы поддержки или противодействия процессам и явлениям, угрожающим общественной безопасности. Речь идет об анализе *установок, позиций, ценностей* различных категорий населения относительно противоправных действий, экстремистских и иных выступлений тех или иных группиро-

вок, деятельность которых связана с угрозой жизни, здоровью, благополучию людей.

Методология и методы (Methodology and methods). Учение об установке в психологии базируется на убеждении в том, что, не являясь содержанием сознания, установка «лежит в основе сознательных процессов», а именно «действия» и «активности» (Узнадзе, 1961: 41). А. Г. Асмолов в 1979-ом году обосновал «концепцию об уровневой природе установок (уровень смысловых установок, уровень целевых установок, уровень операциональных установок, уровень психофизиологических реализаторов установки) как механизмов, обеспечивающих устойчивость, стабильность целенаправленного поведения в ситуациях неопределенности» (Асмолов, 2017: 27).

Данные эмпирических исследований, накопленные специалистами в области прикладной психологии, относятся к анализу психологических особенностей установок носителей экстремистских взглядов. Выявлено, что потребность в безопасности и стабильности обуславливает консервативные взгляды на экономическое и культурное развитие (Malka, Soto, Inzlicht, Lelkes, 2014). Установлено также, что респонденты, разделяющие экстремистские взгляды, отличаются упрощенным восприятием социального мира, чем обуславливается их чрезмерная самонадеянность в суждениях и оценках и отсутствие толерантности по отношению к различным группам и иным взглядам (van Prooijen, Krouwel, 2019). Психологические аспекты исследования установок, так или иначе связанных с особенностями личности, крайне важно учитывать при анализе факторов усиления гражданской активности в сфере противодействия терроризму и экстремизму. Наш интерес направлен на социологические аспекты проблемы.

В социологической системе координат установка связывается с субъектом деятельности и отношений. Опираясь на разра-

ботки представителей грузинской психологической школы, на результаты, полученные зарубежными коллегами и в особенности на диспозиционную теорию Г. Оллпорта, В. А. Ядов установку к поведению обосновывает не столько как готовность, сколько как «предрасположенность субъекта к реакциям на социальные обстоятельства деятельности, как отношения, или «аттитюд» (attitude), к различным социальным объектам и ситуациям. Подобно фиксированной установке в концепции Д. Н. Узнадзе «аттитюд» есть продукт предшествующего опыта, выполняющий регулятивные функции в поведении субъекта» (Ядов, 2018: 406). В. А. Ядов рассматривает диспозиции как некие личностные конструкты и считает, что между ними имеется определенная иерархия от элементарных к высшим, соотнесенным с типологией потребностей.

Социологи имеют дело с многообразием установок людей относительно тех или иных социальных явлений и процессов. Основной интерес представляет выявление тех факторов среды, тех личностных особенностей, которые так или иначе связаны, а в идеале – обуславливают определенные установки. Опыт подтверждает, что и к явному злу люди относятся по-разному и в основе различий лежат фундаментальные представления человека о реальности, которыми он руководствуется при всех ситуациях, требующих оценки и адаптации.

Нам представляется интересным проанализировать представления людей о сущности социально опасных проявлений, в частности, террористической угрозы, через их *установки* относительно допустимости насилия над самой жизнью.

Понятие ценности жизни получило глубокое мировоззренческое осмысление в философии, теологии, культурологии. Подходы к пониманию этой категории всесторонне рассматриваются отечественными философами (Жизнь как ценность, 2000), специалистами в области социальной экологии (Мягков, 2001) и экологии человека, демографии (Прохоров, 1995). В связи с

рисками и угрозами категорию ценности жизни давно и успешно используют в зарубежной психологии и социологии риска (Fetherstonhaugh, Slovic, Johnson, Friedrich: 1997; Friedrich, Barnes, Chapin, Dawson, Garst, Kerr: 1999).

Нам важно подчеркнуть по меньшей мере два принципиальных для социологического подхода к анализу ценности жизни аспекта. Во-первых, отношение индивида к собственной жизни как ценности во многом определяет его картину мира, представление о себе как о члене социального сообщества, оценку социальных явлений и процессов, места человека в экосистеме. Во-вторых, на наш взгляд, мыслители от А. Бергсона, В. Дильтея, Г. Зиммеля до Э. Фромма и Г. Риккерта явно или латентно связывали понятие ценности жизни с адаптационным поведением как с биологической точки зрения, так и социокультурной. На этих исходных положениях далее строится методология нашего исследования.

Эмпирической базой анализа являются данные общероссийского опроса населения по квотной выборке, репрезентирующей поло-возрастную структуру и тип поселения. Общее количество респондентов составило три тысячи человек.

Методически мы свели респондентов по ответам на вопросы относительно осуждения / оправдания убийства представителей власти и рядовых граждан. Задачу мы видим в поиске личностных факторов и условий среды, которые отличают сформированные совокупности респондентов и могут так или иначе детерминировать их фундаментальные установки относительно допустимости насилия над жизнью, а также сходство / различия в их представлениях о сущности насилия как социального явления.

Целевые группы для анализа формировались на основании ответов на два косвенных вопроса анкеты. Первый направлен на дифференциацию респондентов по установке на осуждение / одобрение физического насилия в отношении представителей

власти: «В истории России было время, когда революционеры-террористы убивали царей, премьер-министров, полицейских и т.п. Вы склонны осуждать или одобрять подобные действия?»; второй – на дифференциацию по оценкам возможности насилия в отношении простых людей: «Как Вы считаете, в мирное время существуют или нет такие ситуации, когда во имя той или иной цели допустимо пожертвовать жизнью людей?».

На первом этапе формирования целевых групп оценочные шкалы преобразованы следующим образом. В первом вопросе позиция «в целом осуждают насилие в отношении представителей власти» обозначается «осуждают»; позиции «отчасти осуждают насилие в отношении представителей власти, но думают, что в условиях того времени это могло быть оправдано» и «в целом поддерживают насилие в отношении представителей власти» объединены в «оправдывают в той или иной степени». Во втором вопросе позиции «в мирное время нет и не может быть таких ситуаций и думаю, что не может быть таких ситуаций, когда во имя той или иной цели допустимо пожертвовать жизнью людей» объединены в позицию «в той или иной степени осуждают физическое насилие в отношении простых людей»; позиции «в мирное время, безусловно, существуют и, пожалуй, существуют такие ситуации, когда во имя той или иной цели допустимо пожертвовать жизнью людей» объединены в «в той или иной степени оправдывают насилие в отношении простых людей». Колеблющиеся обозначены как «позиция не определена» и исключены из дальнейшего анализа.

На втором этапе сформированы четыре целевые группы. В первую входят респонденты, осуждающие насилие как по отношению к представителям власти, так и по отношению к простым гражданам. Назовем эту группу условно «не допускающие насилие». Вторую группу составляют респонденты, ценящие жизнь граждан и в той или иной степени оправдывающие физическое

устранение представителей власти – «не допускающие насилия к гражданам/допускающие к власти». К третьей группе относятся респонденты, осуждающие убийства представителей власти, но в той или иной степени оправдывающие жертвование жизнью простых людей – «допускающие наси-

лие к гражданам/ не допускающие к власти». В четвертой группе оказываются оправдывающие в той или иной степени насилие как в отношении граждан, так и представителей власти – «допускающие насилие». В таблице 1 представлена характеристика целевых групп.

Таблица 1

Характеристика целевых групп

Table 1

Characteristics of target groups

Описание / Условное название целевой группы	Статистика
Противники жертв среди представителей власти и в той или иной степени осуждающие жертвы в отношении простых людей – «не допускающие насилия»	857 чел. / 29%
Ценящие жизнь граждан и в той или иной степени оправдывающие физическое устранение представителей власти – «не допускающие насилия к гражданам/допускающие к власти»	848 чел. / 28%
Осуждающие убийства представителей власти, но в той или иной степени оправдывающие жертвование жизнью простых людей – «допускающие насилие к гражданам/ не допускающие к власти»	239 чел. / 8%
Оправдывающие в той или иной степени насилие как в отношении граждан, так и представителей власти – «допускающие насилие»	556 чел. / 18%
Примечание – остальные 17% составляют «не определившиеся», которые исключены из дальнейшего анализа	

Целью эмпирического анализа является: выявление личностных и средовых факторов, детерминирующих отношение к ценности жизни, и определение, скажем так, степени фундаментальности установки по отношению к ценности жизни, иными словами, насколько последовательно она «разворачивается» в понимании респондентами сути агрессии и мер борьбы с ее проявлениями в обществе.

Сравнительный анализ производился по следующим блокам: а) социально-демографические характеристики; б) удовлетворенность жизненными условиями (обобщенный показатель социального самочувствия, защищенность от бедности и бездомности, от одиночества, от ощущения, что жизнь зашла в тупик; в) заинтересованность и осведомленность о социально-политической ситуации в стране; г) активность (факт и мотивация); д) личностные особенности (поведение в конфликтных си-

туациях, допустимость ущербов как показатель личностной значимости носителей ущерба, опыт потерь, вероисповедание); е) общая оценка деятельности властей; ж) оценка деятельности/доверие властям через защищенность в сфере общественной безопасности, здравоохранении, в области гарантий прав и свобод, защищенности в сфере медицинского обслуживания, в трудовой сфере; з) оценка общественного климата, настроений; и) отношение и оценки экстремизма/терроризма (понимание феномена, эмоциональное отношение, отношение к информированию и противодействию, осведомленность о базе противодействия).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Социально-демографические особенности, социальное самочувствие и социально-политическая активность. Дифференцирующими целевые группы соци-

ально-демографическими характеристиками оказались *пол, образование и тип поселения*. Мужчины больше склонны оправдывать насилие, чем женщины: их доля значительно выше в группе сторонников насилия (56% против 44%) и ниже в остальных целевых группах (порядка 42-46% против 54-58% женщин). Среди сторонников насилия существенно выше доля респондентов со средним и средним специальным образованием по сравнению с остальными целевыми группами (66%, в остальных группах – не превышает 58%). Значительная доля противников насилия проживает в областных и краевых центрах (43%, в остальных типах населенных пунктов не более 26%), а сторонников насилия – в сельских поселениях (39%, в остальных – их доля не выше 27%). По возрасту, наличию несовершеннолетних детей и специфике занятости статистически значимые различия между целевыми группами не выявлены.

Сущностные особенности и эмпирические индикаторы понятия «*социальное самочувствие*» являются предметом активного дискурса в разных областях социологического знания. В самом широком смысле под социальным самочувствием понимается та или иная степень комфортности субъекта в социальной среде. Для обобщенной эмпирической оценки социального самочувствия на протяжении многих лет мы используем показатель *удовлетворенности разными сторонами и жизнью в целом и защищенности от бедности, бездомности, одиночества и ощущения, что жизнь зашла в тупик*.

Удовлетворенность разными сторонами жизни в описываемом исследовании оценивалась по 14-ти позициям. Результаты анализа позволяют утверждать, что целевые группы по *высоким* оценкам удовлетворенности материальной стороной жизни (материальная обеспеченность, приобретение одежды, питание, жилищные условия), состоянием здоровья, возможностями для отдыха (досуг, отпуск), общением с друзьями, статусом в обществе и возможностями получения необходимых

знаний статистически значимо не различаются.

По сравнению с остальными целевыми группами среди противников насилия выше доля удовлетворенных отношениями в семье. Удовлетворенность жизнью в целом как обобщенный показатель социального самочувствия выше у противников насилия и у той группы, которую мы условно назвали «*допускающие насилие к гражданам / не допускающие к власти*».

Как показывает наш исследовательский опыт, важнейшим показателем социального самочувствия выступает социальная защищенность, оценку уровня которой в данном контексте анализируем по трем параметрам: от бедности и бездомности; одиночества; ощущения, что жизнь зашла в тупик.

По самооценкам уровня защищенности от бедности, бездомности и одиночества целевые группы не различаются. Показатель осуждения / оправдания насилия оказался связанным с высокой оценкой защищенности от ощущения, что жизнь зашла в тупик: осуждение насилия связано с относительно высоким, а оправдание – с низким уровнем защищенности от ощущения, что жизнь зашла в тупик.

Анализ социально-политической активности представителей анализируемых групп показывает, что респонденты демонстрируют примерно одинаковый достаточно высокий уровень заинтересованности событиями в стране и регионе проживания: 62-64%. Представители той группы, которую мы условно назвали «*допускающие насилие к гражданам / не допускающие к власти*» – 74-77%.

По самооценкам осведомленности о социально-политической ситуации в стране и регионе проживания различия между целевыми группами не наблюдаются. Компетентными в этих вопросах (сумма ответов «очень хорошо разбираюсь» и «разбираюсь» в социально-политической ситуации в стране и регионе проживания) считают себя порядка трети респондентов в каждой из целевых групп.

По факту участия в работе какой-либо партии, движения, организации; в митингах, пикетах, забастовках, голодовках в защиту своих прав, свобод, позиций и по мотивам, побуждающим к активным действиям, целевые группы не различаются.

Личностные особенности. Основным было предположение о том, что интересующие нас целевые группы отличаются стереотипами поведения в конфликтных ситуациях. В инструментарии опроса респондентам предлагалось определиться по четырем типам поведения, отличающимся остротой реакции и склонностью к компромиссу. Предлагалась трехмерная шкала: «всегда», «часто», «никогда». Анализ показал, что существенная разница наблюдается только по позиции «никогда» для «не допускающих насилия» и «допускающих насилие». Никогда не настаивают на своей правоте вплоть до крайних мер (ссора, разрыв отношений, драка) 71% противников насилия и 51% сторонников насилия.

Опыт личностных физических и морально-психологических травм у представителей всех четырех анализируемых целевых групп практически одинаковый, как и распределение по признаку вероисповедания.

Оценка допустимости ущерба различного типа для нас представляет важнейший показатель личностных представлений респондентов о субъективной значимости определенных жизненных ценностей. В инструментарии опроса респондентам предлагалось оценить насколько для них допустимы те или иные виды угроз, последствием которых могут быть ущербы, потери, травмы материальной, физической, психологической, социальной, духовной, моральной, экономической природы.

Анализ показал наличие ряда существенных различий и трендов по следующим типам ущерба:

- материальному (потеря имущества, собственности);
- физическому (ухудшение, утрата здоровья);
- духовному (игнорирование гуманистических идеалов, обесценивание человеческой жизни).

Доля респондентов, не допускающих физического и духовного ущерба ни при каких обстоятельствах выше среди противников насилия. К примеру, среди сторонников насилия 30% не допускают материальный ущерб, среди противников – 52%. Доля допускающих физический ущерб среди «допускающих насилие к гражданам/не допускающих к власти» составляет 31%, в других группах 16-19%. 45% сторонников насилия допускают физический ущерб при определенных обстоятельствах, аналогичный показатель в других группах – 32-34%. По духовному ущербу: среди противников – 58%, среди «допускающих насилие к гражданам/не допускающих к власти» – 42%. 25% респондентов этой же группы допускают духовный ущерб, среди других целевых групп – 14%.

Рискнем интерпретировать данные следующим образом: для анализируемых целевых групп важными факторами, определяющими позицию относительно допустимости/недопустимости насильственных действий, является субъективная значимость материальных, физических, духовных ценностей.

Доверие властным структурам. Анализ доверия властным структурам строится на основе общей оценки деятельности властей, а также через защищенность в различных сферах социальной жизнедеятельности, контроль которой принадлежит институциональной среде, и оценке общественного климата, настроений.

Результаты анализа показывают в целом невысокую оценку деятельности региональных властных структур по обеспечению безопасности несовершеннолетних. О достаточно низком уровне доверия властным структурам в вопросах обеспечения общественной безопасности свидетельствуют оценки способности исполнительной власти справиться с рядом социальных бед. Несмотря на то, что различия в представлениях целевых групп об этом не обнаружены, считаем целесообразным привести некоторые цифры: уверены в том, что исполнительная власть не сможет справиться

с преступностью порядка двух третей респондентов в каждой целевой группе, с коррупцией – около половины, с произволом чиновников – порядка 45% в каждой группе, с наркотизацией молодежи – около 40%.

Через самооценки защищенности в сфере общественной безопасности, здравоохранения, обеспечения гарантий прав и свобод, медицинского обслуживания, трудовой сфере можно судить о доверии властям. Защищенность в *сфере общественной безопасности* измерялась через самооценки защищенности от ограбления квартиры, нападения хулиганов, действий организованной преступности, аварий на общественном транспорте, железной дороге, автодороге, военных или иных действий с последующим вынужденным переселением, действий террористов (взрывы домов, в транспорте, захват заложников); в *сфере здравоохранения* – от экологического бедствия, инфекционных заболеваний, радиационного облучения, отравления вредными веществами в продуктах, воздействия вредных веществ в стройматериалах, отравления вредными веществами, сбрасываемыми

в воду, воздух; в *сфере гарантий прав и свобод* – от дискриминации по признаку пола, возраста, преследований по национальному признаку, за религиозные убеждения и политические взгляды; в *сфере медицинского обслуживания* – от отказа в бесплатной медицинской помощи; в *трудовой сфере* – от неприятностей в профессиональной деятельности и безработицы (*группировка показателей подробно описана*: Мозговая, Шлыкова, 2016).

Построим индекс защищенности целевых групп в каждой из выделенных сфер. Индекс защищенности (ИЗ) рассчитывается по формуле:

$$ИЗ = \frac{((a_1 - b_1) + (a_2 - b_2) + \dots + (a_n - b_n))}{n \times 100\%},$$

где а – доля ответивших «полностью защищен» от того или иного неприятного события в каждой целевой группе, b – доля ответивших «совсем не защищен» от того или иного неприятного события, n – количество неприятных событий, включенных в каждую сферу¹. Результаты процедуры представлены в таблице 2.

Таблица 2

Защищенность в сферах общественной жизнедеятельности (индекс)

Table 2

Security in the spheres of public life (index)

Сферы	Целевые группы			
	«Не допускающие насилия»	«Не допускающие насилия к гражданам/допускающие к власти»	«Допускающие насилие к гражданам/ не допускающие к власти»	«Допускающие насилие»
Общественная безопасность	–0,6	–0,6	–0,6	–0,6
Здравоохранение	–0,6	–0,7	–0,6	–0,7
Гарантии прав и свобод	0,4	0,4	0,4	0,3
Медицинское обслуживание	–0,4	–0,4	–0,3	–0,4
Трудовая сфера	–0,1	–0,2	–0,2	–0,2

¹ Индекс защищенности принимает максимальное значение, равное 1, если все респонденты в группе чувствуют себя полностью защищенными в той или иной сфере по всем неблагоприятным событиям, ей соответствующим; минимальное значение –1, если все респонденты в группе чувствуют себя абсолютно незащищенными.

Отрицательные значения индекса защищенности указывают на преобладание долей совсем не защищенных респондентов внутри практически всех выделенных сфер, кроме защиты от неравенств. Наиболее «проблемными» для целевых групп оказались сферы общественной безопасности и контроля безопасности здоровья.

Анализ оценок общественного климата и настроений осуществлен на основе представлений о росте нетерпимости и

озлобленности в современном российском обществе, самооценок их отношения к приезжим из республик бывшего СССР и людям, отличающимся по мировоззрению и религиозным взглядам.

В таблице 3 демонстрируются результаты анализа представлений респондентов из целевых групп о росте нетерпимости и озлобленности в современном российском обществе.

Таблица 3

Представления о росте нетерпимости и озлобленности в современном российском обществе (в% от количества опрошенных в каждой целевой группе)

Table 3

Perceptions of the growth of intolerance and bitterness in modern Russian society (% of the number of respondents in each target group)

Представления	Целевые группы			
	«Не допускающие насилия»	«Не допускающие насилия к гражданам/допускающие к власти»	«Допускающие насилие к гражданам/не допускающие к власти»	«Допускающие насилие»
Нетерпимость и озлобленность растут	55	65	60	72
И да, и нет	33	26	30	21
Не растут	12	9	10	7

Подавляющее большинство сторонников насилия отмечают рост нетерпимости и озлобленности в современном российском обществе, а в группе противников насилия доля таких респондентов значительно ниже. Представления о возрастных категориях, для которых особенно свойственны нетерпимость и озлобленность, в целевых группах идентичны: около трети респондентов в каждой целевой группе отмечают рост нетерпимости и озлобленности в молодежной среде, чуть более половины утверждают, что эта тенденция характерна для представителей всех возрастных категорий в современном российском обществе.

По самооценкам отношения к приезжим из республик бывшего СССР и людям, отличающимся по мировоззрению и рели-

гиозным взглядам, значимые статистические различия обнаружены между группами противников и сторонников насилия. Респонденты из остальных двух целевых групп дают примерно одинаковые оценки, которые можно определить, как средние и амбивалентные в сравнении с оценками «крайних» групп. Противники насилия чаще испытывают позитивные чувства и реже негативные как к приезжим из республик бывшего Союза, так и к людям с другими мировоззрением и религиозными взглядами, а сторонники насилия – наоборот. Часто или иногда испытывают сочувствие к приезжим из республик бывшего СССР 80% противников насилия и 74% сторонников, безразличие – 43 и 53% соответственно, раздражение – 46 и 58%, ненависть 12 и 20% респондентов из соответствующих

щих целевых групп. К людям, отличающимся мировоззрением и религиозными взглядами, относятся безразлично 30% противников насилия и 41% – сторонников, с пониманием – 69 и 54% соответственно, с неприязнью – 1 и 5%.

Отношение и оценки экстремизма/терроризма. Отношение к ценности жизни в рамках нашего исследования существенным образом связано с пониманием сути насилия и его проявлений в форме противоправных действий, в частности, терроризма. Такого рода знание, базирую-

щееся на эмпирических данных, представляет важный компонент научного обоснования мер предотвращения, противодействия и смягчения последствий противоправных действий в отношении личности и общественной безопасности в целом.

Значимую информацию дает анализ представлений респондентов о том, какие действия по предъявлению и защите своих интересов и требований они считают адекватными и оправданными. Большинство выбирают сбор подписей, митинги, голодовки (таблица 4).

Таблица 4

Действия, полностью и частично оправдываемые представителями целевых групп по предъявлению своих интересов и требований (в% к количеству респондентов в каждой группе)

Table 4

Actions fully or partially justified by representatives of target groups to present their interests and demands (% of the number of respondents in each group)

Действия	Целевые группы			
	«Не допускающие насилия»	«Не допускающие насилия к гражданам/ допускающие к власти»	«Допускающие насилие к гражданам/ не допускающие к власти»	«Допускающие насилие»
Сбор подписей	96	93	89	89
Насилие в отношении представителей власти, общественных деятелей	24	38	33	40
Митинги, забастовки	95	93	90	91
Блокирование авто- и железно-дорожных магистралей	60	67	66	69
Голодовки	72	75	72	73
Захват заложников	5	8	15	13
Минирование и взрывы транспорта. домов	4	4	11	10

Существенная разница между сторонниками и противниками насилия по позициям, связанным с насильственными действиями, говорит в пользу методики формирования целевых групп. Особенно явно это видно в отношении представителей власти: 24% против 40%.

Респондентам предлагалось определить свою позицию относительно людей,

совершающих экстремистские действия. Подавляющее большинство считает террористов наемниками. Порядка 90% в каждой группе и соответственно в целом по массиву считают вооруженное насилие (взрывы жилых домов, самолетов, захват заложников) выступлением групп людей, получающих за это деньги. Есть некоторое

различие между противниками и сторонниками насилия: 23% против 15% считают, что террористы действуют по принуждению, в результате запугивания и шантажа.

Существенных статистически значимых различий между целевыми группами в

понимании терроризма как социального явления не обнаружено: распределения аналогичны по массиву в целом. В таблице 5 приведены соответствующие данные по массиву опрошенных в целом.

Таблица 5

Понимание сути терроризма (в% к общему количеству опрошенных)

Table 5

Understanding the essence of terrorism (% of the total number of respondents)

Понимание терроризма	Доля выбравших позицию
Устрашение политических, идеологических, религиозных противников для достижения определенных целей	13
Действия, направленные на порождение страха не только у противников, но и среди больших масс людей, всего общества	24
Не только запугивание людей, но и насилие над ними, вплоть до физического уничтожения	32
Глубокое убеждение, фанатическое служение идеям, когда человек, группа людей готовы идти не только на физическое уничтожение других людей, но и жертвовать своей собственной жизнью	31

Наиболее опасными все целевые группы считают для страны нападения на общественные учреждения (более 60%), для семьи – взрывы в местах скопления людей, причем среди сторонников насилия доля таких суждений составляет 59%, среди остальных 71-66%.

Эмоциональное отношение опрошенных при получении информации об осуществлении теракта за пределами нашей страны преимущественно сожаление и сопереживание, причем доля среди «не допускающих насилия к гражданам/допускающих к власти» – 50%, среди «допускающих насилие к гражданам/ не допускающих к власти» – 65% при 54-57% в других целевых группах.

Признавая, что средства массовой информации оказывают существенное влияние на общественную жизнь, большинство респондентов полностью или частично удовлетворены тем, как в них освещаются теракты, имевшие место в стране за год, предшествовавший опросу. Тем труднее интерпретировать оценки деятельности средств массовой информации. К примеру, 34% противников насилия и 24% сторонников

считают, что в основном СМИ хотят добиться сенсационности, а не объективности; 27% противников насилия считают, что СМИ в освещении терактов создают повышенную напряженность в обществе, чем способствуют террористам.

Между целевыми группами наблюдается различие по отношению к тому, можно ли искоренить радикальные проявления, несущие риски человеческих жертв, общественной безопасности. Среди противников насилия выше доля считающих, что такая возможность есть, если все развитые страны основательно возьмутся за решение проблемы (25% против 15%), и ниже доля считающих что терроризм неистребим, поскольку представляет социальное явление, связанное с природной агрессивностью и жестокостью людей (13% против 27%). Только четверть опрошенных считает, что существуют такие меры, которые могут полностью исключить угрозу терроризма. В перечне мер противодействия высокие ранги во всех группах у экономического подъема и роста социальной защищенности (более 60%).

Более 60% во всех группах считают, что могут сложиться такие обстоятельства, при которых властям следует уступить требованиям террористов. Однако, в ситуации, когда близкие станут заложниками террористов, среди противников насилия доля выбирающих уступки, составляет 37%, среди сторонников – 27%.

Порядка 20% в каждой из групп не согласны мириться с ограничением своих прав и свобод, к которому может привести усиление мер безопасности. При этом более 60% опрошенных практически ничего не знают о правовой базе борьбы с терроризмом в нашей стране.

Заключение (Conclusions). По результатам анализа данных нашего исследования можно сделать обоснованный и надежный вывод о наличии у определенной части населения устойчивых, хотя и декларируемых установок на оправдание или осуждение насилия, базирующихся на отношении к ценности жизни. Известный парадокс рассогласования декларируемых установок с реальным социальным поведением, безусловно, принимается во внимание и тем не менее факт установлен и дает основание предложить научному сообществу описание факторов, связь которых с этими установками зафиксирована на эмпирическом уровне анализа данных репрезентативного общероссийского опроса.

К выводам общего характера относятся и информация по другим целевым группам. Для анализа формировались еще две, скажем так, промежуточные между абсолютно осуждающими и полностью оправдывающими насилие группами, а именно целевые совокупности, различающиеся допущением насилия либо к гражданам, либо к представителям власти. Установки относительно ценности жизни у представителей этих групп респондентов не отличаются устойчивостью. В реальной ситуации представители этих совокупностей могут стать социальной базой поддержки как противников, так и сторонников насилия. Просматривается тенденция

тяготения позиций группы, условно названной «не допускающие насилия к гражданам/допускающие к власти», к позициям противников насилия как такового. Логично предположить, что своеобразным ресурсом укрепления установки на безусловную ценность жизни у этих респондентов может стать повышение степени доверия к власти, что возможно только через реальный позитивный опыт.

Относительно факторов, связанных с анализируемыми установками, выявлено следующее.

Имеются существенные различия между сторонниками и противниками насилия по ряду социально-демографических показателей: противники насилия имеют более высокий уровень образования, преимущественно проживают в городской среде, среди них выше доля женщин.

Установлены различия по ряду параметров социального самочувствия: удовлетворенность жизнью выше у противников насилия и ниже – у сторонников; при сходных оценках социальной защищенности осуждающие насилие более защищены от ощущения, что жизнь зашла в тупик.

Противники насилия более толерантны по отношению к иным взглядам, верованиям, жизненным ценностям, в частности к трудовым мигрантам.

Имеются существенные особенности личностных черт: в конфликтных ситуациях *никогда* не настаивают на своей правоте вплоть до крайних мер (ссора, разрыв отношений, драка) порядка трех четвертей противников насилия. Среди сторонников насилия эта доля составляет половину.

Анализ выявил существенные различия по ряду жизненных ценностей: важными факторами, определяющими позицию относительно допустимости/недопустимости насильственных действий, является субъективная значимость материальных, физических, духовных ценностей.

По блоку понимания и отношения к экстремизму и терроризму также имеются различия: среди сторонников насилия в два

раза выше доля считающих оправданными такие меры отстаивания своих интересов как насильственные действия в отношении государственных, политических и общественных лидеров; в три раза – захват заложников; в два с половиной раза – взрывы в общественных местах и в жилых домах. Среди противников насилия в полтора раза выше доля считающих, что следует идти на компромисс с террористами, если в заложниках члены семьи.

Для разработки эффективных мер предотвращения и противодействия экстремизму и терроризму как социальному явлению подобные данные, на наш взгляд, необходимы. Научное сообщество результаты нашего исследования могут мотивировать на более глубокую рефлексию относительно установок населения на то или иное восприятие в ситуациях рисков, основной ценностью в которых является жизнь: исследования особенностей мировосприятия различных категорий населения в условиях масштабных явлений и процессов, угрожающих жизни, здоровью, привычной организации деятельности институциональной среды. Переживаемая нами в настоящий момент ситуация «включенного наблюдения» отношения и действий населения в условиях пандемии вируса атипичной пневмонии актуализирует целый ряд проблем, требующих социологического исследования. Каковы установки на ценность жизни у различных категорий населения в условиях жестких ограничений, в частности у тех, кто игнорирует рекомендации инфекционистов и вызываяще нарушает запреты и ограничения в условиях риска массового заражения, подвергая свою жизнь риску, или у тех, кто с подтвержденным диагнозом осознанно идет в общественные места, выступая угрозой для жизни и здоровья окружающих. Такие исследования и рефлексия ситуации реального риска – задача будущего, которое принесет с собой определенный статус общественной безопасности.

Список литературы

Асмолов А. Г. Установочные эффекты как предвидение будущего: историко-эволюционный анализ. Комментарий к статьям А. Я. Койфман «Установка и неосознаваемый семантический прайминг: разные термины или разные феномены?» и М. Г. Филипповой «Размышления над проблемой сопоставления двух парадигм и «доличностным уровнем» прайминга» // Российский журнал когнитивной науки. 2017. Т. 4, № 1. С. 26-32.

Жизнь как ценность / Отв. ред. Л. И. Фесенкова. М.: ИФРАН, 2000.

Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е. Особенности восприятия риска в структуре оценки личной и социальной безопасности // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2/1 (74). С. 211-215.

Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Омельченко Д. А., Авдеева Г. С. Адаптивные стратегии населения Алтайского края в нестабильных социально-экономических условиях // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2011. № 12 (86). С. 117-120.

Мозговая А. В. Социальная сфера: вектор изменений, риски и адаптационные ресурсы (по материалам общероссийских мониторинговых исследований) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 4. С. 708-718. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-708-718.

Мягков С. М. Социальная экология: этнокультурные основания устойчивого развития. М.: НИИПИ экологии города, 2001.

Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Неравенство в распределении рисков: ресурсы и стратегии адаптации // Россия реформирующаяся: Ежегодник (сборник научных статей) / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 358-378.

Прохоров Б. Б. Введение в экологию человека: социально-демографический анализ. М.: Изд-во МНЭПУ, 1995.

Толмач А. Д. Феномен терроризма в массовом сознании // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 82-88.

Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961.

Шлыкова Е. В. Противодействие терроризму как адаптация к рискам современности: социальная сущность и субъекты процесса // Научный результат. Социология и управление.

2019. Т. 5, № 4. С. 103-118. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-9.

Щебланова В. В. Террористические действия и их последствия в ракурсе концепций социального действия // Вестник СГТУ. 2013. № 1. С. 268-272.

Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Социология Ядова. Методологический разговор. (Избранные труды В. А. Ядова); ФНИСЦ РАН; Редак.-сост., авторы предисл.: Е. Н. Данилова, Л. А. Козлова, П. М. Козырева, О. А. Оберемко. М.: Новый хронограф, 2018. С. 403-425.

Fetherstonhaugh D., Slovic P., Johnson S. M., Friedrich J. Insensitivity to the Value of Human Life: A Study of Psychophysical Numbering // Journal of Risk and Uncertainty. 1997. № 14 (3). P. 283-300.

Friedrich J., Barnes P., Chapin K., Dawson I., Garst V., Kerr D. Psychophysical Numbering: When Lives Are Valued Less as the Lives at Risk Increase // Journal of Consumer Psychology. 1999. № 8 (3). P. 277-299.

Malka A., Soto C. J., Inzlicht M., Leikes Y. Do needs for security and certainty predict cultural and economic conservatism? A cross-national analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 2014. № 106. P. 1031-1051.

Van Prooijen J-W., Krouwel A. P. M. (2019), Psychological Features of Extreme Political Ideologies // Current Directions in Psychological Science. 2019. № 28 (2). P. 159-163. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963721418817755>.

References

Asmolv, A. G. (2017), "Mindset Effects in Forecasting the Future: Historical Evolutionary Analysis Commentary on the papers "Mindset and unconscious semantic priming: two different labels or two distinct phenomena?" by A. Koyfman and "Comparing two paradigms and the 'prepersonal level' of priming" by M. Filippova", *Rossiyskiy zhurnal kognitivnoy nauki*, 4 (1), 26-32. (In Russian).

Life as a value (2000), in Fesenkova, L. I. (ed.), IFRAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Maximova, S. G., Goncharova, N. P. and Noyanzina, O. E. (2012), "Peculiarities of Risk-Perception in Structure of Estimation of Personal and Societal Security", *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2/1), 211-215. (In Russian).

Maximova, S. G., Noyanzina, O. E., Goncharova, N. P., Omelchenko, D. A. and Avdeeva, G. S. (2011), "Adaptive strategies of the population of the Altai territory in unstable socio-economic conditions", *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, (12), 117-120. (In Russian).

Mozgovaya, A. V. (2018), "Social Sphere: Vectors of Change, Risks, and Adaptation resources (the results of all-Russian monitoring surveys)", *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, 18 (4), 708-718. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-708-718. (In Russian).

Myagkov, S. M. (2001), *Social ecology: ethno-cultural foundations of sustainable development*, NIPI ekologii goroda, Moscow, Russia. (In Russian).

Mozgovaya, A. V. and Shlykova, E. V. (2016), "Disparity in the Social Distribution of Risks: Resources and Adaptation Strategies", in Gorshkov, M. K. (ed.), *Russia is being reformed. Yearbook*, Novy khronograf, Moscow, Russia, 14, 358-378. (In Russian).

Prokhorov, B. B., (1995), *Introduction to human ecology: socio-demographic analysis*, Izd-vo MNE'PU, Moscow, Russia. (In Russian).

Tolmach, A. D. (2009), "Phenomenon of terrorism in mass consciousness", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (4), 82-88. (In Russian).

Uznadze, D. N. (1961), *Experimental foundations of psychology of attitudes*, Tbilisi, Georgia. (In Russian).

Shlykova, E. V. (2019), "Countering terrorism as adaptation to risks of the present: social essence and subjects of the process", *Research Result. Sociology and management*, 5 (4), 103-118. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-9. (In Russian).

Shheblanova, V. V. (2013), "Terrorist actions and their consequences regarding the concepts of social actions", *Vestnik SGTU*, (1), 268-272. (In Russian).

Yadov, V. A. (2018), "On dispositional regulation of social behavior of the individual", in Danilova, E. N., Kozlova, L. A., Kozyreva, P. M. and Oberemko, O. A. (eds.), *Sotsiologiya Yadova. Metodologicheskii razgovor. (Izbrannye trudy V.A. Jadova)*, Novy khronograf, Moscow, Russia, 403-425. (In Russian).

Fetherstonhaugh, D., Slovic, P., Johnson, S. M. and Friedrich, J. (1997), "Insensitivity to the Value of Human Life: A Study of Psychophysical

Numbing", *Journal of Risk and Uncertainty*, (14), 283-300.

Friedrich, J., Barnes, P., Chapin, K., Dawson, I., Garst, V. and Kerr, D. (1999), "Psychophysical Numbing: When Lives Are Valued Less as the Lives at Risk Increase", *Journal of Consumer Psychology*, (8), 277-299.

Malka, A., Soto, C. J., Inzlicht, M. and Leikes, Y. (2014), "Do needs for security and certainty predict cultural and economic conservatism? A cross-national analysis", *Journal of Personality and Social Psychology*, (106), 1031-1051.

Van Prooijen, J-W. and Krouwel, A. P. M. (2019), "Psychological Features of Extreme Political Ideologies", *Current Directions in Psychological Science*, (28), 159-163. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963721418817755>.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликтов интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflicts of interest to declare.

Мозговая Алла Викторовна, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, руководитель сектора проблем риска и катастроф, кандидат философских наук.

Шлыкова Елена Викторовна, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, кандидат социологических наук.

Alla V. Mozgovaya, Leading Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of Risk and Disasters Problems, PhD in Sociology.

Elena V. Shlykova, Leading Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, PhD in Sociology.

УДК 316.356.2

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-8

Ростовская Т. К.¹
Кучмаева О. В.²

Поколенческие и межстрановые различия воспитательных стратегий семьи (по данным социологического исследования)

Институт социально-политических исследований Федерального
научно-исследовательского социологического центра РАН
ул. Фотиевой, 6, стр. 1, г. Москва, 119333, Россия

¹Rostovskaya.tamara@mail.ru

ORCID iD: 0000-0002-1629-7780

²kuchmaeva@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0003-0386-857X

Статья поступила 22 мая 2020 г.; принята 27 мая 2020 г.;
опубликована 30 июня 2020 г.

Аннотация. *Введение.* Актуальность исследования представлений о стратегиях семейного воспитания у различных поколений с учетом межстрановых различий обусловлена возрастанием в современном обществе интереса к реализации стратегий социальной политики, которая позволит семье эффективно выполнять свои функции в условиях мозаичности моделей семьи и трансформации представлений о семейном образе жизни. В проводимых в настоящее время социологических и педагогических исследованиях достаточно фрагментарно представлены проблема трансформации воспитательных стратегий семьи как отражения меняющейся в обществе системы ценностей, что не может не повлиять на ценность семьи и семейного образа жизни. Особый интерес представляет анализ взглядов представителей различных поколений из разных стран, что позволит охарактеризовать специфику воспитательных стратегий в российских семьях. *Цель публикации:* выявить тенденции и специфику формирования воспитательных стратегий в семьях ряда стран на постсоветском пространстве в условиях трансформации общественных отношений и института семьи. *Методология исследования:* Методологической базой исследования выступают функциональный, институциональный и сравнительный подходы к анализу семьи и семейной политики. Сравнительный анализ трансформации воспитательных стратегий различных поколений и их межстрановых различий проведен на основе данных авторского социологического исследования «Семья и семейные поколения: взгляд поколений»¹, проведенного ФНИСЦ ИСПИ РАН летом и осенью 2019 г. Объектом исследования выступали респонденты в возрасте от 14 до 50 лет, жители России, Белоруссии и Таджикистана. Объем выборочной совокупности составил 1652 человека. *Результаты и научная новизна:* Новизна исследования состоит в выявлении тенденций и специфики в формировании воспитательных стратегий семьи у разных поколений в условиях трансформации общественных отношений и института семьи. Результаты проведенного исследования могут быть

¹Международное социологическое исследование «Семья и семейные поколения: взгляд поколений», проведенное в 2019 г. в Москве, Свердловской, Волгоградской, Нижегородской и Якутской областях РФ, а также в Белоруссии и Таджикистане. N = 1652 респондента в возрасте от 14 до 50 лет. Рук. – д-р социол. наук, профессор Т.К. Ростовская, д-р экон. наук, профессор О.В. Кучмаева.

использованы в реализации мер семейной политики: при формировании методического обеспечения механизма взаимодействия между семьей и другими социальными институтами; подготовке профессиональных кадров специалистов по работе с семьей; формировании тематического контента СМИ; концептуальных и законодательных основ семейной политики; мониторинге оценки эффективности семейной политики.

Ключевые слова: семья, социальный институт, институт семьи, воспитание, воспитательные стратегии, воспитание в семье, трансформация воспитательных стратегий, цели воспитания.

Информация для цитирования: Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Поколенческие и межстрановые различия воспитательных стратегий семьи (по данным социологического исследования) // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 117-131. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-8

Tamara K. Rostovskaya
Oksana V. Kuchmaeva

Generational and cross-country differences in family educational strategies (based on a sociological study)

Institute of Socio-Political Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 1, 6 Fotiev St., Moscow, 119333, Russia
Rostovskaya.tamara@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-1629-7780
kuchmaeva@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0003-0386-857X

*Received on May 22, 2020; accepted on May 27, 2020;
published on June 30, 2020*

Abstract. Introduction. The pertinence of studying ideas about family education strategies for different generations, taking into account cross-country differences, stems from the growing interest in modern society in the implementation of social policy strategies that enables the family to effectively fulfill its functions in a mosaic of family models and the transformation of ideas about family lifestyles. In the current sociological and pedagogical studies, the problem of transforming the educational strategies of the family as a reflection of a changing system of values in society is quite fragmented, which cannot but affect the value of the family and family lifestyle. Of particular interest is the analysis of the views of representatives of various generations from different countries, which will allow us to characterize the specifics of educational strategies in Russian families. *The goal of the study:* to identify the trends and specifics of the development of educational strategies in the families of a number of countries in the post-Soviet space in the context of the transformation of social relations and the institution of the family. *Research methodology:* The methodological basis of the research is the functional, institutional and comparative approaches to the analysis of the family and family policy. A comparative analysis of the transformation of educational strategies of different generations and their cross-country differences was carried out on the basis of the data of the author's sociological study "Family and Family Generations: A Look of Generations", conducted by the Federal Research Sociological Center of the Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences in the summer and autumn of 2019. The object of the

study included respondents aged 14 to 50, residents of Russia, Belarus and Tajikistan. The volume of the sample totaled 1 652 people. *Results and scientific novelty*: The novelty of the study is to identify trends and specifics in the development of educational strategies of the family for different generations in the conditions of transformation of social relations and the institution of the family. The results of the study can be used in the implementation of family policy measures: in the formation of methodological support for the mechanism of interaction between the family and other social institutions; training of professional staff of specialists working with the family; the formation of thematic media content; conceptual and legislative foundations of family policy; monitoring the assessment of the effectiveness of family policy.

Keywords: family; social institute; family institution; parenting; educational strategies; parenting; transformation of educational strategies; parenting goals

Information for citation: Rostovskaya, T. K. and Kuchmaeva, O. V. (2020), "Generational and cross-country differences in family educational strategies (based on a sociological study)", *Research Result. Sociology and management*, 6 (2), 117-131, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-8

Введение (Introduction). Характерной чертой современного состояния института семьи выступают масштабные трансформационные процессы, затрагивающие выполнение семьей всех ее основных функций. Меняется характер взаимодействия семьи с ведущими институтами общества, участвующими в процессе социализации подрастающего поколения. Динамичные изменения формируют межпоколенческие различия в представлениях о семье, семейных ценностях, линиях демографического поведения. Трансформация института семьи не может не сказаться на ее воспитательной функции, реализуемых воспитательных стратегиях.

Семья является важнейшим институтом воспитания и социализации. Важнейшей функцией семьи остается репродуктивная, связанная с воспроизводством новых поколений. Семья, ребенка передает ему опыт, формирует модели поведения, а также мотивацию к успешной учебе.

В современном российском обществе воспитание относится к базовым социальным институтам и в соответствии со Стратегией развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года рас-

сматривается как «...стратегический общенациональный приоритет, требующий консолидации усилий различных институтов гражданского общества и ведомств на федеральном, региональном и муниципальном уровнях»¹.

В контексте анализа воспитательных стратегий современной семьи интерес представляет оценка влияния на них трансформационных процессов в обществе: как меняется воспитание в семье? В чем отличие воспитательных стратегий разных поколений? В какой степени меняются воспитательные стратегии под воздействием государственной социальной и воспитательной политики?

В обществе ведутся дискуссии о степени антифамилистической позиции экономических и социальных институтов общества и ее влиянии на положении института семьи. История России на протяжении XX века насчитывает немало проявлений анти-семейного контекста государственной политики (Македонская, Швец, 2015).

В последние годы в России предпринимаются активные шаги в сфере разработки стратегии государственной семейной политики. Во многом именно сложная демографическая ситуация

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р г. Москва «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года».

актуализировала разработку Концепции государственной семейной политики на период до 2025 года¹. Идеи и меры поддержки семьи нашли отражение и в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года², Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года³, Национальной стратегии в интересах женщин⁴, «Десятилетия детства 2018-2027»⁵, Национальных проектах.

Вместе с тем нельзя игнорировать мнение исследователей, полагающих, что во многом эффективность современной экономической модели достигается «...за счет неоплачиваемых издержек человеческого фактора: прирост населения, его здоровье, работоспособность, основы первичной социализации, закладываемые в семье, не входят в исчисляемые издержки производства, не финансируются на основе «закона эквивалентного обмена» (Макдональд, 2006). Тем самым интересы семьи, в том числе и экономические, не учитываются обществом и рынком. Подобная ситуация приводит к снижению ценности семейного образа жизни.

В этой связи возникает исследовательский вопрос: насколько «фамилистична» позиция самой современной семьи, проявляющаяся в том числе и в ее воспитательных стратегиях? Насколько цели воспитания в современной семье ориентированы на формирование у детей ценности семьи и семейного образа жизни?

Методология и методы (Methodology and methods). Цель публикации – выявить особенности воспитательных стратегий современной семьи, их тенденции и особенности на постсоветском пространстве в условиях трансформации общественных отношений и института семьи, роль семейного воспитания в формировании ценности семьи и семейного образа жизни. Несмотря на общность значительной части истории и масштабные культурные, социальные и экономические связи существуют значительные различия в реализации воспитательной функции семьи, обусловленные культурологическими факторами и особенностями социально-экономического и политического развития. Именно сравнительный анализ мнений респондентов из разных стран и являющихся представителями разных поколений позволит выявить специфику воспитательных стратегий российской семьи и определить тенденции их трансформации.

Трансформация института семьи носит долгосрочный характер. Смена духовно-нравственных ориентиров в современном обществе привели к определенным изменениям в жизнедеятельности семьи (Дементьева, Голенкова, 2018). Несмотря на то, что в 2015 году в Российской Федерации принята Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года⁶, в настоящее время недостаточно уделяется внимание семейному воспитанию, что было присуще российским семьям как в дореволюционный, так и в со-

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года».

² Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 г. № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии в интересах женщин на 2017-2022 гг.».

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства».

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р г. Москва «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 20.05.2020).

ветский период. Пусть и кардинально отличаясь, но существовали единые системы воспитания, и соответственно ориентиры для родителей, которые формировали у детей линии поведения, основанные на исповедуемых ими ценностях. В этой связи возникает необходимость актуализации и систематизации воспитательных стратегий для современного российского мультикультурного общества с участием различных социальных институтов (Подерин, 2008; Мищенко, 2013).

Исследования, проводимые Левада-Центром с 1995 г. по 2014 г., демонстрируют, насколько со сменой поколений меняются воспитательные стратегии семьи: для родителей увеличилась значимость таких качеств у детей (как результата воспитания), как «умение добиваться своих целей» (до 49% родителей отметили эту характеристику в 2014 г.), «стремление к успеху» (до 20%). Сократилась доля родителей, обращающих внимание на формирование в своих детях добросовестности в работе, независимости, верности и преданности¹.

Происходящие в стране процессы усиления экономической и социальной дифференциации существенно меняют уклад семейной жизни, взаимоотношения между детьми и родителями, направления воспитательных стратегий, понимание сущности процесса воспитания. Особенно сильно прикладных исследований детства в России выступает акцент на проблематике формирования ценностей детей (Майорова-Щеглова, Колосова, 2018). В значительной степени на этот процесс влияет образ родительской семьи, реализуемые родителями воспитательные стратегии.

В настоящее время в условиях динамично меняющейся реальности формируются новые цели воспитательной деятельности в семье, увеличивается доля респон-

дентов, которые в ходе опросов затрудняются дать определение целям семейного воспитания. Наблюдается многообразие стилей семейной жизни, трансформация затрагивает мотивы формирования семьи, установки в отношении рождения детей² (Sobotka, 2008).

При этом акценты семейного воспитания смещаются в сторону формирования стратегии, обеспечивающей в будущем для детей достижение успеха любой ценой (Меренков, 2003).

Исследователи отмечают влияние аномии на возрастающий приоритет материальных и прагматичных ценностей, устойчивых сомнений в ценностном значении и необходимости честности, верности, скромности, совестливости (Костина, 2018).

Так, исследования показывают, что процесс воспитания детей среди молодых россиянок, в частности, в сознании студентов, пронизан идеей полезности. Именно она позволяет рассчитывать на экономические выгоды в будущем (Багирова, Шубат, 2017).

Данные трансформации воспитательных стратегий происходят на фоне выявляемых значительных различий во взглядах поколений на вопросы планирования семьи, самосохранительное поведение, оценку своего субъективного благополучия (Радаев, 2018).

Согласно Р. Инглхарту фундаментальная смена ценностей происходит постепенно – по мере того, как на смену прежним поколениям приходит молодое (Inglehart, 2008). Смена поколений не может, пусть и постепенно, не повлиять на трансформацию воспитательных стратегий.

Процесс воспитания в современной семье характеризуется противоречивыми тенденциями. Семья испытывает на себе влияние совокупности социальных, экономических и культурологических факторов.

¹ Нравственное воспитание детей, Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2014/10/20/nravstvennoe-vospitanie-detej/> (дата обращения: 20.05.2020).

² Second Demographic Transition, Basil Blackwell. URL: http://www.vub.ac.be/SOCO/ron/final_textSDTBasilBlackwellEncyclop.doc (дата обращения: 20.05.2020).

Анализ взглядов представителей различных поколений позволяет выявить тенденции трансформации воспитательной функции семьи, роли самого института семьи в формировании системы ценностей подрастающего поколения, в том числе ценности семьи и семейного образа жизни. Характер и направленность воспитательной стратегии семьи позволяет в определенной степени дать ответ на вопрос – насколько сама семья использует свои внутренние резервы для формирования ценности семьи и семейного образа жизни. Исследования показывают, что россиян отличает мозаичность взглядов на желаемую модель семьи, вместе с тем, в современном российской обществе, поддерживается ориентация на традиционную семью с четко закрепленными патриархальными внутрисемейными ролями (Ростовская, Кара-Мурза, Егорычев, 2019; Кучмаева, 2019).

Материалы и методы. Методология анализа различий в воспитательных стратегиях современной семьи в условиях трансформации общественных отношений и института семьи базировалась на совокупности функционального, институционального и сравнительного подходов к исследованию функционирования института семьи.

Выводы построены на данных социологического исследования «Семья и семейная политика: взгляд поколений», проведенного в 2019 г. ФНИЦ ИСПИ РАН. Объем выборки составил 1652 респондента, в том числе 647 человек поколения родителей, 569 представителей молодежи и 436 подростков. В совокупности респондентов 67,8% – россияне, 19,4% – граждане Таджикистана, 12,9% – белорусы.

Предметом исследования явились представления респондентов, представителей различных поколений, проживающих в России, Белорусии и Таджикистане о воспитательных стратегиях семьи в условиях трансформации общественных отношений.

Объектом исследования выступали представители различных поколений (воз-

растных групп) – школьники старших классов (14-17 лет), молодежь в возрасте 18-35 лет; люди среднего возраста (26-50 лет).

Выбор структуры объекта исследования обусловлен необходимостью выявления трансформации воспитательных стратегий у представителей различных поколений: у молодых людей в возрасте 14-18 лет пока только формируется представление об системе ценностей, путях достижения успеха, модели будущей семейной жизни. Для возрастной группы лиц в возрасте 19-35 лет характерны уже сформировавшиеся взгляды на процесс воспитания. В значительной степени эти взгляды формировались в период серьезных экономических, социальных и политических перемен в странах постсоветского пространства, обусловленный распадом Союза и формированием новых государств.

Представители старшего поколения (36-50 лет) – люди с устоявшимися представлениями о семье, которые во многом сформировались в период их взросления, когда в стране гораздо в большей степени наблюдалось единообразие взглядов в отношении желаемой модели семьи.

Структура выборки позволила провести сравнительный анализ особенностей воспитательных стратегий семьи (по мнению представителей различных поколений) в государствах – бывших республиках Союза, составлявших когда-то одно государство, имевших единую идеологию, в том числе и в сфере формирования семейных ценностей.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Исследование дало возможность выявить, что родители вкладывают в понятие «воспитание». В ходе исследования респондентам задавался вопрос о том, что, по их мнению, представляет сейчас процесс воспитания в семье.

47,9% родителей полагают, что процесс воспитания в семье, нацелен на «воспитание у детей трудолюбия, добросовестности в работе», 43,8% – на воспитание ответственности у детей.

Таблица 1

Распределение ответов родителей на вопрос: «На ваш взгляд, воспитание детей в семье – это, прежде всего ...?», % от числа опрошенных

Table 1

Distribution of answers of parents to the question: “In your opinion, raising children in the family is, first of all ...?”, % of the number of respondents

Варианты ответа	Доля, % родителей, всего	В том числе		
		Таджикистан	Россия	Белоруссия
воспитание у детей трудолюбия, добросовестности в работе	47,9	83,5	37,5	32,4
воспитание у детей ответственности	43,8	14,7	52,8	52,1
воспитание у детей высоких моральных качеств, порядочности	29,5	34,9	26,6	32,4
обучение детей правильно строить свои взаимоотношения с другими людьми	25,5	33,0	22,5	25,4
формирование у детей здорового образа жизни	24,6	22,9	25,1	25,4
формирование умения постоять за себя, отстаивать свои интересы	23,3	21,1	24,3	22,5
учеба, подготовка уроков, воспитание стремления к знаниям	21,7	28,4	21,7	9,9
формирование у детей хороших манер, умения себя вести	17,0	4,6	21,3	19,7
передача детям от родителей тех знаний, умений и навыков, которые у них есть	17,0	9,2	19,9	18,3
воспитание терпимости, уважения к окружающим	15,7	16,5	13,9	21,1
обучение детей выполнению работы по дому, житейским навыкам	11,9	9,2	12,7	12,7
воспитание достойных граждан страны	11,0	20,2	7,5	9,9
защита детей от различных неприятностей	9,4	0,0	12,7	11,3
воспитание независимости в поведении, поступках	6,0	4,6	5,6	9,9
обучение детей премудростям семейной жизни	3,6	0,9	4,1	5,6
другое	0,9	-	2,1	1,5

Третье место заняла позиция – «воспитание у детей высоких моральных качеств, порядочности» – 29,5%.

Родители уделяют внимание и таким качествам, как умение строить отношения с людьми, вести здоровый образ жизни, уметь постоять за себя, полагая, что детям для достижения успеха в жизни необходимо уметь правильно взаимодействовать с людьми. В современном обществе возрастает значимость хорошего здоровья как важнейшей характеристики качества жизни и залога карьерного успеха.

Значимость формирования такого навыка, как умение постоять за себя (23,3%) значительно опережает воспитание терпимости, уважения к окружающим (15,7%). При этом лишь 6% родителей говорит о необходимости воспитания в детях независимости в поведении, поступках. Отрадно, что лишь 9,4% родителей придерживаются принципа гиперопеки в процессе воспитания детей («защита детей от различных неприятностей» как важнейшая характеристика воспитания). Причем в основном данный вариант ответа выбрали родители относительно маленьких детей.

«Учеба, подготовка уроков, воспитание стремления к знаниям» – 21,7% родителей отметили необходимость акцента на образовании в сфере семейного воспитания. Более пятой части родителей принимают на себя ответственность за образование детей, осознавая роль образования как фактора, во многом влияющего на уровень жизни и возможность карьерного роста их детей.

Родители не слишком ценят знания, умения и навыки, которые у них есть, полагая, видимо, что в современном динамично меняющемся мире они далеко не всегда пригодятся их детям (17,0%).

Рассмотрение перечня основных целей семейного воспитания и тех ценностей, к которым в современной России часто апеллирует государственная и общественная пропаганда и воспитательная политика выявляет определенные противоречия. Крайне мало родителей полагает необходимым воспитать своих детей достойными

гражданами страны (лишь каждый десятый, 11%) и еще меньше – 3,6% – обучить их премудростям семейной жизни. Возможно, часть респондентов полагает, что и обучать навыкам семейной жизни не нужно, «само как-нибудь получится» на примере родительской семьи. Либо родители считают, что нельзя вмешиваться в эту личную сферу, сами взрослеющие дети во всем разберутся. Вместе с тем, период самоизоляции, связанный с мировой пандемией, показал ценность многопоколенной семьи в российском обществе, как важнейший фактор трансляции семейного воспитания.

Данные исследования позволили так же выявить, существует ли какая-либо специфика в реализации воспитательной функции российской семьи на фоне других государств постсоветского пространства.

Меньше различий прослеживается в стратегиях воспитания между российскими и белорусскими родителями – сказывается близость культур, распространенность в странах европейской модели воспитания. Исследования показывают, что базовые ценности белорусов практически не отличаются от ценностей жителей других европейских государств; ценностное сознание жителей Беларуси формировалось на протяжении веков под влиянием ключевых событий европейской истории (Данилов, Ротман, 2019).

Белорусские родители гораздо в меньшей степени, чем россияне, считают, что воспитание в семье предусматривает контроль учебы, подготовки уроков, воспитание стремления к знаниям (лишь 9,9% из них). Однако белорусы гораздо чаще других родителей (и россиян, и жителей Таджикистана) уделяют внимание воспитанию у детей терпимости и уважения к окружающим (21,1%).

Гораздо больше различий прослеживается между подходами к воспитанию между родителями из Таджикистана, с одной стороны, и Белоруссии, и России, с другой. На первом месте у жителей Таджики-

стана (с большим отрывом) стоит воспитание у детей трудолюбия, добросовестности в работе (85% родителей), это в 2 с лишним раза больше семей, чем в европейских странах. Чаще других жители Таджикистана обращают внимание на воспитание у детей стремления к знаниям, а также хотят воспитать своих детей достойными гражданами страны, научить их правильно строить свои взаимоотношения с другими людьми.

С другой стороны, в России и Белоруссии родители гораздо чаще обращают внимание на необходимость воспитывать у детей чувство ответственности, чем жители Таджикистана (в 3 раза), формировать

умение хорошо себя вести (в 4 раза), передать им знания и навыки, которыми владеют сами (в 2 раза), обучить премудростям семейной жизни (в 4-5 раз). Вероятно, можно говорить о различных моделях воспитания в наших странах, возможно, родители в Таджикистане в определенной мере тяготеют ролью традиций в воспитательном процессе и стремятся в большей степени соответствовать требованиям современности.

Представленные ниже ответы респондентов на вопрос о том, какие черты характера стремились воспитать у них родители (табл. 2), позволяют подтвердить вывод о различиях в стратегиях воспитания.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов из разных стран на вопросы о том, какие черты характера стремились воспитать у них родители, % к числу ответивших

Table 2

Distribution of answers of respondents from different countries to questions about what character traits their parents sought to сгдешмфеу, % of the number of respondents

варианты ответа	Какие черты характера стремились воспитать родители у Вас?		
	Таджикистан	Россия	Белоруссия
трудолюбие	73,3	64,0	57,7
целеустремленность	11,2	45,0	31,5
настойчивость	8,1	23,7	19,2
послушание	12,7	26,3	29,1
индивидуальность	9,9	22,4	18,8
заботливость	26,1	27,9	22,1
доброту	13,7	47,7	45,1
честность	49,1	54,0	52,1
порядочность	19,3	46,7	45,5
аккуратность, опрятность,	8,4	39,3	36,2
воспитанность, вежливость, хорошие манеры	9,6	42,8	39,4
дисциплинированность	11,5	29,0	23,5
самостоятельность и независимость	21,4	30,1	22,5
активность	4,3	19,3	10,3
бережливость в отношении денег и вещей	12,1	34,0	30,5
любопытность, интеллект, широту мышления	5,3	24,8	25,4
терпимость	34,5	20,4	16,4
стремление к успеху	13,7	23,1	15,0
самоконтроль	4,0	17,6	11,3
воля, характер	1,6	26,1	18,3
другое	0,9	2,5	2,8

В пятерке лидеров рейтинга важнейших характеристик личности, на которые обращали внимание родители в ходе воспитательного процесса: в Таджикистане (помимо трудолюбия) – честность, терпимость, заботливость, самостоятельность и независимость; России – честность, доброта, порядочность, целеустремленность; в Белоруссии – честность, порядочность, доброта, воспитанность и хорошие манеры. В аутсайдерах: в Таджикистане – воля и характер, самоконтроль, активность, любознательность и интеллект, настойчивость; в России – самоконтроль, активность, терпимость, индивидуальность, стремление к успеху; в Белоруссии – активность, самоконтроль, стремление к успеху, терпимость, воля и характер. Как видно, существуют определенные различия в стратегиях воспитания в странах, где проводилось исследование. Обращает на себя внимание, что жители европейских стран гораздо меньше внимания уделяют формированию в детях терпимости, чем жители Таджикистана. С другой стороны, в Республике Таджикистан заметны более значительные различия в ответах респондентов: разрыв между наиболее и наименее значимыми характеристиками для воспитания гораздо более заметен, чем в России и Белоруссии. Это может говорить о том, что в Таджикистане более четко выделена единая модель воспитания, тяготеющая к традиционным ценностям.

Программа исследования позволяет сопоставить мнения «воспитателей и воспитуемых» о том, какие черты характера стремились воспитать в них родители.

Стоит обратить внимание, что «умение много и добросовестно трудиться» в ходе исследования было выбрано всеми категориями опрошенных в качестве основного пути достижения успеха.

Далее следуют такие аспекты воспитания как честность, доброта и порядочность (2, 3, 4 места). Здесь трудно выделить какие-либо статистически значимые поко-

ленческие различия. Но прежде всего акцент в воспитании делается (и делался) на необходимости воспитать ребенка честным человеком. Это значимо и для доверительных отношений между членами семьи, для умения дружить и в целом характеризует человека как личность. Все эти характеристики, внимание которым в воспитательном процессе уделяет 40-60% родителей, могут помочь ребенку выстроить отношения с людьми.

Замыкает список лидеров в рейтинге целей воспитания (по мнению современных родителей) «целеустремленность» (43,4%) и «самостоятельность и независимость» (38,5%).

Вместе тем нельзя не отметить, что наблюдается определенное расхождение между тем, как представляют себе воспитание родители (на какие цели воспитания ориентируются они) и что думают о своем воспитании подростки и молодежь (поколение детей). Возможно, что часть родителей, понимая значимость наличия тех или иных качеств у своих детей, даже ощущая их нехватку у себя, выдают «желаемое за действительное», стараясь выглядеть более современными и понимающими родителями. Возможно так же, что сказывается недостаток педагогических навыков, культуры и часть родителей сами не сознают, как в процессе воспитания детей они расставляют акценты. В отдельных случаях цели воспитания лишь декларируются родителями однако поведение родителей, их невербальные послы, личный пример говорят детям о реальной более низкой значимости в их семье данных целей воспитания.

Так, например, 37,6% из числа опрошенных родителей отметили, что они хотели бы воспитать в ребенке «широту мышления, любознательность и интеллект», однако лишь четвертая часть подростков (23,1%) и около пятой части молодежи (21,2%) сочли, что родители целенаправленно обращали внимание на эти характеристики.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов разных возрастов на вопросы о том, какие черты характера стремились воспитать у них родители, % к числу ответивших

Table 3

Distribution of answers of respondents of different ages to questions about what character traits their parents sought to cultivate, % of the number of respondents

Варианты ответа	Какие черты характера стремились воспитать родители у Вас?			Какие черты характера Вы стремитесь воспитать у детей?
	родители	молодежь	подростки	родители
трудолюбие	76,3	56,7	65,1	67,6
доброту	38,0	41,0	42,9	36,5
честность	58,6	48,9	52,1	58,6
порядочность	40,9	39,8	42,5	48,1
заботливость	28,2	24,5	28,4	26,0
целеустремленность	23,0	38,0	45,9	43,4
послушание	23,0	23,6	25,0	13,6
аккуратность, опрятность,	25,5	35,7	34,9	25,1
воспитанность, вежливость, хорошие манеры	26,2	41,3	37,3	29,8
бережливость в отношении денег и вещей	27,7	28,1	31,5	26,4
дисциплинированность	24,6	23,0	27,1	28,4
самостоятельность и независимость	23,9	25,7	32,1	38,5
терпимость	22,6	16,1	30,4	21,3
любопытность, интеллект, широту мышления	17,9	21,2	23,1	37,6
настойчивость	15,4	18,4	25,9	30,9
индивидуальность	14,1	17,6	25,9	30,2
воля, характер	13,6	19,9	25,9	27,7
стремление к успеху	13,4	16,0	30,8	38,5
активность	8,9	16,4	18,7	29,3
самоконтроль	7,2	14,2	19,6	16,8
другое	1,8	2,5	2,2	1,8

По ответам подростков и молодежи видно, что родители довольно часто обращали внимание на формирование формальных навыков поведения, указывали (или указывают) детям на необходимость хороших манер и вежливости (37,3% и 41,3%), а также опрятности и аккуратности (34,9% и 35,7% соответственно). Однако, сами роди-

тели, хоть и ставят эти позиции на относительно высокое место в рейтинге характеристик воспитания, прививая детям нормы и правила, принятые в данном обществе, считают их менее значимыми (29,8% – «вежливость, хорошие манеры» и 25,1% «аккуратность, опрятность»). Гораздо реже детей (25,0%) и молодежи (23,6%) родители отвечали, что они стремятся воспитать в своих детях послушание (13,6%).

Мы можем так же выяснить, насколько, по мнению родителей, изменились цели воспитания в семьях за то время, как они выросли: какие основные характеристики стремились воспитать у них их родители (сегодняшние бабушки и дедушки).

Трудолюбие, хотя и оставшееся на первом месте, потеряло некоторое число своих сторонников-воспитателей. Так, 76,3% родителей считали, что это качество стремились воспитать у них и 67,6% стремятся его воспитать сами. Понижилась значимость «послушания» (с 23,0% до 13,6%).

Напротив, наблюдается повышение значимости таких целей воспитания, как формирование «стремления к успеху» (лишь 13,4% родителей ответили, что в детстве у них хотели воспитать это качество и 38,5% – хотят сейчас воспитать его у своих детей), «настойчивость» (15,4% против 30,9% соответственно), «целеустремленность» (23,0% и возрастание до 43,4%), «самостоятельность и независимость» (23,9% и 38,5%), «индивидуальность» (с 14,1% до 30,2%), а также «воля, характер» (13,6% и 27,7%), «самоконтроль» (7,2% и 16,8%). Налицо определенный тренд в сторону усиления роли характеристик личности, позволяющих добиться в современном мире личного успеха, выступающего в глазах общества мерилom состоявшейся личности. В правоте этой гипотезы убеждает и сравнение ответов подростков и молодежи о том, какие качества стремились воспитать в них родители. Представители молодежи реже подростков (но чаще самих родителей) отвечают, что их родители стремились воспитать в них качества, способствующие достижению успеха (настойчивость, волю, стремление к успеху, активность и т.д.).

Заключение (Conclusions). Анализ результатов исследования позволяет сказать, что определенная трансформация воспитательных ценностей и стратегий на постсоветском пространстве, в том числе в российской семье, произошла. При этом одновременно сосуществуют различные воспитательные стратегии, среди которой невозможно выявить единую.

Различия в типичных чертах, которые родители, исходя из современных им реалий, стремятся воспитать в своих детях, имеют достаточно яркие поколенческие различия, пожалуй, даже более яркие, чем межстрановые.

Процесс воспитания выступает отражением изменения в системе ценностей общества. На что надо ориентировать родителям своего ребенка, чтобы он добился успеха, был счастлив? Каков набор характеристик личности, которые, по мнению родителей, помогут ему в этом? Единственным неизменным лидером остается «трудолюбие» – однако требует дальнейшей проверки гипотезы, с чем это связано. Либо трудолюбие как таковое действительно остается на протяжении длительного времени важнейшей ценностью и характеристикой модели поведения, либо оно относится к категории формальных, обязательных и социально одобряемых черт.

Существуют значительные расхождения в декларируемых родителями целях и восприятии процесса воспитания детьми. Родители в целом отмечают более широкий спектр воспитательных ценностей, чем молодежь и подростки.

Однако, весьма сильны и традиционные российские ценности – «умение общаться с людьми», «добросовестность в работе» «терпимость и уважение». Такой весьма богатый набор воспитательных ценностей свидетельствует о том, что российское общество становится все более мультикультурным, в нем уживаются совершенно различные традиции, ценности и цели воспитания.

Сравнивая ответы родительского поколения о том, к чему стремятся они в процессе воспитания детей и чему хотели воспитать их, можно увидеть, что лидерство в ходе процесса воспитания в семье сейчас переходит к таким качествам, как «стремления к успеху», «настойчивость», «целеустремленность», «самостоятельность и независимость» «индивидуальность».

Воспитание в современной семье оказалось достаточно динамичным процессом.

Утверждение индивидуализма в качестве общественного мировоззрения начиная с 90-х годов XX столетия, с одной стороны, и некий ренессанс традиционалистских институтов и ценностей в последние годы, с другой, не могло не отразиться на формировании воспитательных стратегий у представителей различных поколений. В ряде случаев несовершеннолетние респонденты оказываются «традиционалистами» гораздо в большей степени, чем респонденты в возрасте 18-35 лет.

При сравнении воспитательных стратегий в разных странах, где проводилось исследование, обращает на себя внимание тот факт, что родители в гораздо более традиционном обществе, примером которого может служить Таджикистан, в меньшей степени обращают внимание на необходимость формирования у своих детей таких навыков, как умение хорошо себя вести, быть хорошим семьянином, а также передать им знания и навыки. Видимо, существует некоторый диссонанс между реальной жизнью и той, которую хотели бы пожелать родители своим детям, счастье в жизни и успех для своих детей родители связывают не с традиционным образом жизни. При этом для Таджикистана характерен меньший разброс во мнениях респондентов, чем для России и Белоруссии.

Обращает на себя внимание, что родители не слишком ценят свой опыт, знания, умения и навыки, не стремятся передать их своим детям в процессе воспитания. Это является свидетельством признания динамичности изменений, быстром «старении» знаний и навыков, а также определенного стремления переложить ответственность за воспитание детей на другие социальные институты.

Крайне мало родителей ориентируется на воспитание в соответствии с приоритетами, к которым апеллирует современная воспитательная политика – о необходимости воспитать своего ребенка достойным гражданином и семьянином размышляет незначительная часть респондентов. Тем

самым показательно, что сама семья, родители не уделяют внимания в ходе воспитательного процесса навыкам будущей семейной жизни, что косвенным образом свидетельствует о невысокой значимости «семейной карьеры» в глазах родителей на фоне озабоченности учебной, будущей «профессиональной карьерой» их детей. Видимо, семья не является для большинства опрошенных мерилем жизненного успеха.

Отмеченные особенности реализации воспитательной функции семьи необходимо учитывать при формировании мер семейной и воспитательной политики. Процесс воспитания в семье находится в постоянном изменении, очень чутко отзываясь на происходящее в обществе. Успешность воспитательно-социализационной функции семьи во многом определяется тем, насколько развивается сотрудничество семьи и других социальных институтов. Именно «сотрудничество», а не диктат или формализация отношений. Сама семья не может, да, видимо и не хочет, формировать у детей понимание значимости роли семьи в жизни человека, приоритет семейных ценностей, поскольку реализация данных воспитательных посылов находится в противоречии с представлениями общества о жизненном успехе.

Список литературы

- Багирова А. П., Шубат О. М. Семья и родительство сквозь призму мнений студенток // Социологические исследования. 2017. № 7.
- Данилов А. Н., Ротман Д. Г. Особенности процесса обновления базовых ценностей в меняющейся реальности (на примере Республики Беларусь) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 4. С. 678- 691.
- Дементьева И. Ф., Голенкова З. Т. Теория семейного воспитания в общетеоретическом контексте социальных наук // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 3. С. 542-554.
- Костина Е. Ю. Состояние системы ценностей как фактор аномии в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ. 2018. Т. 18, № 4. С. 719-730.
- Кучмаева О. В. Идеальная модель семьи в глазах россиян и стратегия по повышению

ценности семейного образа жизни // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 2.

Майорова-Шчеглова С. Н., Колосова Е. А. Дети и детство как объекты социологических исследований // Социологические исследования. 2018. № 3.

Макдональд П. Низкая рождаемость и государство: эффективность политики // Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы. Материалы международного семинара, г. Москва, 15-16 сентября 2006 г. М., 2006. С. 27-56.

Меренков А. В. Тенденции изменения семейного воспитания в современном обществе // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 101-110.

Мищенко В. А. Образ российской семьи в средствах массовой информации // Электронный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета». 2013. № 6(16).

Подерин В. К. Методологическое и практическое значение изучения эксплицитных и латентных функций семьи. В кн. Семья в мире социальных изменений. Сб. науч. тр. Казань: ГУ «НИИ семьи и демографии АН РТ», 2008.

Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3.

Ростовская Т. К., Кара-Мурза С. Г., Егорычев А. М. От кризиса нравственности до возрождения традиционных семейных ценностей россиян // Известия Саратовского университета. Новая серия: Социология. Политология. 2019. № 2. С. 167-171.

Inglehart R. F. Changing values among western publics from 1970 to 2006 // West European Politics. 2008. Vol. 31. № 1-2.

Sobotka T. The diverse faces of the Second Demographic Transition in Europe // Demographic research. 2008. № 19. P. 171-224.

References

Bagirova, A. P. and Shubat, O. M. (2017), "Family and parenthood through the prism of students' opinions", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (7). (In Russian).

Danilov, A. N. and Rotman, D. G. (2019), "Features of the process of updating basic values in a changing reality (on the example of the Republic of Belarus)", *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, (19) 4, 678-691. (In Russian).

Dementeva, I. F. and Golenkova, Z. T. (2018), "Theory of family education in the general theoretical context of social sciences", *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, (18) 3, 542-554. (In Russian).

Kostina, E. Yu. (2018), "The state of the value system as a factor of anomie in modern Russian society", *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, (18) 4, 719-730. (In Russian).

Kuchmaeva, O. V. (2019), "The ideal family model in the eyes of Russians and a strategy to increase the value of the family lifestyle", *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, (2). (In Russian).

Majorova-Shcheglova, S. N. and Kolosova, E. A. (2018), "Children and childhood as objects of sociological research", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (3). (In Russian).

Makdonald, P. (2006), "Low birth rate and the state: policy effectiveness", *Low birth rate in the Russian Federation: challenges and strategic approaches. Materials of the international seminar*, Moscow, Russia, 27-56. (In Russian).

Merenkov, A. V. (2013), "Trends in family education in modern society", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (2), 101-110. (In Russian).

Mishchenko, V. A. (2013), "Image of the Russian family in the media", *Elektronnyj zhurnal «Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta»*, (6). (In Russian).

Poderin, V. K. (2008), "Methodological and practical significance of studying explicit and latent family functions", in *Family in the world of social changes*, GU «NIC semi i demografii AN RT», Kazan, Russia. (In Russian).

Radaev, V. V. (2018), "Millennials on the background of previous generations: an empirical analysis", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (3). (In Russian).

Rostovskaya, T. K., Kara-Murza, S. G. and Yegorychev, A. M. (2019), "From the crisis of morality to the revival of traditional family values of Russians", *Izvestiya of Saratov University. New series: Sociology. Political science*, (2), 167-171.

Inglehart, R. F. (2008), "Changing values among western publics from 1970 to 2006", *West European Politics*, 31 (1-2).

Sobotka, T. (2008), "The diverse faces of the Second Demographic Transition in Europe", *Demographic research*, (19), 171-224.

***Конфликты интересов: у авторов нет
конфликта интересов для декларации.***

***Conflicts of Interest: The authors have no
conflict of interest to declare.***

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Кучмаева Оксана Викторовна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник отдела семьи и социальной политики Центра социальной демографии Института

социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, Institute for Social and Political Studies, Federal Scientific Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences.

Oksana V. Kuchmaeva, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Department of Family and Social Policy, Center for Social Demography, Institute of Social and Political Studies, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences.

УДК 316

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-9

Рыбакова М. В.¹
Паламарчук А. В.²

**Евразийская интеграция:
контент-анализ электронных ресурсов**

¹ Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия
Факультет государственного управления Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова
Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4, г. Москва, 119991, Россия
RybakovaMV2005@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-7610-3896

² Факультет государственного управления Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова
Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4, г. Москва, 119991, Россия
annapalamarchuk_tsu@mail.ru
ORCID iD: 0000-0001-5043-1296

*Статья поступила 4 мая 2020 г.; принята 28 мая 2020 г.;
опубликована 30 июня 2020 г.*

Аннотация. В статье отмечаются общие тенденции развития информационного обеспечения евразийской интеграции в рамках Евразийского экономического союза: возрастающее значение социальных сетей и качество публикуемой информации в официальных средствах массовой информации. В центре внимания статьи находятся результаты контент-анализа электронных ресурсов, освещающих евразийскую интеграцию. Системный взгляд на проблематику медиапространства стран ЕАЭС и проблемы освещения евразийской интеграции позволил сформулировать объект исследования – электронные ресурсы евразийской тематики. Внимание авторов сосредоточено на интерпретировании состояния повестки евразийской интеграции в государствах-участниках Евразийского союза. В статье сделан вывод о том, что общее информационное поле евразийской интеграции представлено недостаточным количеством электронных ресурсов, а имеющиеся используются не в полной мере. Кроме того, выявлены частные характеристики анализа для официальных сайтов, групп и сообществ в социальных сетях. Последовательно анализируются авторские характеристики, составляющие основу контент-анализа электронных ресурсов на исследуемых уровнях. В статье доказано, что существующие специализированные сайты и группы в социальных сетях в целом не соответствуют масштабу проекта ЕАЭС и нуждаются в доработке и представлено обоснование необходимости доработки информационной стратегии ЕАЭС. Статья носит прикладной характер и акцентирует внимание на узкоспециализированной тематике.
Ключевые слова: Евразийский экономический союз; молодежь; евразийская интеграция; информационное пространство; ЕАЭС.

Информация для цитирования: Рыбакова М. В., Паламарчук А. В. Евразийская интеграция: контент-анализ электронных ресурсов // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 132-144. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-9

Marina V. Rybakova¹
Anna V. Palamarchuk²

Eurasian integration: content analysis of web-resources

¹ Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
School of Public Administration of Lomonosov Moscow State University
bld. 4, 1 Leninskie Hills, Moscow, 119991, Russia
RybakovaMV2005@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-7610-3896

² School of Public Administration of Lomonosov Moscow State University
bld. 4, 1 Leninskie Hills, Moscow, 119991, Russia
annapalamarchuk_tsu@mail.ru
ORCID iD: 0000-0001-5043-1296

*Received on May 04, 2020; accepted on May 27, 2020;
published on June 30, 2020*

Abstract. The article discusses some general trends in the development of information support for Eurasian integration within the framework of the Eurasian Economic Union: the increasing importance of social networks and the quality of published information in official media. The article focuses on the results of a content analysis of electronic resources covering Eurasian integration. A systematic look at the media issues of the EAEU countries and the problems of coverage of Eurasian integration made it possible to formulate the object of study – electronic resources devoted to the Eurasian theme. The authors' attention is focused on interpreting the state of the Eurasian integration agenda in the member states of the Eurasian Union. The article concludes that the general information field of Eurasian integration is represented by an insufficient number of electronic resources, and the available ones are not fully used. In addition, private characteristics of the analysis for official sites, groups and communities in social networks are revealed. The author's characteristics, which form the basis of the content analysis of electronic resources at the studied levels, are analyzed sequentially. The article proved that the existing specialized sites and groups in social networks as a whole do not correspond to the scale of the EAEU project and need to be improved; the rationale for the need to refine the EAEU information strategy is presented. The article is practical in nature and focuses on highly specialized topics.

Keywords: Eurasian Economic Union; youth; Eurasian integration; media; EEU

Information for citation: Rybakova, M. V. and Palamarchuk, A. V. (2020), "Eurasian integration: content analysis of web-resources", *Research Result. Sociology and management*, 6 (2), 132-144, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-9

Введение (Introduction). Евразийский экономический союз – организация региональной экономической интеграции,

обеспечивающая согласованную и единую политику в определенных отраслях экономики¹.

¹ Договор о ЕАЭС, 2014 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 10.03.2020).

В ЕАЭС входят пять стран-участниц – Российская Федерация, Республика Армения, Республика Казахстан, Республика Беларусь и Кыргызская Республика. Как подчеркивается в официальных документах, ЕАЭС был создан с целью укрепления экономик стран-участниц (Паламарчук, 2017), а государства, подписавшие Договор о ЕАЭС (2014 г.), обязались осуществлять согласованную политику в ключевых отраслях экономики – энергетика, транспорт, сельское хозяйство, промышленность (Зиядуллаев, 2014: 3).

Эволюция регионального интеграционного объединения – Евразийского экономического союза на сегодняшний день ставит перед политиками и обществом множество задач. В целом в ЕАЭС можно отметить ряд проблем, среди которых: несогласованность моделей экономического развития, недостаточная консолидированность властных институтов, отсутствие консенсуса внутри самих стран-участниц, приоритетность собственных модернизационных проектов над общими приоритетами, высокая степень формализации норм, правил и процедур принятия решений (Осадчая, 2019: 3).

Более того, для успешного функционирования Союза и развития долгосрочных партнерских отношений внутри ЕАЭС необходимо изучать механизмы вовлечения граждан в интеграционные процессы. По нашему мнению, медиапространству стран Евразийского союза в данном случае отводится особая роль.

Мировая практика показала, как эффективное межстрановое сотрудничество, выраженное в верном векторе наднационального управления в различных сферах, влияет на развитие региона (Видясова, Чугунов, Видясов, 2017). В частности, опыт Европейского союза (ЕС) продемонстрировал, что глубокая экономическая интеграция не возможна без согласованных действий в области социального управления (Libman, 2012, 2019).

В силу общемировых изменений, как политических и социально-экономических,

так и технологических, стоит особое внимание уделять разработке и усовершенствованию управленческих практик в рамках информационного взаимодействия стран-участниц ЕАЭС.

В данном случае, своевременный обзор информационных ресурсов ЕАЭС (официальный сайт, новостные порталы и другие электронные ресурсы) позволяет провести анализ и сделать заключение как об уровне подачи официальной информации, так и об особенностях взаимодействия с различными социальными группами и обществом в целом.

Данная проблематика приобретает особую актуальность в связи с недостатком в законодательных механизмах наднациональных органов управления ЕАЭС регулирования евразийской медиасистемы.

Вместе с тем, освещение евразийской интеграции в информационном пространстве стран Евразийского союза, представляется нам как важный ориентир в формировании положительного имиджа ЕАЭС.

Методология и методы (Methodology and methods). Евразийский союз, являющийся новообразованным интеграционным объединением, вызывает интерес как потенциальный крупный игрок на мировой арене в недалеком будущем (Подкина, 2019: 217). Внимание к ЕАЭС остается высоким и по ряду иных причин. Во-первых, Союз находится в процессе становления и углубления интеграции. Во-вторых, развитие Союза основано на создании общих рынков товаров, услуг, рабочей силы.

Объясняется это тем, что процесс евразийской интеграции необратим, и характеризуется периодом устойчивого функционирования наднациональных структур ЕАЭС (Глазьев, 2014: 224).

Для повышения доверия населения к Евразийскому союзу, необходимо создавать условия для возможности разъяснения в средствах массовой информации (СМИ) реальных достижений и возможностей, предоставляемых евразийской интеграцией в непростое время выхода из кризиса после окончания пандемии.

Кроме того, учитывая активность использования различными социальными группами новостных возможностей сети Интернет, необходимо изучение контекста информационного поля евразийской интеграции на различных сайтах, а также отслеживание количества и качества публикаций по данной теме в традиционных СМИ (Ceron, Curini, 2017).

Согласно данным исследовательских центров¹, в России более 82,8 млн человек пользуются Интернетом ежедневно. Среднее времяпрепровождение в сети составляет 183 минуты в день. Наряду с этим, помимо поисковых систем в сети (Google, Яндекс и др.), возрастает популярность социальных сетей. Так, социальная сеть «ВКонтакте» насчитывает 38,2 млн активных пользователей на начало 2019 г.

Интернет-сообщество «ВКонтакте» – в большей степени распространено среди студентов и молодых специалистов, тогда как другая платформа – «Фейсбук» считается международной социальной сетью и популярна у продвинутой интеллигенции (Филь, 2016: 54).

Число россиян, которые ежедневно заходят во «ВКонтакте» составляет 23 млн чел. Для сравнения, всего 1,7 млн пользователей из России обращаются к сети «Фейсбук» ежедневно. Тем не менее, хотя бы один раз в месяц данную социальную сеть посещают 10,3 млн россиян.

Именно поэтому в настоящей статье приводятся результаты исследования как контента официальных сайтов евразийской интеграции, так и тематических групп и сообществ социальных сетей «Фейсбук» и «ВКонтакте».

Отдельно отметим, что анализ источников в социальных сетях представляет большой интерес в связи с возрастающим значением распространения через них новостной информации.

По данным информационного поля Brand Analytics на ноябрь 2016 г. в России было сгенерировано 698 млн сообщений от 35 млн пользователей². Для сравнения, зимой 2015-2016 гг. сообщений в месяц было – 588 млн, а пользователей – 37 млн³. В других странах Евразийского союза также проводились подобные исследования. Например, в Казахстане на декабрь 2015 г. выявлено 3,3 млн человек пользователей, которые опубликовали 45 млн сообщений за месяц⁴. Сравнивая показатели количества сообщений можно отметить значительное увеличение количества сообщений (публикаций в социальных сетях), что связано с нарастающей популярностью социальных сетей среди населения.

Социальные сети – инструмент, с помощью которого осуществляются самые разные начинания и преследуются самые разные цели, как вредные, так и полезные для личности и общества (Филь, 2016: 92). С помощью данного инструмента у человека есть возможность высказаться по различным вопросам, описать свою точку зрения. Для всех социальных сетей отмечаются общие тенденции: увеличение тематических сообществ и форумов в публичных каналах; рост видео-контента; рост активности спам-ботов; превосходство социальных медиа перед классическими СМИ при формировании общественного мнения; увеличение количества недостоверной и непроверенной информации.

¹ Аудитория социальных сетей в России, 2019. URL: <https://popsters.ru/blog/post/auditoriya-socsetey-v-rossii> (дата обращения: 10.03.2020); Данные исследования аудитории СМИ, 2019. URL: https://mediascope.net/services/media/media-audience/dannye_issledovaniy_auditorii_smi/ (дата обращения: 10.03.2020).

² Исследование «Социальные сети в России осень 2015-2016». URL: <http://blog.br-analytics.ru/sotsialnye-seti-v-rossii-osen-2016/> (дата обращения: 10.03.2020).

³ Исследование «Социальные сети в России зима 2015-2016». URL: https://br-analytics.ru/sample_report/social_network_russia_winter_2015_2016.pdf (дата обращения: 10.03.2020).

⁴ Исследование «Социальные сети Казахстана, зима 2015-2016». URL: <http://blog.br-analytics.ru/socialnye-seti-kazakhstana-zima-2015-2016/> (дата обращения: 10.03.2020).

В данной статье методологическим основанием изучения электронных ресурсов евразийской интеграции послужила методика направленного качественного контент-анализа (Боришполец, 2005).

Выбор ведущих методологических принципов исследования был основан на возможности как количественно измерить выбранные элементы массива данных, так и детально изучить сочетание количественных и качественных показателей, которые характеризуют изучаемый объект.

Помимо сопоставления количественных показателей, был проведен анализ информации, опубликованной на тематических электронных площадках, ориентированных на интересующихся тематикой евразийской интеграции читателей. Были рассмотрены такие категории как оформление сайта/группы, актуальность представленного контента, взаимодействие с посетителями сайтов, активность в социальных сетях и др. Сроки проведения исследования – октябрь-ноябрь 2019 г.

Измерение выделенных параметров (характеристик) проводилось по пятибалльной шкале оценивания, которая позволила более конкретно произвести оценку структуры исследуемых электронных ресурсов. Так, при полном соответствии критерию, выставлялась оценка «5», при некоторых отклонениях «4», частичное несоответствие получало оценку «3», частичное соответствие – «2», абсолютное несоответствие – «1».

Аналізу подверглись 149 электронных ресурсов, среди которых 72 официальных веб-сайта (10 на момент исследования находились в обработке/разработке, поэтому их не удалось изучить), 36 групп в социальных сетях, ссылки на которые были размещены на сайтах, а также 27 отдельных групп в социальных сетях.

Отбор информационных ресурсов проходил в два этапа. На первом этапе в поисковой системе Гугл с помощью ключе-

вых слов¹ были отобраны сайты, представляющие научный интерес для исследования (уровень А). На втором этапе, после визуального изучения веб-сайта, при наличии раздела «партнеры» в навигации или основном содержании, осуществлялся переход на обозначенные там адреса веб-сайтов, и, в случае соответствия тематике исследования, они также были отобраны для изучения. На третьем этапе, в социальных сетях (Вконтакте, Фейсбук) был проведен поисковый запрос групп/сообществ по тем же ключевым словам. Итогом стал реестр веб-сайтов и групп в социальных сетях, в котором все полученные адреса страниц были распределены на три тематические подгруппы (уровень В): официальные веб-сайты молодежных объединений, НКО, молодежных организаций стран ЕАЭС, сайты информационно-аналитических порталов, новостные сайты, сайты конференций, форумов евразийской тематики, сайты телеканалов, журналов, сайты ЕЭК, ЕАБР и др.; группы и сообщества в социальных сетях, переход на которые возможен с официальных сайтов; отдельные группы и сообщества, отражающие тематику евразийской интеграции в социальных сетях.

Следующим этапом в исследовании стала индексация элементов в зависимости от локализации в структуре исследуемого проблемного поля (уровни С, D). Единицы анализа на уровне D проверялись и получали показатель – 0 (отрицательный) при отсутствии и 1 (положительный) при наличии. Все показатели заносились в матричный классификатор.

Далее, после исследования на предмет наличия проблемных категорий в структурах исследуемых сайтов и групп/сообществ на следующем уровне (уровень Е), проводилась оценка содержательности по заранее определенным характеристикам (атрибутам).

Все результаты обрабатывались математически, согласно формуле (1):

¹ Ключевые слова для поиска: евразийство, евразийская интеграция, ЕАЭС, евразийская молодежь.

$$[(n_1 \times x_1) + (n_2 \times x_2) + (n_3 \times x_3) + (n_4 \times x_4) + (n_5 \times x_5)]/Y, \quad (1)$$

Где n – оценка, которую получал атрибут (от 1 до 5), x – общее количество оценок в ряду таблицы, а Y – количество электронных ресурсов для каждой из трех подгрупп, согласно реестру. Для сайтов, отдельных групп/сообществ и сообществ с сайтов значение Y менялось.

Таким образом, средняя оценка атрибутов единиц анализа содержательности сайтов и групп в социальных сетях, позволила составить представление о сильных и слабых сторонах электронных ресурсов евразийской тематики.

В общем виде схема по уровням структуризации информационного массива данных представлена на рисунке.

Рис. Структуризация информационного массива данных
Fig. Structured amount of data

Полученные данные стали основой формирования аналитического заключения по проблематике информационного поля евразийской интеграции в контексте информационного механизма вовлечения молодежи в интеграционные процессы.

Остановливаясь на специфике исследования, подчеркнем, что молодежь является важнейшим ресурсом интеграции на Евразийском пространстве и субъектом трансляции ценностей интеграционных процессов будущим поколениям.

По нашему мнению, вовлечение молодежи стран ЕАЭС в евразийскую повестку является приоритетным.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). По результатам контент-анализа электронных ресурсов евразийской тематики можно сделать общий вывод о том, что, безусловно, есть положительная тенденция в использовании сети Интернет.

Первое, что важно отметить, это доступность информации. У пользователя есть доступ к основным информационным ресурсам ЕАЭС без ограничения (к примеру, в отличие от выпуска новостей на телевизионном канале). Официальные сайты адаптированы под мобильные устройства, группы в социальных сетях «Вконтакте» и «Фейсбук» в качестве приложений также могут располагаться в индивидуальном устройстве пользователя.

Следующий важный момент – способность вовремя отслеживать общее настроение пользователей в отношении евразийской интеграции с помощью интерактивных приложений и обратной связи. В качестве примера можно отметить мини-опросы, баннеры обратной связи и возможность оставлять комментарии.

Также отметим разнообразие контента на электронных ресурсах евразий-

ской интеграции: новостные порталы, мероприятия и проекты евразийской тематики, молодежные организации и др.

Ниже приведем основные результаты исследования, на которые стоит обратить внимание.

Первой характеристикой электронных ресурсов в исследовании является *описание деятельности (D1)*, представленное на веб-сайте или в социальных сетях. Как и ожидалось, наличие данной характеристики было отмечено у большинства ресурсов. Всего в 20% случаев данные о деятельности (описание сайта, шапка профиля) отсутствовали. В условиях сравнения данных по трем группам (на уровне В), для отдельных сообществ, сообществ с сайтов и отдельных сайтов результаты, соответственно, 76%, 85% и 79%.

Следующая единица анализа – *новостная лента (D2)* была зафиксирована также во всех исследуемых группах. У сайтов в 74% случаев, у сообществ, которые указаны на сайте – в 97%, у отдельных групп и сообществ – в 44% случаев. Соответственно, меньше половины тематических групп в социальных сетях имеют актуальную новостную ленту, что позволяет нам сделать вывод о том, что подобные ресурсы в определенном смысле востребованы.

Далее был проанализирован *интерфейс (D3)*, причем только у веб-сайтов, так как группы и сообщества в социальных сетях «ВКонтакте» и «Фейсбук» имеют стандартный вид, утвержденный разработчиками.

Ценность информации (D4) в сводных данных для трех групп исследуемых ресурсов составила 87%, что говорит о хорошей подаче материала и актуальности источников. Наибольшая ценность информации была отмечена у официальных сайтов (97%), наименьшая (40%) – у отдельных групп в социальных сетях. Объяснить это можно тем, что зачастую ведением группы/сообщества в социальных сетях занимаются непрофессионалы, и у пользователей низкий уровень доверия к подобным сообществам.

Отдельно отметим параметр *проекты/мероприятия (D5)*. Анализ данной единицы позволил практически проследить тенденции проведения мероприятий в рамках развития интеграционных проектов. Стоит сказать, что крупные мероприятия проводятся в основном официальными организациями Евразийского союза, среди которых Евразийский банк развития (ЕАБР) и Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

К примеру, исходя из информации, размещенной на сайте ЕАБР, помимо проектов, соответствующих специфике организации, ежегодно проводится конференция «Евразийская экономическая интеграция», которая является площадкой для обмена авторитетными мнениями представителей деловых и научных кругов, органов власти и международных организаций.

В данном случае наблюдались высокие оценки оформления официального веб-сайта (<https://conf.eabr.org/>), группа конференции в «Фейсбук» активна, с количеством участников более 1000 человек.

Наличие *графического контента (D6)* в трех исследуемых группах имеет достаточно высокие показатели – большинство электронных ресурсов содержат на своих страницах фотогалереи и фотографии с мероприятий, а также тематические картинки и пр. При оценке атрибутов единицы анализа (D6) было отмечено, что почти все сайты имеют заполненный раздел *Фотогалерея (E14)*. Для сообществ в социальных сетях характерно наличие фотоальбома с минимальным количеством фотографий либо тематических картинок. *Фотосопровождение статей (E13)* в сообществах/группах в социальных сетях было оценено в 3,92 балла, что можно объяснить частым несоответствием изображения заявленной теме статьи. Для официальных сайтов оценка (E13) выше – 4,4 балла, так как в большинстве случаев новостные публикации содержали фото, описанных в них событий.

Особо отметим результаты наличия характеристик *видеоматериалы (D7)* и *популярность (сайтов)/активность (групп)*

(D8). Под «Видеоматериалами» понимается наличие отдельных альбомов или ссылок на видеоразделы, а также отдельные видео в блоке новостей, либо описание деятельности и мероприятий в видеоформате. Для сайтов характеристика D7 отмечена всего у 24% ресурсов. Для отдельных групп данный показатель составил 60%, для групп с сайтов – 79%.

Характеристика «Посещаемость» для сайтов принималась в том случае, если сайт в месяц посещали от 10 тыс. человек. В случае с социальными сетями наиболее близким к понятию посещаемости сайта стала «активность» группы, которая характеризовалась наличием в сообществе от 1 тыс. человек. Данные цифры были обозначены для ориентира не случайно. В случае с исследованием евразийской интеграции имеется в виду не отдельная страна, а все страны ЕАЭС, поэтому, и посещаемость, и наличие в сообществах большого количества участников является ожидаемым.

Тем не менее, веб-сайты евразийской тематики с посещаемостью более 10 тыс. человек в месяц составили чуть больше половины исследуемых электронных ресурсов – 64%. Активность отдельных групп и сообществ в социальных сетях почти в два раза меньше и составляет 36%. Группы и сообщества, на которые можно перейти с сайта – 70%, что говорит об однозначном положительном эффекте размещения ссылок на социальные сети в официальных электронных ресурсах.

Наибольший показатель посещаемости сайтов с количеством 8 817 031 просмотров в месяц на момент исследования стал новостной портал Информационное агентство Eurasia Daily (EADaily) (<https://eadaily.com/ru/news/>).

Также можно отметить высокий интерес пользователей к сайтам организаций Росмолодёжь (3 750 000 просмотров), Евразийской экономической комиссии (741 000 просмотров), к другим новостным сайтам Новостной портал «ПолитРоссия» (1 762 195 просмотров).

Интерактивные приложения (D10), как характеристика исследуемых объектов, показала самый маленький результат. Всего 4% сайтов используют возможности современных технологий в создании сайтов. Если говорить конкретнее, то под интерактивными приложениями в результатах исследования понимаются – онлайн трансляции, интерактивный гид по сайту, мини-опросы. К примеру, в упомянутом выше Информационном агентстве Eurasia Daily (EADaily) на сайте размещен мини опрос с возможностью ответа и просмотра ответов других пользователей.

На следующем этапе исследования, характеристики, выявленные на уровне D, подвергались оценке по определенным параметрам. К примеру, интерфейс сайтов был проанализирован по следующим критериям: *удобство навигации (E5), соответствие контента тематике электронного ресурса (E6), привлекательность визуального дизайна (E7) и адаптивность верстки сайта к мобильным устройствам (E8)*.

В результате исследования было отмечено, что все сайты, на этапе оценки параметра E8 адаптированы для использования на мобильных устройствах. Навигация и привлекательность сайтов были оценены на средний балл 4,58 и 4,48, соответственно. Соответствие контента заявленной тематике сайтов в большинстве случаев подтвердилось, средний балл этого параметра – 4,76.

Критериями оценки новостной ленты стали *разделение новостей по рубрикам (E3) и актуальность (E4)* публикуемых новостей. Новостные рубрики или категории новостей на сайтах получили среднюю оценку 4 балла. Тот же критерий для групп, на которые можно перейти с сайтов, получил среднюю оценку 4,48 балла. Отдельные группы и сообщества в социальных сетях – 3,15 балла. Самую низкую оценку актуальности получила группа отдельных сообществ в социальных сетях (2,76 балла). Актуальность контента на сайтах и их группах, тем не менее, имеет достаточно высо-

кий средний балл – 4,5 и 4,6, соответственно. Стоит отметить, что больше половины сайтов имеет кнопки цитирования в социальные сети или ссылку на группу/сообщество.

Ценность информации оценивалась по *содержанию статей (E₉) и обновляемостью публикуемого материала (E₁₀)*. Высоко были оценены публикации на сайтах (4,75 балла) и в сообществах в социальных сетях, на которые есть ссылки на сайтах (4,51 балл). Критерий обновляемости публикаций оценен на 4,55 и 4,65 балла, соответственно. Отдельные сообщества и группы в социальных сетях получили самые низкие оценки из всех параметров. Так, содержание статей было зачастую неинформативным, во многих случаях отсутствовала аналитика интеграционных процессов (3,5 балла).

В большинстве отдельных групп в социальных сетях последние публикации датированы 2018 годом и ранее, что объясняет оценку данного параметра в данном случае, которая составила всего 2,88 балла. Обратная связь с пользователями во всех трех исследуемых группах развита средне (сайты – 3,4 балла, отдельные группы – 3,0, группы с сайтов – 3,75). В понятие обратной связи входит наличие обсуждений и комментариев под публикациями, возможность оставить отзыв и задать вопрос.

По итогам исследования нами сделан вывод, что электронные ресурсы представляют собой не менее значимый канал по получению информации об успехах интеграционных проектов и привлечению внимания к деятельности организаций евразийской направленности в сравнении с телевизионными и печатными СМИ.

Информирование общества о развитии интеграционных проектов является одним из ключевых механизмов вовлечения населения стран ЕАЭС в евразийскую интеграцию. Тем не менее, информационное

обеспечение интеграционных процессов в ЕАЭС продолжает развиваться стихийно. Отмечается недостаточное внимание деловых и государственных СМИ к результатам существования ЕАЭС¹. Более того, слабо разработаны проекты по созданию единого информационного пространства государств-участников Евразийского союза.

Рост значения Интернета в качестве источника информации определяется С. В. Венидиктовым как общая характеристика медиапространства стран ЕАЭС. В данном случае мы согласны с автором и считаем, что в дальнейшем тенденция на получение информации посредством запросов в сети Интернет возрастет. Наряду с этим, автор выделяет и другие общие характеристики медиапространства государств Союза: «устойчивая позиция СМИ, контролируемых государством; значительный авторитет местных традиционных СМИ в сравнении с зарубежными; доминирование телевидения как источника социально-политической информации с поддержкой государственных каналов; утрата влияния радиовещания и печатных СМИ; стабильное присутствие русскоязычных медиа (преимущественно, телевидения)» (Венидиктов, 2016: 64).

Повышение значимости электронных ресурсов в информационном обеспечении евразийской интеграции, не оставляет без внимания интеграционную повестку в печатных и телевизионных СМИ.

Так, коллеги из «Центра изучения перспектив интеграции» (ЦИПИ), совместно с Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси с 2017 г. в рамках исследования «Евразийский медиаиндекс» проводят ежеквартальный анализ присутствия интеграционной повестки в информационных пространствах стран Евразийского экономического союза².

¹ Почему деятельность Евразийского экономического союза игнорируют СМИ. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/06/29/5b34de3b9a7947646e2c1275> (дата обращения: 10.03.2020).

² Евразийский медиаиндекс, 2019 г. URL: <https://ru.scribd.com/document/413748610/Евразийский-медиаиндекс-2019> (дата обращения: 10.03.2020).

Евразийский медиаиндекс (ЕМИ) складывается из нескольких составляющих, среди которых – тональность публикаций, степень официоза публикаций, освещение евразийской тематики в государственных и деловых СМИ.

В I квартале 2017 г. самые высокие показатели Евразийского медиаиндекса были зафиксированы в Кыргызстане – 77% и Казахстане – 74%, самые низкие в России – 60% и Беларуси – 50%.

Во II квартале 2019 г., лидером Евразийского медиаиндекса стала Беларусь. Индекс (ЕМИ) за весь период исследований по республике за этот квартал достиг рекордного значения – 88,1%. Такое значение индекса (ЕМИ) сформировалось благодаря высокой позитивности журналистских материалов о партнерах по ЕАЭС, заметному присутствию интеграционной тематики в государственных и деловых СМИ.

По совокупности показателей медиаиндекса, авторы исследования делают вывод о том, что активнее всего о ЕАЭС пишут в Казахстане и Киргизии.

Публикации о ЕАЭС в СМИ России носят эпизодический характер, что объясняется тем, что в медийном пространстве России ЕАЭС выступает в качестве информационного фона при освещении событий в странах-участницах Евразийского союза. Наиболее позитивное освещение интеграционных процессов в ЕАЭС на 2018 г. наблюдалось в Армении и Казахстане.

Результаты приведенных выше исследований можно систематизировать и обозначить ключевой момент: продвижению интеграционной повестки на уровне всех СМИ, включая Интернет-ресурсы, в государствах-участницах ЕАЭС уделяется недостаточно внимания.

Заключение (Conclusions). Несмотря на первоочередное решение экономических задач, в Евразийском Союзе предполагается развитие гуманитарной составляющей:

«Евразийский союз должен стать союзом государств с общим экономическим, таможенным, гуманитарным и культурным пространством» (Мансуров, 2014: 330). Актуальность развития информационного взаимодействия в рамках ЕАЭС подтверждается высказыванием Президента РФ В. В. Путина 31 мая 2016 года на встрече глав государств Евразийского Союза¹.

Таким образом, подобные исследования подтверждают безусловную важность информационной повестки в тематике развития интеграционных проектов ЕАЭС.

Проведенное нами исследование позволило выявить достоинства и назвать недостатки существующих активных электронных ресурсов, освещающих вопросы евразийской интеграции.

Можно сделать вывод о том, что сообщества и группы в социальных сетях зачастую не являются действенным способом информирования о интеграционных проектах. Объясняется это тем, что в подобных электронных ресурсах отсутствует регламент ведения страницы, наблюдается низкая ценность представленной информации и, в целом, таких групп недостаточно.

Вторым выводом является противоречивое оформление сайтов и других электронных ресурсов евразийской интеграции. При наличии достаточно простого и понятного для пользователя интерфейса, зачастую отсутствует соответствующее фото- и видеосопровождение, и практически не разработана обратная связь с пользователями.

Третьим выводом является тот факт, что посещаемость и активность в изученных электронных ресурсах остается на низком уровне, несмотря на всецелую значимость сети Интернет. Полученные в ходе исследования данные обуславливают необходимость разработки конкретного практического инструментария для модернизации существующих электронных источников и создания новых.

¹ Начало Заседания Высшего Евразийского экономического совета в расширенном состав. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/52049> (дата обращения: 10.03.2020).

Стоит сказать, что будущее евразийского интеграционного проекта зависит не только от количества людей, имеющих представление о перспективах ЕАЭС. Позитивно настроенное к развитию евразийской интеграции население, позволит выстроить долгосрочные и крепкие отношения между государствами-участниками Союза.

В заключении еще раз подчеркнем, что полученные в ходе исследования данные указывают на необходимость доработки информационной стратегии на наднациональном уровне управления ЕАЭС.

Список литературы

Боришполец К. П. Методы политических исследований. М.: Аспект Пресс, 2005.

Венидиктов С. В. Евразийское информационное пространство: унификация или координация? // Сетевой журнал «Научный результат». Социальные и гуманитарные исследования. 2016. Т. 2, № 1 (7). С. 60-65.

Видясова Л. А., Чугунов А. В., Видясов Е. Ю. Развитие электронного управления в странах Евразийского экономического союза: прогресс, вызовы и перспективы // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. № 1. С. 66-78.

Глазьев С. Ю. Актуальные проблемы и основополагающие принципы евразийской (постсоветской) экономической интеграции // Философия хозяйства. 2014. № 1 (91). С. 22-35.

Зиядуллаев Н. С. Национальные приоритеты и перспективы Евразийского экономического союза в условиях интеграции и глобальной нестабильности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 15 (300). С. 2-19.

Калиш Я. В. Евразийская интеграция: идейные основания, политический опыт, вызовы и перспективы: дис. ...канд. полит. наук. М., 2018.

Мансуров Т. А. Евразийский проект Нурсултана Назарбаева, воплощенный в жизнь. М.: Реал-Пресс, 2014.

Осадчая Г. И. Становление Евразийского союза: идеи, реальность, потенциал: монография. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019.

Паламарчук А. В. Перспективы международного молодежного сотрудничества на территории Евразийского региона: мнения экспертов // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 61. С. 243-254.

Подкина К. Ю. ЕАЭС: анализ текущего состояния и перспективные векторы сотрудничества // Вестник ЧелГУ. 2019. № 9 (431). С. 217-224.

Ратушняк Е. С. Формирование единого экономического пространства в рамках ЕАЭС: дис. ... канд. эконом. наук. М., 2014.

Рябова Е. Л., Колесникова Н. А. Роль средств массовой информации для формирования гражданского общества в России // Этносоциум. 2014. № 12 (78). С. 19-25.

Сурма И. В. Единое информационное пространство СНГ: 20 лет спустя // Вопросы безопасности. 2015. № 5. С. 41-58.

Филь М. С. Социальные сети. Новые технологии управления миром. М.: Изд-во «Синергия», 2016.

Asian Economic Integration Monitor, 2014. URL: <https://aric.adb.org/publications/aeim> (дата обращения: 10.03.2020)

Ceron A., Curini L. Politics and Big Data: Nowcasting and Forecasting Elections with Social Media. New York: Routledge, 2017.

Ceron A. Social Media and Political Accountability Bridging the Gap between Citizens and Politicians. London: Palgrave Macmillan, 2017.

Lane D., Samokhvalov V. The Eurasian Project and Europe: Regional Discontinuities and Geopolitics. London: Palgrave Macmillan, 2015.

Libman A. Learning from the European Union? Eurasian Regionalism and the "Global Script" // Outlines of global transformations: politics, economics, law. 2019. 12(2). P. 247-268. URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-2-247-268> (дата обращения: 10.03.2020).

Libman A., Vinokurov E. Eurasian Economic Union: Why Now? Will It Work? Is It Enough? // Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations. 2012. 13 (2). P. 29-44.

Meister S. Pragmatism, Not Politicization: Finding the Right Way to Work with the Eurasian Economic Union // *DGAPStandpunkt*. 2015. 4. URL: <https://dgap.org/en/article/getFullPDF/26962> (дата обращения: 10.03.2020).

Neumann I. B. Russia's Europe, 1991-2016: Inferiority to Superiority // *International Affairs*. 2016. 92 (6). P. 1381-1399. URL:

<https://doi.org/10.1111/1468-2346.12752> (дата обращения: 10.03.2020).

Stokhof W., van der Velde P., Hwee Y. L. *The Eurasian Space: Far More than Two Continents*. Singapore: ISEAS, 2004.

References

Borishpolets, K. P. (2005), *The methods of political research*, Aspekt Press, Moscow, Russia. (In Russian)

Venidiktov, S. V. (2016), "Eurasian information space: unification or coordination?", *Setevoy zhurnal "Nauchnyy rezultat". Socialnye i gumanitarnye issledovaniya*, 2 (1), 60-65. (In Russian)

Vidyasova, L. A., Chugunov, A. V. and Vidyasov, E. Yu. (2017), "The development of e-government in the countries of the Eurasian Economic Union: progress, challenges and prospects", *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*, (1), 66-78. (In Russian)

Glazev, S. U. (2014) "Actual problems and fundamental principles of the Eurasian (post-Soviet) economic integration", *Filosofiya hozyaystva*, (1), 22-35. (In Russian)

Ziyadullaev, N. S. (2015), "National priorities and prospects of the Eurasian economic Union in the context of integration and global instability", *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost*, (15), 2-19. (In Russian)

Kalish, Ya. V. (2018), "Eurasian integration: ideological foundations, political experience, challenges and prospects", Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow, Russia. (In Russian)

Mansurov, T. A. (2014), *The Eurasian project of Nursultan Nazarbayev, brought to life*, Real-Press, Moscow, Russia. (In Russian)

Osadchaya, G. I. (2019), *Formation of the Eurasian Union: Ideas, Reality, Potential*, Jekon-Infom, Moscow, Russia. (In Russian)

Palamarchuk, A. V. (2017), "Prospects for international youth cooperation in the Eurasian region: expert opinions", *Public Administration. Electronic Bulletin*, (61), 243-254. (In Russian)

Podkina, K. Ju. (2019), "Analysis of the current state and prospective vectors of cooperation", *Vestnik ChelGU*, (9), 217-224. (In Russian)

Ratushnyak, E. S. (2014), "Formation of a single economic space within the EEU", Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow, Russia. (In Russian)

Ryabova, E. L. and Kolesnikova, N. A. (2014), "The role of mass media in shaping civil society in Russia", *Etnosotsium*, 12 (78), 19-25. (In Russian)

Surma, I. V. (2015), "Common information space of the CIS: 20 years later", *Voprosy bezopasnosti*, 5, 41-58. (In Russian)

Fil, M. S. (2016), *Social network. New technologies for managing the world*, Sinergiya, Moscow, Russia. (In Russian)

Asian Economic Integration Monitor (2014), available at: <https://aric.adb.org/publications/aeim> (Accessed 10 March 2020)

Ceron, A. and Curini, L. (2017), *Politics and Big Data: Nowcasting and Forecasting Elections with Social Media*, Routledge, New York.

Ceron, A. (2017), *Social Media and Political Accountability Bridging the Gap between Citizens and Politicians*, Palgrave Macmillan, London.

Lane, D. and Samokhvalov, V. (2015), *The Eurasian Project and Europe: Regional Discontinuities and Geopolitics*, Palgrave MacMillan, London.

Libman, A. (2019), "Learning from the European Union? Eurasian Regionalism and the "Global Script", *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 12 (2), 247-268, available at: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-2-247-268> (Accessed 10 March 2020).

Libman, A. and Vinokurov, E. (2012), "Eurasian Economic Union: Why Now? Will It Work? Is It Enough?", *Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations*, 13 (2), 29-44.

Meister, S. (2015), "Pragmatism, Not Politicization: Finding the Right Way to Work with the Eurasian Economic Union", *DGAPStandpunkt*, 4, available at: <https://dgap.org/en/article/getFullPDF/26962> (Accessed 10 March 2020).

Neumann, I. B. (2016), "Russia's Europe, 1991-2016: Inferiority to Superiority", *International Affairs*, 92 (6), 1381-1399, available at: <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12752> (Accessed 10 March 2020).

Stokhof, W., van der Velde, P. and Hwee, Y. L. (2004), *The Eurasian Space: Far More than Two Continents*, ISEAS, Singapore.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Рыбакова Марина Владимировна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; профессор кафедры социологии управления Факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Паламарчук Анна Владимировна, соискатель кафедры социологии управления Факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Marina V. Rybakova, Doctor of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University.

Anna V. Palamarchuk, PhD Student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.344.3

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-10

Зерчанинова Т. Е.¹
Тарбеева И. С.²

Роль научного руководителя в научно-образовательной
деятельности аспиранта

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ул. 8 Марта, 66, г. Екатеринбург, 620144, Россия
¹tatiana_z@ui.ranepa.ru
ORCID iD: 0000-0002-1582-1982
²planeta421993@mail.ru

*Статья поступила 2 мая 2020 г.; принята 14 мая 2020 г.;
опубликована 30 июня 2020 г.*

Аннотация. Исторически главная задача аспирантуры заключалась в обеспечении воспроизводства научно-педагогических кадров. Однако сегодня наблюдается ежегодное снижение численности молодых преподавателей и ученых. Также отмечается снижение главного показателя результативности аспирантуры – удельного веса лиц, защитивших диссертации, в общей численности выпускников аспирантуры. Успех научно-образовательной деятельности аспиранта во многом зависит от научного руководителя, который помогает аспиранту освоить необходимые компетенции и найти свой путь в науке. Для проведения исследования была выбрана смешанная стратегия и использовалось два метода сбора данных: анализ документов и социологический опрос в форме анкетирования. Методом анализа документов проанализированы нормативные правовые акты, статистические сборники и аналитические доклады. Методом социологического опроса в форме анкетирования опрошены аспиранты вузов России всех курсов и форм обучения. В результате был сделан вывод о том, что научный руководитель является сверхресурсным субъектом научно-образовательной деятельности аспиранта. В основном аспирант и научный руководитель выбирают договорной и директивный стиль взаимодействия, что предполагает высокий уровень контроля за деятельностью аспиранта. В статье рассмотрены перспективы применения разных стилей научного руководства в зависимости от года обучения аспиранта. Авторы считают целесообразным нормативно закрепить показатели эффективности деятельности научных руководителей аспирантов и предусмотреть для них дополнительные меры поддержки.

Ключевые слова: высшее образование; аспирантура; аспирант; научно-образовательная деятельность; кандидатская диссертация; научный руководитель

Информация для цитирования: Зерчанинова Т. Е., Тарбеева И. С. Роль научного руководителя в научно-образовательной деятельности аспиранта // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 145-158. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-10

Tatiana E. Zerchaninova¹
Irina S. Tarbeeva²

**The role of an academic advisor in the scientific
and educational activities of a postgraduate student**

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
66 8 Marta St., Yekaterinburg, 620144, Russia

¹tatiana_z@ui.ranepa.ru

ORCID iD: 0000-0002-1582-1982

²planeta421993@mail.ru

*Received on May 06, 2020; accepted on May 27, 2020;
published on June 30, 2020*

Abstract. Historically, the main task of the postgraduate course was to ensure the reproduction of scientific and pedagogical staff. However, today there is an annual decrease in the number of young teachers and scientists. There is also a decrease in the main indicator of postgraduate performance – the proportion of people who defended their theses in the total number of postgraduate graduates. The success of scientific and educational activities of postgraduate students largely depends on the academic advisor, who helps the postgraduate student to master the necessary competencies and find their way in science. A mixed strategy was chosen for the research and two methods of data collection were used: document analysis and a sociological survey in the form of questionnaires. The method of document analysis analysed normative legal acts, statistical collections and analytical reports. Postgraduate students of all courses and forms of study at Russian universities were surveyed using the sociological survey method in the form of a questionnaire. As a result, it was concluded that the academic advisor is a superresource subject of scientific and educational activities of postgraduate students. Basically, postgraduate students and advisors choose a contractual and decision-making style of interaction, which implies a high level of control over the activities of postgraduate students. The article deals with the prospects of applying different styles of academic guidance depending on the year of postgraduate study. The authors consider it expedient to fix normatively the indicators of efficiency of activity of academic advisors of postgraduate students and to provide additional measures of their support.

Keywords: higher education; postgraduate studies; postgraduate student; scientific and educational activity; PhD thesis; scientific supervisor

Information for citation: Zerchaninova, T. E. and Tarbeeva, I. S. (2020), “The role of an academic advisor in the scientific and educational activities of a postgraduate student”, *Research Result. Sociology and management*, 6 (2), 145-158, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-10

Введение (Introduction). Сегодня государству необходимо прилагать усилия для формирования эффективной системы воспроизводства научно-педагогических кадров в аспирантуре вузов, так как именно в вузах обучается почти 90% аспирантов.

Ежегодное снижение числа защит кандидатских диссертаций по окончании аспирантуры (в 2018 г. этот показатель достиг своего минимума по сравнению с предыдущими годами – 12,4%¹), старение профессорско-преподавательского состава вузов

¹ Подготовка научных кадров высшей квалификации: показатели деятельности аспирантуры. НИУ ВШЭ, 2019. URL: <https://issek.hse.ru/news/272488810.html> (дата обращения: 10.01.2020).

свидетельствует о том, что сегодня аспирантура не справляется со своей главной исторически сложившейся функцией. Так, в 2018 году Президент РФ определил новые стратегические приоритеты для реализации государственной политики в сфере подготовки кадров высшей квалификации. Наука и образование вошли в число стратегически важных направлений развития страны. В рамках национального проекта «Наука» предполагается увеличение числа исследователей до 2024 года на 35 тысяч человек. Именно для достижения этой цели Минобрнауки России разработан законопроект об аспирантуре, направленный на совершенствование подготовки научных и научно-педагогических кадров, который 4 февраля 2020 года был принят Государственной думой РФ в первом чтении. Ключевой задачей законопроекта является – «сделать защиту диссертации обязательной и отказаться от итоговых научных докладов»¹.

Методология и методы (Methodology and methods). Как известно, аспиранты готовят кандидатскую диссертацию под научным руководством квалифицированных кадров из числа профессорско-преподавательского состава вуза. Изучению взаимодействия аспиранта и научного руководителя посвящены работы А. М. Марголина, Р. М. Мельникова (Марголин, Мельников, 2018), И. О. Котляровой, Г. Н. Серикова, И. Н. Козубцова (Козубцов, 2013), Л. Н. Макаровой (Макарова, 2018), А. С. Роботовой (Роботова, 2009), А. А. Грибаньковой, Е. Б. Мудровой, Е. Б. Виноградовой (Мудрова, Виноградова, 2011), И. Д. Котлярова (Котляров, 2010). Среди зарубежных исследований наибольший интерес представляют работы П. Дениколо, Б. Сигрэма (Seagram, 1998), Дж. Хокки (Hockey, 1996), М. Синклер (Sinclair, 2004), Н. Мерфи и др.

А. А. Грибанькова отмечает, что «успешность обучения и проведения диссертационного исследования в аспирантуре зависит от характера взаимодействия научного руководителя и аспиранта» (Грибанькова, 2011: 71). В исследованиях особая роль научному руководителю отводится в рамках научно-исследовательской деятельности аспиранта: «главным субъектом НИД (прим. автора: научно-исследовательская деятельность) является аспирант, а руководитель НИД оказывает педагогическое содействие аспиранту в формах его подготовки и управления НИД» (Котлярова, 2018: 9). Говоря о научной деятельности аспирантов, И. А. Баева также главную роль отводит научным руководителям, для решения проблем в научной работе аспирантов она предлагает обеспечивать «преемственность тем кандидатских диссертаций тогда мы можем говорить о создании научной школы и использовании предыдущего задела развиваемого направления»².

В литературе можно встретить разные формы/стили поведения научного руководителя и аспиранта, раскрывающие особенности их взаимодействия. Так, например, М. В. Беньш выделила следующие формы научного руководства: научная опека, обсуждение, консультирование. «Как правило, имеет место переход от развернутого и последовательного сопровождения студента к свернутому и эпизодическому, предоставляющему ему возможность для проявления максимальной активности и самостоятельности при выполнении исследования» (Беньш, 2011). О. Дюсте выделила три другие формы (модели) научного руководства: учительскую (teaching model), партнерскую (partnership model) и ученическую (apprenticeship model). В. Куклина вы-

¹ В Госдуму внесен законопроект об отмене госаккредитации аспирантуры. URL: <https://rg.ru/2019/12/13/v-gosdumu-vnesen-zakonoproekt-ob-otmene-gosakkreditacii-aspirantury.html> (дата обращения: 28.03.2020).

² Баева И. А. О работе с аспирантами. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rabote-s-aspirantami/viewer> (дата обращения: 23.03.2020).

деляет всего две формы научного руководства: минималистскую и формальную (Куклина, 2006).

Н. Мерфи, Д. Д. Бэйн, Л. М. Конрад в результате своих исследований представлений аспирантов и руководителей относительно научного руководства пришли к выводу, что у большинства установки и убеждения связаны с необходимостью и ожиданием регулярного контроля (Murphy, Bain, Conrad, 2007).

Исследование Л. Г. Кузиной и И. А. Васильева показало, что треть аспирантов ожидает от научных руководителей «методическую, методологическую и психологическую (моральную) помощь и поддержку, осуществлять контроль и помощь в подборе материала, помогать в выборе средств и методов исследования, оперативно проверять имеющиеся материалы исследования, направлять, контролировать их научную деятельность» (Кузина, Васильев, 2011: 26). В связи с этим в рамках нашего исследования интерес представляет модель, предложенная Т. Гэтфилдом в 2005 году, учитывающая такие аспекты взаимодействия научного руководителя и аспиранта как контроль и поддержка. На основе двух измерений – поддержка и структура (надзор) – он описывает 4 стиля научного руководства: пастырский, невмешательство, договорной, директивный. Ось «структура» характеризует контрольные аспекты взаимодействия научного руководителя и аспиранта и включает такие элементы, как выбор темы, график встреч, установление контрольных точек, времен-

ной промежуток для обратной связи и письменное сопровождение. Ось «поддержка» включает в себя такие элементы, как чувствительность к потребностям аспирантов, укрепление доверия, воздействие на академическую дисциплину, предоставление офисных и лабораторных помещений, администрирование, финансирование и статистическую поддержку.

Пастырский стиль предполагает, что научный руководитель обеспечивает значительную личную поддержку аспиранту, но не обязательно в директивном стиле, ориентированном на выполнение задач. Характеризуется слабой структурой, но значимой поддержкой. Между аспирантом и научным руководителем складываются дружеские и понимающие отношения. Невмешательство подразумевает, что научный руководитель не директивен и не склонен к высокому уровню личного взаимодействия. Обычно он не вмешивается в научно-исследовательскую деятельность аспиранта. Аспирант имеет высокий уровень ответственности и свободы. Договорной стиль предполагает, что научный руководитель обеспечивает руководство и проявляет управленческие навыки.

Наряду с этим устанавливаются хорошие межличностные отношения. Директивный стиль означает, что научный руководитель имеет тесную и регулярную связь с аспирантами, строгий руководитель выполняет роль лидера. Аспирант и научный руководитель обычно избегают тем, не связанных с поставленными задачами (Gatfield, 2005) (рис. 1).

Рис. 1. Матрица стилей научного руководства по Т. Гэтфилду
Fig. 1. Matrix of styles of academic guidance proposed by T. Gatfield

Т. Гэтфилд отмечал, что ни один из этих четырех стилей не должен рассматриваться как изначально нежелательный или неправильный. Стили научного руководства неэффективны только в том случае, если они не соответствуют потребностям и ожиданиям научного руководителя и аспиранта. Важной особенностью модели Т. Гэтфилда является то, что она предусматривает перемещение научного руководителя и аспиранта в поисках «предпочтительных стилей работы». Научный руководитель и аспирант на разных этапах своей работы могут оказаться в разных частях матрицы. Например, научный руководитель может предоставить аспиранту большую гибкость в начале обучения на стадии выбора темы научного исследования (использовать пастырский стиль), но позже на стадии написания текста диссертации более строго его контролировать (применить директивный стиль).

Для проведения исследования была выбрана смешанная стратегия и использовались два метода сбора данных: анализ документов и социологический опрос в форме анкетирования. Методом анализа документов проанализированы такие официальные документы как нормативные правовые акты, регламентирующие подготовку научно-педагогических кадров в аспирантуре, а также статистические сборники и аналитические доклады, содержащие статистические данные об основных показателях деятельности аспирантуры. Методом социологического опроса в форме анкетирования было опрошено 300 аспирантов вузов России всех курсов и форм обучения.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). В рамках статьи авторы решили проанализировать весь нормативно-закрепленный «функционал» научного руководителя. Мы выделили

три основных вида научно-образовательной деятельности аспирантов вузов: образовательная, педагогическая и научная-исследовательская. Образовательная деятельность аспиранта предполагает определенную теоретическую подготовку, необходимую аспиранту для сдачи кандидатских экзаменов («иностранный язык» и «история и философия науки»), а также для успешного осуществления научно-исследовательской и педагогической деятельности. Педагогическая деятельность аспиранта включает теоретический аспект в рамках образовательной деятельности, предполагающий прохождение учебного курса(ов) по основам педагогической деятельности и практический – педагогическая практика. Научно-исследовательская деятельность аспирантов также, как и педагогическая, вначале предполагает теоретическую подготовку, которая сформирует определенный кругозор аспиранта относительно особенностей осуществления научно-исследовательской деятельности. Практический компонент здесь не ограничивается прохождением научно-исследовательской практики, которая также предусмотрена учебным планом. В рамках выбранной темы диссертации аспирант проводит исследование, по результатам которого готовит публикации, выступает на различных научных мероприятиях, участвует в конкурсах научно-исследовательских работ и т.п.

Для анализа мы взяли локальные акты, регламентирующие процесс подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, крупнейшего вуза России – ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». На основе Приказов Ректора РАНХиГС: «Об утверждении Положения об организации и осуществлении образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре», «Об утверждении положений по образовательным программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре и регламентов работы советов по защите диссертаций на соискание ученой степени», «Об утверждении положений об организации педагогической практики и о порядке формирования и выборе обучающимся факультативных и элективных дисциплин по образовательным программам высшего образования – программам подготовки кадров в аспирантуре», «Об утверждении положения о порядке проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре» авторы описали основной «функционал» научного руководителя аспиранта (таблица).

Таблица 1

Функции научного руководителя

Table 1

Functions of the academic advisor

№ п/п	Образовательная	Педагогическая	Научно-исследовательская
1.	Контроль за выполнением обучающимся индивидуального учебного плана	Руководство педагогической практикой аспиранта, которое включает в себя: - присутствие на учебных занятиях, проводимых аспирантом, - выбор дисциплины, учебной группы для проведения педагогической практики, - ознакомление аспиранта с планом учебной работы	Руководство научно-исследовательской практикой аспиранта: - совместно с аспирантом составляет индивидуальный план работы, - проводит необходимые организационные мероприятия по выполнению индивидуального плана практики;

№ п/п	Образовательная	Педагогическая	Научно-исследовательская
		- составление совместно с аспирантом плана работы; - обеспечивает организацию и учет результатов педагогической практики аспирантов; - проводит консультации, оказывает методическую помощь аспирантам; - осуществляет контроль за прохождением педагогической практики аспирантами, соблюдением ее сроков и содержания и принимает меры по устранению выявленных недостатков; - присутствует на учебных занятиях, проводимых аспирантами; - проводит открытые занятия; - готовит отзыв и оценивает прохождение аспирантом педагогической практики, - дает рекомендации по дальнейшему совершенствованию профессиональных педагогических навыков аспиранта	- проводит консультации, оказывает методическую помощь аспирантам при прохождении практики; - осуществляет контроль прохождения практики аспирантом, соблюдения ее сроков и содержания и принимает меры по устранению выявленных недостатков; - оценивает прохождение аспирантом практики, дает рекомендации по дальнейшему совершенствованию профессиональных научно-исследовательских навыков аспиранта.
2.	Дает согласие на ускоренное освоение программы аспирантуры при наличии определенных обстоятельств		Дает письменный отзыв о выполненной научно-квалификационной работе (диссертации) аспиранта после завершения работы над ней
3.	Обучающийся ежегодно аттестуется кафедрой, по представлению научного руководителя		- дает отзыв на диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук, подготовленной под его научным руководством; - выступает на защите диссертации на соискание степени кандидата наук, подготовленной под его научным руководством

Формально научный руководитель осуществляет «руководство» всеми видами научно-образовательной деятельности аспиранта. Характер руководства образовательной деятельностью имеет достаточно рамочный характер и сводится по факту к подписанию отчетных документов, воз-

можно в индивидуальном порядке он осуществляет консультирование по учебным вопросам. В педагогической деятельности на научного руководителя возлагается серьезная нагрузка, связанная с организацией для аспиранта практики получения опыта педагогической деятельности. Научный ру-

ководитель практически единолично организуется практику аспиранта и принимает участие в подготовке всех отчетных документов. Наиболее существенный вклад научный руководитель вносит в научно-исследовательскую деятельность аспиранта. Он осуществляет руководство научно-исследовательской практикой аспиранта и проведением научно-исследовательской работы, в рамках которой аспирант выполняет самостоятельные научные исследования по выбранной теме. Основной проблемой здесь является тот факт, что аспиранты не готовы к объему научно-исследовательской работы в аспирантуре и это проблема магистерской подготовки (Сенашенко, Сенаторова, 2011), так как на предыдущих уровнях высшего образования научно-исследовательской работе уделяется не так много времени.

Программы бакалавриата и специалитета предполагают внушительную образовательную составляющую, в магистратуре научно-исследовательская работа, как правило, сводится к обязательному написанию нескольких научных статей по теме магистерской диссертации. Если в целом учитывать, что согласно нормативным документам, образовательная организация обеспечивает реализацию образовательных программ в аспирантуре посредством проведения: «учебных занятий по дисциплинам (модулям) в форме лекций, семинаров, консультаций, научно-практических занятий, лабораторных работ, коллоквиумов, в иных формах, устанавливаемых организацией; проведение практик; научно-исследовательской работы, в рамках которой обучающиеся выполняют самостоятельные научные исследования в соответствии с направленностью программы аспирантуры; контроля качества освоения программы аспирантуры посредством текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации обучающихся и итоговой (государственной итоговой) аттестации обучающихся»¹, то

формально научный руководитель полностью отвечает за половину возложенных на образовательную организацию функций и частично участвует в остальных. Основной формой взаимодействия научного руководителя и аспиранта выступают консультации – личные или в дистанционном формате (электронная почта, различные мессенджеры и т.п.). Таким образом, сегодня научный руководитель является сильноресурсным (Тюрина, 2008) субъектом научно-образовательной деятельности аспиранта, то есть субъектом-генератором структурных изменений научно-образовательной деятельности аспиранта.

Научные руководители формально не отчитываются о своей работе с аспирантами, поэтому о результативности их деятельности можно судить только по успехам их «подопечных». Сегодня стоит говорить о дуализме результата научно-образовательной деятельности аспиранта вуза. На наш взгляд, результатом научно-образовательной деятельности аспиранта должны выступать субъектный продукт и объектный продукт. Леднев В.С. конкретизирует «новое научное знание именовать объектным продуктом, прирост в развитии субъекта творчества – субъектным результатом (Леднев, 2002: 25).

Под развитием субъекта деятельности мы понимаем освоение необходимых компетенций аспирантом (компетентностный подход, который сейчас используется в образовании), в результате чего сегодня он получает диплом об окончании аспирантуры (результат образовательной и педагогической деятельности). Объектным продуктом выступает вклад аспиранта в науку посредством обоснования нового научного знания, которое должно быть зафиксировано в научных статьях и диссертации на соискание ученой степени кандидата наук (научно-исследовательская деятельность). Таким образом, с точки зрения количественных показателей первый результат

¹ Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре): Приказ Министерства науки и образования Российской Федерации от 19 ноября 2013 г. № 1259. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

можно замерить соотношением показателей «прием в аспирантуру» и «выпуск из аспирантуры» (очная форма обучения, расчет был произведен с учетом года поступления и его выпуска через 3 года), объектный продукт можно замерить таким показателем

как «удельный вес лиц, защитивших диссертации в общей численности выпускников», который в свою очередь выступает одним из ключевых показателей результативности аспирантуры (рис. 2).

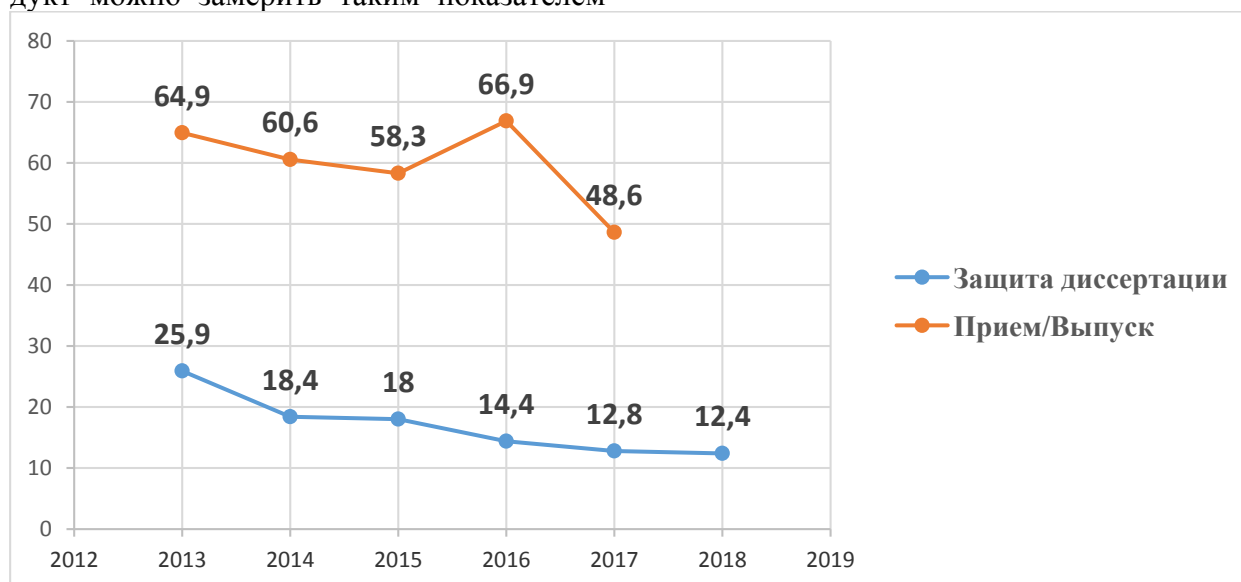

Рис. 2. Диаграмма, демонстрирующая соотношение показателей прием/выпуск из аспирантуры и удельный вес лиц, защитивших диссертации в общей численности выпускников за 2013-2018 гг., %¹

Fig. 2. Diagram showing the ratio of admission/graduation from graduate school and the proportion of people who defended their dissertations in the total number of graduates for 2013-2018., %

Стоит отметить, снижение обоих показателей, однако особую настороженность вызывает постепенное снижение показателя «удельный вес лиц, защитивших диссертации в общей численности выпускников», который напрямую связан с научно-исследовательской деятельностью аспирантов. Если дипломы об окончании аспирантуры получает почти каждый второй, то защищает диссертацию только каждый девятый. Именно защита диссертации является залогом карьерного и профессионального роста молодого преподавателя.

Авторами статьи проведен социологический опрос аспирантов вузов России в форме анкетирования. В опросе приняло

участие 300 аспирантов всех курсов и форм обучения. В целом аспиранты удовлетворены взаимодействием со своим научным руководителем, так 61,5% удовлетворены полностью, а 24,7% скорее удовлетворены. Доминирующим стилем взаимодействия является «договорной» стиль (38,1%) и директивный (30,4%), таким образом почти 80% отмечают, что научный руководитель осуществляет контроль за их научно-исследовательской деятельностью, разница лишь в формате личностного взаимодействия (дружеские или больше формальные деловые отношения). В целом стоит отметить, что в большинстве случаев аспиранту и

¹ Рисунок составлен авторами по: ЕИС Минобрнауки России. URL: <http://eis.mon.gov.ru/education/SitePages/Россия.aspx> (дата обращения: 29.03.2020); Подготовка научных кадров высшей квалификации в России. Инф.-стат. мат. М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2016; Подготовка научных кадров высшей квалификации в России. Инф.-стат. мат. М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2017; Подготовка научных кадров высшей квалификации в России. Инф.-стат. мат. М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018.

научному руководителю удается найти «общий язык» и выбрать свой стиль взаимодействия, в котором комфортно пребывать обоим субъектам.

Обратимся более подробно к разным аспектам научно-исследовательской деятельности аспирантов вузов. Только 15,8% не испытывают трудностей с написанием текста кандидатской диссертации, остальные отмечают такие трудности как недостаточное количество времени на написание текста диссертации (65,6%); отсутствие возможности выполнить эмпирическую часть исследования (24,7%); недостаточная информация по теме исследования (20,2%) и отсутствие контакта с научным руководителем (9,7%). На момент проведения опроса (апрель 2020 года) у 55% аспирантов не готова вторая глава диссертационного исследования (кандидатская диссертация, как правило, имеет минимум 2 главы, иногда 3), у 31,5% аспирантов она находится в работе и только 13,5% отметили, что вторая глава готова и прошла обсуждение с научным руководителем (в опросе аспирантов

1 курса – 36%). 67,6% аспирантов не принимают участия в деятельности студенческих научных сообществ (СНО), научно-исследовательских лабораторий и т.п., в качестве основной причины они отмечают свою не информированность об их деятельности (64,1%), 18,6% признают, что им это совсем не интересно. Почти 90% аспирантов отмечают, что их научно-исследовательская деятельность преимущественно сводится к написанию научных статей и чуть меньше к участию в научных мероприятиях, которые преимущественно проходят в вузе (39,4%) или в этом же городе, где они учатся (30,1%). Только 14,6% аспирантов отметили, что за период обучения в аспирантуре получали гранты (РФФИ, Президентские и т.п.) на проведение научных исследований.

Уже в процессе обучения аспиранты (27,9%) не хотят преподавать в вузе, чуть меньше отмечают отсутствие желания заниматься научно-исследовательской деятельностью в дальнейшем. Мы рассмотрели возрастную структуру ППС в динамике с 2009 года по 2017 год (рисунок 3).

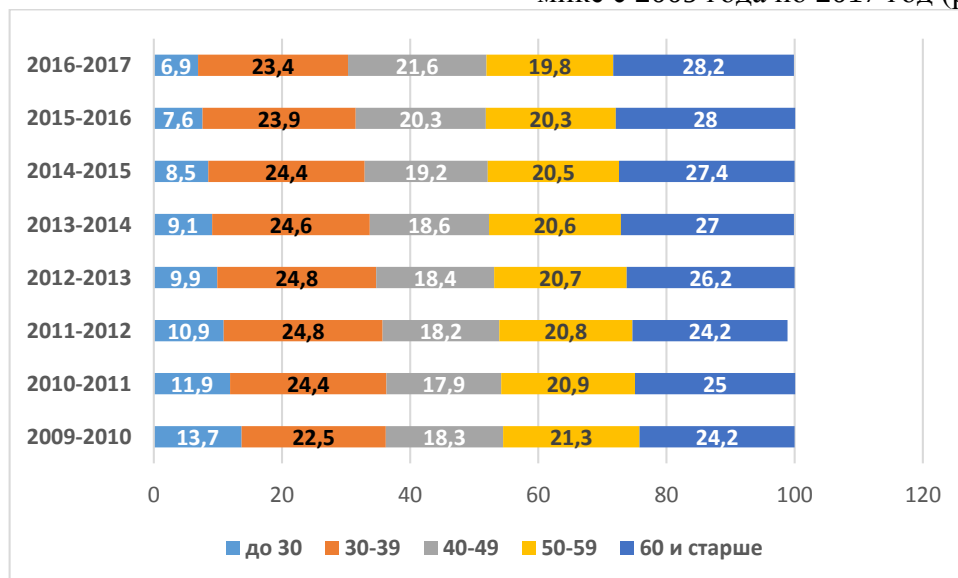

Рис. 3. Структура численности ППС по возрасту в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования, %¹

Fig. 3. Structure of the number of teaching staff by age in organizations that carry out educational activities in higher education programs, %

¹ Рисунок составлен авторами по: Индикаторы образования: 2018: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, Н. В. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018; Индикаторы образования: 2013: статистический сборник. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013.

Стоит отметить, что наблюдается ежегодное снижение численности ППС в возрасте до 30 лет и ежегодное увеличение численности ППС в возрасте от 60 лет и старше. Также все больше среди ППС становится людей в возрасте от 40 до 49 лет. Относительно должностей ППС, возрастная группа 60 лет и старше – в основном профессора, а до 30 лет ассистенты и преподаватели. Таким образом, можно говорить о приближающемся старении ППС, если отмеченная тенденция сохранится, то примерно к 2024 году (подобная динамика проявляется при построении линии тренда) в образовательных организациях высшего образования практически не останется сотрудников на должностях ППС в возрасте до 30 лет, а больше трети преподавательских кадров будет старше 60 лет.

Заключение (Conclusions). Важно отметить, что в целом аспиранты и научные руководители находятся «в контакте» и аспиранты отмечают достаточно высокий уровень удовлетворенности взаимодействием со своим научным руководителем. Это уже хороший фундамент для достижения успехов в научно-образовательной деятельности. Научно-исследовательская работа аспиранта больше похожа на НИС в магистратуре: большинство аспирантов практически не принимает участия в написании/реализации грантов; не принимает участия в научно-исследовательских конкурсах, ограничиваясь участием в научно-практических конференциях; не участвуют в деятельности внутривузовских научных организаций, готовят научные публикации исключительно в соответствии с программой «минимум», предусмотренной индивидуальным планом аспиранта и т.п. Научный руководитель преимущественно контролирует научно-исследовательскую деятельность, но результатом в лучшем случае становится написание «аспирантской диссертации» (она же научно-квалификационная работа).

Учитывая, что в рамках реализуемой государственной политики «ужесточаются» требования к подготовке диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, планируется ввести обязательную защиту кандидатской диссертации по окончании аспирантуры и т.п., важно понимать, что недостаточно изменить только итоговый результат, не затрагивая процесс организации достижения этого результата. Обозначим некоторые изменения в деятельности научных руководителей, которые, на наш взгляд, могут способствовать повышению результативности подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре. Авторы статьи на перспективу считают нецелесообразным сокращать объем образовательной нагрузки в аспирантуре, особенно в части педагогической подготовки, так как установка на то, что аспирантура «кузница научно-педагогических кадров» из миссии аспирантуры не исчезает. Руководство педагогической практикой должен осуществлять непосредственно преподаватель «основ педагогики высшей школы», в таком случае педагогическая практика является более лаконичным продолжением освоенного ранее теоретического курса, научный руководитель может выступать в качестве консультанта (аспирант может посещать занятия научного руководителя и советоваться относительно содержания методических разработок). Это будет способствовать выстраиванию единой методологии подготовки будущих педагогов высшей школы. Кроме этого, необходимо нормативно установить ограничение, предусматривающее, что научный руководитель может курировать научно-исследовательскую работу не более 2 аспирантов. Также считаем необходимым увеличить в два раза нормы времени на руководством аспирантом, начиная со второго года обучения, сейчас независимо от курса обучающегося это «50 часов в год»¹ (как правило, вузы придерживаются данных

¹ Примерные нормы времени для расчета объема учебной работы и основных видов учебно-методической и других работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом образовательных учреждений высшего и

норм времени при планировании, учете и контроле учебной нагрузки ППС). Разумеется, наряду с этим мы предлагаем включить в систему ежегодной оценки эффективности деятельности ППС показатели, связанные с научным руководством аспирантами. К числу таких показателей могут быть отнесены: количество поданных аспирантом заявок на гранты; количество подержанных заявок аспиранта на гранты; количество научных публикаций, подготовленных аспирантом (РИНЦ, ВАК, Scopus, WoS); выступления аспиранта на научных мероприятиях (очные); наличие положительного отзыва от выпускающей кафедры, в котором содержится качественная оценка уровня подготовки текста кандидатской диссертации и т.п. Предложенные изменения, связанные с организацией научного руководства аспирантами, могут быть реализованы на уровне образовательной организации высшего образования.

Что касается непосредственного взаимодействия научного руководителя и аспиранта, то здесь стоит отметить ряд особенностей, которые заслуживают внимания. Во-первых, научный руководитель должен всецело взять на себя функцию адаптации аспиранта к научно-исследовательской деятельности, так как в рамках предыдущих уровней высшего образования это был далеко не доминирующий вид деятельности обучающегося. Первый год у аспиранта ведущим видом научно-образовательной деятельности должна выступать образовательная деятельность, предусматривающая погружение в разные аспекты учебной, педагогической и научно-исследовательской работы. Здесь научному руководителю достаточно придерживаться пастырского стиля, обеспечивая аспиранту необходимую поддержку или даже стиля невмешательства, передавая «ведущую» роль преподавателям учебных дисциплин. С точки зрения научно-исследовательской работы необхо-

димо сконцентрировать усилия на подготовке научных публикаций для участия в научных мероприятиях и проработать концепцию будущей кандидатской диссертации (не требовать от аспиранта подготовки статьи в журналы, рецензируемые ВАК). Ближе к окончанию первого курса целесообразней перейти к директивному стилю, чтобы обеспечить анализ теории по исследуемой теме в летний период. Второй год обучения в аспирантуре должен иметь прикладной характер, и научный руководитель в зависимости от индивидуальных особенностей аспиранта должен балансировать между договорным и директивным стилем. Аспиранта необходимо курировать в написании заявок на гранты для получения финансовой поддержки для проведения диссертационного исследования, в этот период отрабатывается теория и концептуально оформляется эмпирическая часть. На втором году обучения аспирант должен активно коммуницировать с представителями научного сообщества, особенно с теми, кто занимается схожей исследовательской проблематикой. На втором году обучения начинается проведение эмпирической части исследования и осуществляется подготовка статьи в журнал, рецензируемый ВАК. Третий год требует от научного руководителя директивного стиля, так как в результате «договоренности» концепция всей работы разработана и теперь необходимо требовать от аспиранта более технической работы по проведению диссертационного исследования и описанию полученных результатов.

Таким образом, научный руководитель выступает ключевым субъектом научно-образовательной деятельности аспиранта, именно благодаря его усилиям и желанию обеспечить высокий уровень результативности функционирования аспирантуры как главной «кузницы научно-педагогических кадров». Речь идет о поддержке со стороны государства научных

дополнительного профессионального образования: Письмо Министерство образования Российской Федерации от 26 июня 2003 г. № 14-55-784ин/15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

руководителей и оказания им всесторонней поддержки по обеспечению преемственности научно-педагогических кадров высшей школы.

Список литературы

- Баева И. А. О работе с аспирантами // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2011. № 4. С. 17-18.
- Беняш И. В. Система научно-исследовательской работы студентов вузов // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: гуманитарные науки*. 2011. № 6. С. 299-304.
- Грибанькова А. А. Научное руководство аспирантами: социально-психологические аспекты // *Высшее образование в России*. 2011. № 7. С. 71-73.
- Козубцев И. Н. Рекомендации научным руководителям по организации и развитию методологической компетентности у аспирантов // *Концепт*. 2013. № 12. С. 1-11.
- Котляров И. Д. Проблемы осуществления научного руководства соискателями ученой степени кандидата наук // *Университетское управление: практика и анализ*. 2010. № 4. С. 50-54.
- Котлярова И. О., Сериков Г. Н. Партнерство субъектов образовательного процесса в непрерывной научно-исследовательской деятельности аспирантов // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки»*. 2018. Т. 10, № 2. С. 6-16.
- Кузина Л. Г., Васильев И. А. Подготовка молодых научных кадров: проблемы и перспективы // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Педагогика и психология*. 2011. № 3. С. 22-31.
- Куклина В. Фигура научного руководителя и кандидатская диссертация в биографии молодого гуманитария // *Communitas*. 2006. № 2. С. 106-115.
- Леднев В. С. Научное образование: развитие способностей к научному творчеству. М.: МГАУ, 2002.
- Макарова Л. Н. Влияние научного руководителя на формирование профессиональной направленности аспирантов // *Психолого-педагогический журнал Гаудеамус*. 2018. Т. 17, № 2 (36). С. 17-21.
- Марголин А. М., Мельников Р. М. Пути повышения эффективности подготовки аспирантов // *Высшее образование в России*. 2018. Т. 27, № 12. С. 9-19.
- Мудрова Е. Б., Виноградова Е. Б. Оценка факторов подготовки аспирантов в вузе // *Университетское управление: практика и анализ*. 2011. № 5. С. 74-80.
- Роботова А. С. Деятельность научного руководителя: рефлексивные заметки // *Высшее образование в России*. 2009. № 7. С. 34-41.
- Сенашенко В., Сенаторова Н. Аспирантура как образовательная программа // *Высшее образование в России*. 2001. № 3. С. 58-66.
- Тюрина Ю. А. Деятельностный подход в социологии в исследовании отечественного образования // *Вестник Санкт-петербургского университета*. 2008. № 3. С. 295-306.
- Gatfield T. An investigation into PhD supervisory management styles: Development of a dynamic conceptual model and its managerial implications // *Journal of Higher Education Policy and management*. 2005. № 27 (3). P. 311-325.
- Hockey J. A contractual solution to problems in the supervision of PhD degrees in the UK // *Studies in Higher Education*. 1996. № 21 (3). P. 359-371.
- Murphy N., Bain J. D., Conrad L. M. Orientations to research higher degree supervision // *Higher Education*. 2007. № 53(2). P. 209-234.
- Seagram B. C., Gould J., Pyke W. An investigation of gender and other variables on time to completion of doctoral degrees // *Research in Higher Education*. 1998. № 39 (3). P. 319-335.
- Sinclair M. The pedagogy of 'good' PhD supervision: A national cross-disciplinary investigation of PhD supervision. Canberra: Australian Government, Department of Education, Science and Training, 2004.

References

- Baeva, I. A. (2011), "About work with post-graduate students", *Universum: Vestnik of Herzen University*, (4), 17-18. (In Russian)
- Benyash, I. V. (2011), "The system of research work of the university students", *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: humanitarian sciences*, (6), 299-304. (In Russian)
- Gribankova, A. A. (2011), "Scientific management of post-graduate students: socio-psychological aspects", *Higher education in Russia*, (7), 71-73. (In Russian)
- Kozubtsev, I. N. (2013), "Recommendations for scientific supervisors on organization and development of methodological competence in post-graduate students", *Concept*, (12), 1-11. (In Russian)

Kotlyarov, I. D. (2010), "The problems of the implementation of the scientific management of candidates for PhD degrees", *University management: practice and analysis*, (4), 50-54. (In Russian)

Kotlyarova, I. O. and Serikov, G. N. (2018), "Partnership of the educational process subjects in continuous postgraduate research activity", *Bulletin of the south Ural state university. Series "Education. Educational sciences"*, 10 (2), 6-16. (In Russian)

Kuzina, L. G. and Vasilev, I. A. (2011), "Training of the young scientific personnel: problems and prospects", *Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Pedagogy and psychology series*, (3), 22-31. (In Russian)

Kuklina, B. (2006), "The figure of the academic adviser and candidate's thesis in biography of the young humanitarian worker", *Communitas*, (2), 106-115. (In Russian)

Lednev, V. S. (2002), *Science education: development of scientific creativity*, MGAU, Moscow, Russia. (In Russian)

Makarova, L. N. (2018), "The influence of the academic advisor on formation of the graduate students' professional orientation", *Psychological and Pedagogical Journal Gaudeamus*, 17 (2), 17-21. (In Russian)

Margolin, A. M. and Melnikov, R. M. (2018), "Ways to Improve the Efficiency of Doctoral Education", *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 27 (12), 9-19. (In Russian)

Mudrova, E. B. and Vinogradova, E. B. (2011), "The assessment of the of postgraduate students training in University", *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, (5), 74-80. (In Russian)

Robotova, A. S. (2009), "Academic Supervisor Activities: Reflective Notes", *Vysshee obrazovanie v Rossii*, (7), 34-41. (In Russian)

Senashenko, V. and Senatorova, N. (2001), "Graduate School as an Educational Program", *Vysshee obrazovanie v Rossii*, (3), 58-66. (In Russian)

Tjurina, Ju. A. (2008), "The activity approach in sociology in the study of domestic education", *Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta*, (3), 295-306. (In Russian)

Gatfield, T. (2005), "An investigation into PhD supervisory management styles: Development of a dynamic conceptual model and its managerial implications", *Journal of Higher Education Policy and Management*, (27), 311-325.

Hockey, J. A. (1996), "Contractual solution to problems in the supervision of PhD degrees in the UK", *Studies in Higher Education*, (21), 359-371.

Murphy, N., Bain, J. D. and Conrad, L. M. (2007), "Orientations to research higher degree supervision", *Higher Education*, (53), 209-234.

Seagram, B. C., Gould, J. and Pyke, W. (1998), "An investigation of gender and other variables on time to completion of doctoral degrees", *Research in Higher Education*, (39), 319-335.

Sinclair, M. (2004), *The pedagogy of 'good' PhD supervision: A national crossdisciplinary investigation of PhD supervision*, Australian Government, Department of Education, Science and Training, Canberra, Australia.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Зерчанинова Татьяна Евгеньевна, заведующий кафедрой регионального и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат социологических наук, доцент.

Тарбеева Ирина Сергеевна, аспирант кафедры теории и социологии управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Tatiana E. Zerchaninova, Head of the Department of Regional and Municipal Government, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD in Sociology, Assistant professor.

Irina S. Tarbeeva, Postgraduate Student of the Department of Theory and Sociology of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

УДК 316

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-11

Зимова Н. С.¹
Фомин Е. В.²
Смагина А. А.³

**Социальные сети как новый канал взаимодействия
общества и власти**

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, г. Москва, 119991, Россия
nzimova@mail.ru
ORCID iD: 0000-0003-0545-6317

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, г. Москва, 119991, Россия
fominegorv@mail.ru
ORCID iD: 0000-0001-5513-4848

³ АО «Крибрум»
Бульвар Большой, 42, стр. 1, территория инновационного центра «Сколково»,
121205, Москва, Россия
smagina@kribrum.ru
ORCID iD: 0000-0003-0846-1576

*Статья поступила 08 мая 2020 г.; принята 15 июня 2020 г.;
опубликована 30 июня 2020 г.*

Аннотация. Проникновение цифровых технологий в жизнь общества влечет за собой трансформации во взаимодействии органов государственной власти и граждан. Традиционные каналы коммуникации теряют свою актуальность, уступая место современным цифровым технологиям. Одним из эффективных инструментов достижения транспарентности и повышения взаимопонимания граждан и государства сегодня становятся социальные сети. Предоставляя широкие возможности для органов государственной власти, социальные сети в то же время несут новые вызовы и требования. В статье представлены результаты анализа аккаунтов руководителей регионов в популярной социальной сети «ВКонтакте» с помощью технического инструмента – системы многофакторного мониторинга и анализа социальных медиа в режиме реального времени «Крибрум». Анализ проводился по двум параметрам: активность аккаунта и оценка вовлеченности аудитории. В результате анализа обнаружено, что ведение аккаунтов в социальных сетях влияет на показатели уровня доверия населения к власти. Главы регионов, активно использующие социальную сеть для взаимодействия с гражданами, имеют более высокие показатели уровня доверия со стороны населения, нежели губернаторы, игнорирующие их, или уделяющие недостаточно внимания ведению собственных страниц в сети. При этом потенциал социальных сетей как инструмента взаимодействия используется главами регионов не полностью. Сделан вывод, что социальные сети могут являться одним из показателей оценки эффективности деятельности представителей государственной власти, а тенденция к активизации работы с гражданами в социальных сетях будет возрастать.

Ключевые слова: цифровизация; социальные сети; доверие к власти; ключевые показатели эффективности (КПИ).

Информация для цитирования: Зимова Н. С., Фомин Е. В., Смагина А. А. Социальные сети как новый канал взаимодействия общества и власти // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 159-171. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-11

Natalya S. Zimova¹

Yegor V. Fomin²

Alexandra A. Smagina³

**Social networks as a new channel
of interaction between government and society**

¹ Lomonosov Moscow State University
1 Lenin Hills, Moscow, 119991, Russia
nzimova@mail.ru
ORCID iD: 0000-0003-0545-6317

² Lomonosov Moscow State University
1 Lenin Hills, Moscow, 119991, Russia
fominegorv@mail.ru
ORCID iD: 0000-0001-5513-4848

³ «Kribrum»
bld. 1, 42 Bolshoy Blvd., Moscow, 121205, Russia
Territory of the SKOLKOVO Innovation Center
smagina@kribrum.ru
ORCID iD: 0000-0003-0846-1576

*Received on May 08, 2020; accepted on June 15, 2020;
published on June 30, 2020*

Abstract. The expansion of digital technologies in society leads to transformations in the interaction between public authorities and citizens. Traditional communication has been losing its relevance, giving way to modern digital technologies. Social networks are one of the effective tools for achieving transparency and better mutual understanding of citizens and state. With ample opportunities for public authorities, social networks present new challenges and requirements. The article presents the results of the analysis of regional leaders' accounts in the popular social network VKontakte. It was performed with a technical tool – the system of real-time multi-factor monitoring and analysis of social media “Kribrum”. The analysis was carried out according to two parameters: account activity and audience engagement. It was found that maintaining accounts on social networks has an impact on the level of public confidence in the government. The heads of the regions who actively use the social network interacting with citizens are characterized by higher levels of trust on the part of the population than governors who ignore them or pay insufficient attention. However, the potential of social networks as a tool of interaction is not fully unlocked by the heads of Russian regions. It is concluded that social networks can be one of the indicators for evaluating the performance of officials. At the same time, the work with citizens via social networks is highly likely to intensify in the near future.

Key words: digitalization; social networks; confidence in authorities; key performance indicators (KPI)

Information for citation: Zimova, N. S., Fomin, Y. V. and Smagina, A. A. (2020), "Social networks as a new channel of interaction between government and society", *Research Result. Sociology and management*, 6 (2), 159-171, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-11

Введение (Introduction). Сегодня совершеннолетия достигают поколения, для которых цифровые технологии – неотъемлемая часть жизни. Если для людей поколения Y (рожденные в 1981-1995 гг.) цифровые технологии были будущим, то для поколения Z они являются настоящим. Изменяется сама природа новых людей, родившихся после 1996 года (Howe, 2008: 109-111). В настоящее время эта возрастная группа населения страны становится полноценным активным участником политической жизни. Традиционные методы работы с этой частью электората малоэффективны, что требует от государства нового подхода, основанного на применении цифровых технологий, в частности социальных сетей.

Согласно отчетам компаний WeAreSocial и Hootsuite на начало 2020 года в социальных сетях зарегистрировано 3,8 миллиарда пользователей. Это почти 60% мирового населения. Данный показатель с каждым годом растет: в 2019 году насчитывалось 3,48 миллиарда пользователей¹. В России 78% пользователей интернета имеют аккаунты в социальных сетях, что больше, чем в США (75%), Германии (56%), Швеции (74%), Франции (49%) (Цифровая экономика, 2019: 96). В России самые активные пользователи социальных сетей: в среднем, каждый зарегистрирован в четырех социальных сетях (Лебедев, 2018). Самой популярной является платформа «ВКонтакте» – за 2018 год в ней зарегистрировано более 36 млн.

активных авторов и более 1 млрд. публикаций².

Таким образом, с развитием цифровых технологий социальные сети рассматриваются как новый канал взаимодействия власти с электоратом. Это требует от представителей власти выходить в интернет-пространство и активно работать с аудиторией. Однако потенциал этого канала используется не в полной мере, что частично связано со скептическим отношением представителей власти к цифровым инструментам.

М. Пренски в 2001 году ввел термины «цифровых аборигенов» и «цифровых иммигрантов» («digital natives», «digital immigrants»), где первые – те, кто вырос в эпоху цифровых технологий, а у последних знакомство с этими благами произошло уже во взрослом состоянии (Prensky, 2001). По замерам агентства «Рейтер», средний возраст всех политиков и чиновников составляет 55,5 года³. Это означает, что у власти находятся люди, которые стали учить «язык цифры» в зрелом возрасте.

По мнению Дж. Реале, кризис политического представительства гражданских интересов в рамках таких традиционных институтов, как профсоюзы и политические партии, свидетельствует о возрастании потребительской гражданственности на базе интернет-технологий. Подобная трансформация поведения граждан требует пересмотра культуры государственного управления и перехода к более открытой системе, способной

¹ WeAre Social, Hootsuite: глобальный цифровой обзор, 2020. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview> (дата обращения: 16.11.2019).

² Brand Analytics. Соцсети в России: цифры и тренды, 2018. URL: <https://raec.ru/live/branch/10785/> (дата обращения: 16.11.2019).

³ Reuters.com. План Путина омолодить российскую политику продвигается медленно, 2020. URL: <https://ru.reuters.com/article/topNews/idRUKBN1DK1UL-ORUTP> (дата обращения: 16.03.2020).

адаптироваться к современным стандартам прозрачности, общественного участия и гражданского государственного сотрудничества (Reale, 2014: 195-206).

Одной из наиболее значимых работ по использованию социальных сетей в деятельности государственной власти является исследование И. Мергель. На основе интервью с представителями департаментов исполнительной власти она пришла к выводу, что платформы являются новыми каналами взаимодействия с обществом, при помощи которых граждане получают информацию о деятельности представителей власти, а представители власти – о проблемах на местах. Мергель выделила три цели, для которых социальные сети используются в государственном секторе: прозрачность, сотрудничество и участие (Mergel, 2013: 327-334).

Среди отечественных исследований по изучению роли социальных сетей в деятельности органов государственной власти следует отметить работу Н.Е. Дмитриевой. Мониторинг официальных аккаунтов в социальных сетях федеральных ведомств подтвердил, что новые каналы взаимодействия с обществом повышают информированность граждан и органов власти, что ведет к повышению уровня доверия. (Дмитриева, 2015: 123-146).

Россия по показателям онлайн-взаимодействия населения с государством отстает от европейских стран. В Швеции 84% от общей численности населения старше 15 лет осуществляют онлайн-взаимодействие с органами власти, в Финляндии – 83%, во Франции – 68%, в России только 33% (Цифровая экономика, 2019: 59).

В США и Европе социальные сети и блоги становятся самым распространенным и широко используемым инструментом публичного дискурса. Практически каждый политик имеет свой аккаунт на онлайн-платформах, где выкладывает информацию, касающуюся его политической и личной жизни.

В этих странах накоплен положительный опыт использования разнообразных инструментов, позволяющих на основе анализа социальных сетей отслеживать эффективность государственного управления. В Португалии используется автоматическая категоризация сообщений, поступающих от граждан по проблемам, связанным с предоставлением различных услуг со стороны государства в соответствии со стандартом ISO 37120. Пользователи направляют на официальные профили правительственных организаций свои жалобы или отзывы по конкретным услугам в соответствующие организации. В США используется специальное программное обеспечение (USA Performance) для оценки результативности профессиональной служебной деятельности федеральных государственных служащих.

В настоящее время в России предпринимаются определенные шаги для развития работы с социальными медиа. Так, в 2017 г. в Московской области был запущен пилотный проект «Инцидент менеджмент», разработанный компанией Медialogия. С 2019 года он был внедрен во всех регионах России. «Инцидент» мониторит пять социальных сетей – «ВКонтакте», «Facebook», «Instagram», «Twitter», «Одноклассники» и отслеживает негативные сообщения, жалобы, вопросы, отзывы, благодарности. Представители региональных министерств и муниципалитетов должны ответить в социальных сетях, ответ автоматически приходит и в систему «Инцидент». Результаты попадают главе региона. Все сообщения и реакция на них статистически обрабатываются. Доступ к статистике имеют как сотрудники региональных администраций, так и Администрация Президента. Система становится инструментом контроля качества работы региональных властей.

Реализация мероприятий федерального проекта «Цифровое государственное управление» направлена на перевод 70% контактов граждан и организаций с

государственными (муниципальными) органами и бюджетными учреждениями в цифровой вид к 2024 году. Кроме того, Указ президента определил в качестве одного из ключевых показателей эффективности (КРІ) деятельности глав регионов их активность в интернет-пространстве¹.

Таким образом, возникает необходимость рассмотреть, как представители органов власти используют социальные сети для взаимодействия с населением, и как данная деятельность влияет на уровень доверия и показатели их эффективности.

Методология и методы (Methodology and methods). На основе открытых данных произведен анализ активности глав регионов в социальных сетях. Выбор губернаторов для анализа сделан на основе данных о выполнении ими КРІ по показателю «уровень доверия населения к главам регионов», которые были озвучены в ноябре 2019 года в Администрации президента. Данные о выполнении губернаторами КРІ подготовлены на основе закрытого георейтинга Фонда «Общественное мнение».

Наивысших результатов согласно КРІ по уровню доверия населения достигли: Р. Кадыров (Чеченская Республика), Р. Хабилов (Республика Башкортостан), Р. Старовойт (Курская область), А. Дюмин (Тульская область). Губернаторы, имеющие неудовлетворительные показатели: И. Орлов (Архангельская область), С. Гапликов (Республика Коми), А. Левинталь (Еврейская автономная область), В. Илюхин (Камчатский край)².

Анализируемый период – с 1 по 14 ноября 2019 года. Для анализа выбрана наиболее популярная социальная сеть на территории России – «ВКонтакте». Согласно данным аналитической компании «Mediascope», российская аудитория

социальной сети «ВКонтакте» составляет в среднем 39.6 млн. в месяц.

В рамках работы, главным образом, были использованы методы, внедренные в систему многофакторного мониторинга и анализа социальных медиа в режиме реального времени «Крибрум»: метод контент-анализа – анализ текстового материала и продуктов коммуникативной деятельности; метод изучения качественных и количественных показателей коммуникативного поведения; метод сравнительного анализа, метод сопоставления двух и более объектов, выделение в них общего и различного с целью классификации и типологизации; методы количественного анализа – методы описания и преобразования исследовательских данных на основе использования математико-статистического аппарата; критический дискурс-анализ – исследование изменений дискурса, выводы о преобладающей модальности коммуникативного поведения и преобладающих темах дискурса. Кроме того, использовались лингвосемантические и психологические поведенческие модели, адаптированные для платформы.

Рейтинг глав регионов по уровню использования социальных сетей строился на основе двух показателей. Во-первых, учитывалась активность самого губернатора в социальной сети «ВКонтакте»: частота публикации постов, время публикации, скорость ответа на комментарии, активность чиновника на странице других пользователей (лайки, репосты). Также мы изучали полноту использования функционала социальной сети губернатором: наличие фотографии профиля, личную информацию о себе (год рождения, религиозные взгляды, наличие рабочих и личных фотографий), возможность добавления в друзья, доступ к

¹ Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2019 г. № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

² РБК: Кремль выявил лидеров и аутсайдеров среди губернаторов по доверию граждан. Регионы ранжировали по выполнению КРІ и похвалили, 10 ноября 2019. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/11/2019/5dc814fa9a79477cd6a9cf1e> (дата обращения: 16.01.2020).

комментариям. Во-вторых, проанализирована вовлеченность аудитории в обсуждение проблем на страницах глав регионов: количество друзей или подписчиков, комментариев, лайков, репостов. Лингвосемантический анализ публикаций пользователя позволил определить основные темы, которые обсуждаются на странице политика.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Аккаунты всех губернаторов анализировались отдельно с помощью системы «Крибрум». Данные, полученные при анализе, представлены в Таблице 1 и Таблице 2 и описаны в данном разделе статьи.

Рамзан Кадыров (глава Чеченской Республики) – <https://vk.com/ramzan>. Глава Чеченской республики Р. Кадыров занимает лидирующую позицию. Уровень активности Р. Кадырова, а также его аудитории в социальных сетях подтверждают этот факт даже при первом взгляде, до проведения анализа с помощью специализированных систем. Исследование страницы Р. Кадырова в социальной сети «ВКонтакте» за период 1-14 ноября 2019 года демонстрирует, что у пользователя 19 друзей, 644 тыс. подписчиков. Доступ к отправке личных сообщений Р. Кадырову ограничен настройками приватности, но возможность комментирования публикаций на странице главы республики сохраняется. В исследуемый период Р. Кадыров опубликовал 31 пост, ежедневно оставляя от одной до пяти записей, кроме 02.11, 04.11 и 07.11. 60% публикаций сделано в дневное время, 35% – в вечернее. Наиболее волнующими темами постов стали праздники, происшествия, здоровье и медицина, культура, работа и образование, спорт. Затрагиваемые Р. Кадыровым вопросы вызывают интерес пользователей: они активно комментируют записи главы региона, а также делают репосты. За анализируемый период сделано 1240 комментариев и 202 репоста. Активность проявили 626 пользователей. Сам Р.

Кадыров не проявлял активности на страницах других пользователей.

В результате можно констатировать, что Р. Кадыров активно ведет свой аккаунт в социальной сети «ВКонтакте», обсуждаемые им вопросы привлекают внимание его окружения. Тем не менее, он лишь задает направление обсуждения, но не участвует в дальнейшем развитии тем.

Радий Хабиров (глава Республики Башкортостан) – <https://vk.com/radiyhabirov>. В соответствии с итогами, подведенными С. Кириенко, глава республики Башкортостан Р. Хабиров перевыполнил KPI. Анализ активности Р. Хабирова в социальной сети «ВКонтакте» за период 1-14 ноября 2019 года обнаружил 159 тыс. подписчиков, при этом дружественные связи и его ближайшее онлайн-окружение остаются недоступными. За указанный период времени Р. Хабиров опубликовал 12 постов: по одной публикации в день кроме 4 ноября (День народного единства) и 11 ноября. Основной массив публикаций был сделан в рабочие часы. Лингвосемантический анализ публикаций пользователя позволил определить основные затронутые темы: происшествия, семья, общественные проблемы, спорт, политика, культура, образование, праздники, здоровье и медицина. Пользователи социальной сети активно вовлечены в обсуждение вопросов, поднимаемых Р. Хабировым в его публикациях. За указанный период к его записям было оставлено 4298 комментариев и 624 репоста – данные действия совершило более 2200 пользователей. При этом ответная активность Хабирова отсутствует, он не отвечает на комментарии.

Активность Р. Хабирова можно охарактеризовать как высокую, он затрагивает широкий круг тем, его публикации вызывают отклик аудитории, однако, он сам не вовлечен в обсуждение.

Роман Старовойт (губернатор Курской области) – <https://vk.com/gubernator46>. Он занял одну из лидирующих позиций по выполнению KPI.

Оценка его активности и открытости ведения социальных сетей неоднозначна. Он не проявляет повышенной активности, но его страница является привлекательной для пользователей. Согласно анализа на момент 1-14 ноября 2019 года в социальной сети «ВКонтакте» Р. Старовойт имел 36 тыс. подписчиков, но раздел «Друзья» на его странице скрыт. Доступ к комментированию его публичных записей открыт, есть возможность отправки личных сообщений. Данная особенность выгодно выделяет страницу губернатора на фоне его коллег из других регионов. За анализируемый период губернатор Курской области опубликовал один пост и оставил один комментарий. Данные действия были произведены в среду 6 ноября. Среди затронутых тем: семья, общество, работа и образование, культура, здоровье и красота, досуг. За анализируемый период активность под его постами проявили 288 пользователей социальной сети. Всего было оставлено 719 комментариев и сделано 62 репоста. При этом Старовойт не участвует в дальнейших дискуссиях и не комментирует активность пользователей в открытом пространстве.

Таким образом, несмотря на низкую активность и отсутствие регулярных публикаций губернатора, его страница является привлекательной для его аудитории, которая участвует в обсуждениях под постами. Отличительной особенностью страницы является открытый доступ к написанию личных сообщений Р. Старовойту, что может рассматриваться как механизм, позволяющий повысить качество обратной связи с населением.

Игорь Орлов (губернатор Архангельской области) – https://vk.com/igororlov_29. И. Орлову задачи КРІ по показателям доверия населения и итогам выборов выполнить не удалось. Анализ активности Орлова в социальных сетях, а также привлекательность его страницы для аудитории также можно оценить невысоко. В период 1-14 ноября 2019 года в социальной сети «ВКонтакте» у губернатора было 10 тыс. подписчиков.

Повышению уровня вовлеченности аудитории препятствуют ограничения на возможность отправки личных сообщений и комментирования постов. За анализируемый период Орлов опубликовал 6 постов, при этом системность во времени и количестве публикаций отсутствует: в некоторые дни публикуются по несколько постов, затем следует продолжительная пауза. Примечательно, что 4 ноября в праздничный день было размещено две публикации. Закономерности по времени опубликования записей установить не удастся. Лингвосемантический анализ показал, что губернатор проявляет интерес к таким темам, как происшествия, семья, общество, работа и образование, культура, здоровье, досуг. Аудитория Орлова слабо отвечает на его посты, плохо откликается на поднимаемые им темы. За указанный период записи Орлова «репостнули» 24 раза. В данную активность были вовлечены 20 авторов, при этом сам Орлов со своей страницы не проявлял никакой активности.

Активность И. Орлова можно оценить постах затрагивает актуальные общественные темы. Однако настройки страницы автора, его намеренное желание ограничить активность других пользователей на своей странице приводит к снижению вовлеченности аудитории.

Сергей Гапликов (глава р. Коми) – <https://vk.com/gaplikovkomi>. С. Гапликов оказался в числе тех, кому не удалось показать удовлетворительные результаты КРІ. Анализ страницы главы региона в социальной сети «ВКонтакте» за период 1-14 ноября 2019 года демонстрирует высокую активность автора, и значительный отклик аудитории при ее относительно скромных объемах. На тот момент у Гапликова в друзьях было 6407 аккаунтов, а в подписчиках – 124. Несмотря на то, что Гапликов всех добавляет в друзья, доступ к комментированию его записей, а также отправка личных сообщений ограничены настройками приватности. За анализируемый период он опубликовал 23 поста и сделал 5 репостов. Активность

Гапликова характеризуется регулярностью, ежедневно автор оставляет от одной до четырех записей. Основной массив публикаций оформляется в будние дни, на выходные приходится лишь 37% активности, что указывает то, что губернатор ведет аккаунт не только в рабочее время, но и в свободное. Аномальных всплесков активности не зафиксировано. С помощью методик лингвсемантического анализа было установлено, что глава республики в своих записях проявил интерес к темам семьи, работы, образования, культуры, здоровья, досуга. Действия пользователей на странице Гапликова ограничены, поэтому аудитория главы республики репостит его записи: было сделано 183 перепечатки автора, в этом приняли участие 123 пользователя, при этом с двумя пользователями Гапликов общается по принципу взаимности.

В результате отмечаем, что С. Гапликов проявляет высокую активность в социальной сети «ВКонтакте», имеет скромную аудиторию, не сегментирует ее, добавляя большинство пользователей в друзья, а не в подписчики. При этом Гапликов ограничивает возможность комментировать его записи, а также направлять личные сообщения. Аудитория вовлекается с целью осуществления перепечаток его записей. Тем не менее, глава Коми отметил несколькими комментариями, что также демонстрирует его вовлеченность.

Алексей Дюмин (губернатор Тульской области) <https://gubernator.tularegion.ru/>. Среди регионов, которые по оценке эффективности заняли лидирующие позиции фигурирует Тульская область. При этом у губернатора А. Дюмина страниц в социальных сетях нет. Онлайн-взаимодействие с главой региона пользователям Интернета предлагается осуществлять посредством персонального сайта, где в значительном объеме представлены свежие материалы, посвященные активности губернатора. Интерактивный раздел сайта «Написать письмо» состоит из массивного описания

правил обращения к Правительству Тульской области и последующей электронной формой заполнения заявки в электронной приемной. Кроме того, сайт губернатора содержит ссылки на социальные сети, блоги и канал «YouTube», при переходе по которым открываются аккаунты и сообщества, относящиеся к деятельности исполнительной власти Тульской области, однако не персонализированные и не посвященные непосредственной активности губернатора.

Среди тех, кто замыкает рейтинг по выполнению KPI, выделяют также глав Еврейской автономной области (У А. Левин-таля), и Камчатского края (В. Илюхина), у которых аккаунтов в социальных сетях также нет.

В рамках анализа отметим, что возглавляемый (до 12.12.2019) А. Левин-талем регион по уровню доверия к губернатору занимает стабильно низкие позиции. Согласно проведенным социологическим исследованиям, обсуждение которых происходило в мае 2019 года, наибольшее количество жителей Еврейской автономной области высказалось за смену губернатора – область вошла в десятку регионов с максимальным запросом на смену главы.

В. Илюхин, губернатор Камчатского края, в июле 2019 года заявил, что планирует завести аккаунт в социальных сетях и лично принимать участие в ведении страниц. В СМИ распространились слова В. Илюхина о том, что он человек увлекающийся и ему будет непросто сдержаться в жарких спорах с оппонентами, разварачивающихся в социальных сетях. Тем не менее, глава региона признал, что возможности взаимодействия с гражданами используются не в полной мере, а страницы в социальных сетях позволяют улучшить ситуацию, в связи с чем он рассматривает этот шаг как необходимый и позитивный. В социальной сети «ВКонтакте» уже появилась страница губернатора В. Илюхина – <https://vk.com/kamgubernator> – но помимо даты рождения она не содержит другой информации (на момент января 2020 г.).

Таблица 1

Информация об аккаунтах глав регионов в социальной сети «ВКонтакте»

Table 1

Information about regional heads' accounts in the social network "VKontakte"

ФИО	Регион	Информация о странице			
		Ссылка	Кол-во друзей	Кол-во подписчиков	Доступ к комментированию/сообщениям
Р. Кадыров	Чеченская республика	https://vk.com/ramzan	19	644 тыс.	да/нет
Р. Старовойт	Курская область	https://vk.com/gubernator46	скрыты	36 тыс.	да/да
Р. Хабиров	республика Башкортостан	https://vk.com/radiyhabirov	скрыты	159 тыс.	да/нет
И. Орлов	Архангельская область	https://vk.com/igororlov_29	скрыты	10 тыс.	нет/нет
С. Гапликов	республика Коми	https://vk.com/gaplikovkomi	6407	124	нет/нет
В. Илюхин	Камчатский край	https://vk.com/kamgubernator	скрыты	55	нет/да

Таблица 2

Информация об активности аккаунтов глав регионов и других пользователей на их страницах в социальной сети «ВКонтакте»

Table 2

Information about the activity of accounts of heads of regions and other users on their pages in the social network "VKontakte"

ФИО	Регион	Информация об активности аккаунта и других пользователей на его странице				
		Его активность	Действия над ним	Пишут ему	Пишет он	Взаимно
Р. Кадыров	Чеченская республика	31 пост	1240 комментариев, 202 репоста	626	0	0
Р. Старовойт	Курская область	1 пост, 1 комментарий	719 комментариев, 62 репоста	288	0	0
Р. Хабиров	республика Башкортостан	12 постов	4298 комментариев, 624 репоста	2227	0	0
И. Орлов	Архангельская область	6 постов	24 репоста	20	0	0
С. Гапликов	республика Коми	23 поста, 5 репостов	183 репоста	123	2	2
В. Илюхин	Камчатский край	отсутствует	отсутствует	0	0	0

Следующим этапом исследования стала оценка вовлеченности аудитории каждого губернатора в политическую активность в Интернете (Таблица 3). Для оценки использован коэффициент вовлеченности аудитории (англ. Engagement Rate), применяемый в области анализа социальных медиа. В наиболее

общем виде формула расчета коэффициента выглядит так: реакция аудитории (в нашем случае комментарии и репосты) поделенная на объем аудитории (сумму друзей и подписчиков). Для анализа вовлеченности аудитории рассматриваемых страниц глав регионов данная простейшая формула представляется наиболее подходящей.

Таблица 3

Рейтинг вовлеченности аудитории аккаунтов глав регионов в социальной сети «ВКонтакте»

Table 3

Audience engagement rating for regional heads' accounts in the social network "VKontakte"

ФИО	Регион	Коэффициент вовлеченности аудитории (действия над ним/кол-во друзей+подписчиков)
Р. Хабиров	р. Башкортостан	3,096%
С. Гапликов	р. Коми	2,802%
Р. Старовойт	Курская обл.	2,169%
И. Орлов	Архангельская обл.	0,240%
Р. Кадыров	Чеченская р.	0,224%
В. Илюхин	Камчатский кр.	0,000%

Согласно расчетам, наиболее вовлеченной можно назвать аудиторию главы Республики Башкортостан, Р. Хабирова, коэффициент вовлеченности аудитории которого превысил 3%. Высокие показатели зафиксированы у С. Гапликова и Р. Старовойта – более 2%. У Р. Кадырова, лидера по показателям, исследуемым ранее, коэффициент вовлеченности невысокий. Однако не следует упускать из виду номинальных значений, так, например, коэффициент вовлеченности аудитории Р.Кадырова размывается из-за значительного объема аудитории (644 тыс. подписчиков). С.Гапликов попал в топ-3 из-за незначительного количества подписчиков и друзей, однако его положение в этом списке демонстрирует возможный потенциал для дальнейшего продвижения аккаунтов в социальных сетях.

Таким образом, в результате анализа было выявлено, что активность губернатора в социальных сетях оказывает влияние на показатель доверия к нему населения. С помощью системы многофакторного анализа социальных медиа «Крибрум» мы определили, что посты у ряда руководителей регионов (Р. Кадыров,

Р. Хабиров, Р. Старовойт) публикуются активно с равными интервалами. Граждане видят, что руководители на своих страницах пишут посты о работе всех служб региона, отвечают на вопросы граждан, вовлекают их в совместный поиск решений проблем региона, что способствует повышению взаимопонимания граждан и глав регионов.

У аутсайдеров нашего рейтинга (И. Орлов, С. Гапликов, В. Илюхин) аккаунтов в социальных сетях нет, либо они ведутся нерегулярно и не активно. Кроме того, перечисленные главы регионов неадекватно реагируют на комментарии граждан в интернете, относятся враждебно к критике в свой адрес. В результате это порождает волну негатива, которая закрывает и позитивные черты, таким образом, формируется образ руководителя, которому безразличны проблемы жителей.

В современных условиях, когда федеральная власть признает важность социальных сетей, учитывает открытость и популярность региональной власти среди населения, тенденция к активизации работы с гражданами в виртуальных сетях будет только возрастать.

Заключение (Conclusion). Использование социальных медиа в целях государственного управления в настоящее время – необходимость, которую диктует информационное общество. Выход в онлайн-пространство является закономерным этапом развития публичного политического процесса. Уже сегодня предпринимаются попытки по адаптации различных методов и подходов к использованию социальных медиа в качестве инструмента государственного управления.

Проведенное исследование доказало, что социальные сети наряду с традиционными каналами взаимодействия, являются новым важным инструментом коммуникации общества и власти. Игнорирование социальных сетей или их неумелое использование крайне негативно сказывается на уровне доверия населения к представителям государственной власти, а также на их карьере. Этот вывод нашел подтверждение на практике: главы регионов, попавшие в аутсайдеры нашего рейтинга, через полгода покинули свои посты. 2 апреля 2020 г. И. Орлов, глава Архангельской области и С. Гапликов, глава республики Коми объявили об уходе со своих постов. На следующий день пост губернатора Камчатского края покинул В. Илюхин¹ (Коммерсантъ, 2020). Уход в отставку глав регионов с низким рейтингом был вызван совокупностью причин, однако наше предположение о том, что на доверие населения к губернатору влияет его деятельность в социальных сетях, подтверждается. Таким образом, социальные сети могут являться инструментом оценки эффективности деятельности представителей государственной власти.

Возможности, которыми обладают социальные сети как канал взаимодействия власти с гражданами, чрезвычайно широки. Географическая маркировка сообщений, интеграция городских сервисов услуг,

категоризация сообщений по темам в соответствии с международными стандартами, идентификация информационных угроз – это примеры аспектов, которые могут быть полезными для целей государственного управления. Отдельное внимание сегодня уделяется решениям, основанным на методе мониторинга с последующей надстройкой различных технических возможностей. Такие разработки могут использоваться не только для оценки активности граждан в социальных медиа, но и для повышения эффективности работы самих политиков на своих персональных страницах и сайтах.

Таким образом, социальные сети представляют собой серьезный потенциал для политиков с точки зрения взаимодействия со своим электоратом, предоставления государственных услуг, принятия и корректировки политических решений. Недооценка этого инструмента несет опасность отстать от темпов технологического прогресса и разорвать связь между поколением «цифровых иммигрантов» и «цифровых аборигенов».

Список литературы

Губанов А. В., Зотов В. В. Социальные сети как новый инструмент государственного и муниципального управления в Российской Федерации // Коммуникология. 2017. Т. 5, № 4. С. 83-92.

Дмитриева Н. Е. Для связи в сети: результаты мониторинга открытости федеральных органов исполнительной власти в социальных сетях // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 2. С. 123-146.

Захаров В. М., Филимонова Г. А. Оценка профессиональной деятельности государственных гражданских служащих в Белгородской области с использованием социальных сетей // ARS ADMINISTRANDI. 2014. № 4. С. 29-36.

Крыштановская О. В. Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2018. № 1.

¹ Баширов Б. В. В «Инцидент-менеджмент» чаще всего жалуются на дороги, 29 января 2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4234804> (дата обращения: 16.03.2020).

Лебедев П. Цифровая эпоха. Затерянные в соцсетях, 2018. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2019-01/lebedev_socseti.pdf (дата обращения: 16.01.2019)

Цифровая экономика: 2019: краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг. М.: НИУ ВШЭ, 2019.

Шестакова И. Г. Новая темпоральность цифровой цивилизации: будущее уже наступило // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2. С. 20-29.

Щекина И. А. Блоги губернаторов: Коммуникативные возможности и имиджевые риски // Вестник ВГУ. 2015. № 3.

Andrews M. Good Government Means Different Things in Different Countries // *An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. 2010. Vol. 23. № 1.

Bencke L., Cechinel C., Munoz R. Automated classification of social network messages into Smart Cities dimensions // *Future Generation Computer Systems*. 2020.

Mergel I. A framework for interpreting social media interactions in the public sector // *Government Information Quarterly* 30. 2013. P. 327-334.

Molinillo S. et al. Smart city communication via social media: Analysing residents' and visitors' engagement // *Cities*. 2019. Vol. 94. P. 247-255.

Prensky M. Digital natives, digital immigrants // *On the horizon*. 2001. Vol. 9, № 5.

Reale G. Opportunities and differences of open government data policies in Europe // *Athens journal of social sciences*. 2014. Vol. 1, № 3. P. 195-206.

References

Gubanov, A. V. and Zotov, V. V. (2017), "Social networks as a new tool of state and municipal government in the Russian Federation", *Kommunikologiya*, 5 (4), 83-92. (In Russian).

Dmitrieva, N. E. (2015), "For online communication: results of monitoring of the openness of Federal executive bodies on social networks", *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya*, (2), 123-146. (In Russian).

Zakharov, V. M. and Filimonova, G. A. (2014), "Assessment of the professional activities of civil servants in the Belgorod region using social

networks", *ARS ADMINISTRANDI*, (4), 29-36. (In Russian).

Kryshtanovskaya, O. V. (2018), "Contactless Sociology: New Forms of Research in the Digital Age", *Cifrovaja sociologija*, (1). (In Russian).

Lebedev, P. (2018), *The digital age. Lost in social networks*, [Online], available at: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2019-01/lebedev_socseti.pdf (Accessed 16 January 2020). (In Russian).

Tsifrovaya ekonomika: 2019: kratkiy statisticheskiy sbornik (2019), HSE, Moscow, Russia. (In Russian).

Shestakova, I. G. (2019), "The new temporality of digital civilization: the future is now", *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye obshchestvennye nauki*, (2), 20-29. (In Russian).

Shchekina, I. A. (2015), "Governors' Blogs: Communication Opportunities and Image Risks", *Vestnik VGU*, (3). (In Russian).

Andrews, M. (2010), "Good Government Means Different Things in Different Countries", *An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*, 23 (1).

Bencke, L., Cechinel, C., and Munoz, R. (2020), "Automated classification of social network messages into Smart Cities dimensions", *Future Generation Computer Systems*.

Mergel, I. (2013), "A framework for interpreting social media interactions in the public sector", *Government Information Quarterly*, 327-334.

Molinillo, S. (2019), "Smart city communication via social media: Analysing residents and visitors engagement", *Cities*, 94, 247-255.

Prensky, M. (2001), "Digital natives, digital immigrants", *On the horizon*, 9 (5).

Reale, G. (2014), "Opportunities and differences of open government data policies in Europe", *Athens journal of social sciences*, 1 (3), 195-206.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Зимова Наталья Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социального конструирования Московского

государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Фомин Егор Васильевич, научный сотрудник кафедры цифровой социологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Смагина Александра Андреевна, аналитик АО «Крибрум».

Natalya S. Zimova, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Social Engineering, Lomonosov Moscow State University.

Yegor V. Fomin, Researcher, Department of Digital Sociology, Lomonosov Moscow State University.

Alexandra A. Smagina, analyst JSC «Kribrum».